

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

48²⁰¹⁸
ЧАСТЬ II

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 48 (234) / 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор: Осянина Екатерина Игоревна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 19.12.2018. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Чарльз Райт Миллс* (1916–1962), американский социолог, публицист и публичный интеллектual, один из основоположников леворадикального направления в западной социологии.

Чарльз Миллс родился в Уэко (штат Техас) в типичной семье американцев среднего класса. Его отец был страховым брокером, а мать — домохозяйкой. Свое образование будущий социолог начал с технической специализации: в 1934 году он закончил Далласскую техническую среднюю школу со специализацией по архитектуре и инженерному строительству, однако никакого удовлетворения от этих занятий юноша не получал. В 1935 году он перешел в Университет штата Техас, где очень быстро стал выдающимся студентом. Его внимание привлекала философия социологии, во многом основанная на прагматизме Джорджа Герберта Мида. К окончанию магистратуры Миллс уже имел публикации в довольно солидных социологических журналах. После получения степени бакалавра и магистра философии в 1939 году Миллс переехал в Университет штата Висконсин, где увлекся изучением теорий Макса Вебера и Карла Маркса. В 1941 году Ч. Миллс защитил докторскую диссертацию, посвященную проблемам прагматизма. Уже тогда больше всего его интересовали социальная стратификация и моральная роль интеллектуалов, описанные Максом Вебером.

С ранних лет американский социолог отличался очень бурным и неуживчивым характером. Его просто тянуло на критику окружающей действительности — и общественного строя родной страны, и своих коллег-социологов. Эта неугомонность отразилась и на личной жизни Миллса. В 1937 году он женился на Дороти Хэлен Джеймс, а в 1940 году развелся с нею, но уже в 1941 году вступил с ней в повторный брак и... снова (уже окончательно) развелся в 1947 году. Впоследствии Миллс был женат еще дважды, причем в последний брак он вступил незадолго до смерти.

После защиты докторской Миллс получил свой первый академический пост в Университете штата Мэриленд. А в 1945 году он начал работать в исследовательском Бюро Колумбийского университета, которое

занималось прикладными социальными исследованиями. Благодаря этой работе в его руках скопилась обширная социологическая информация. Работа в Бюро закончилась тем, что Миллс был уволен, провалив порученный ему проект. Однако ему удалось остаться в самом Колумбийском университете. Должность профессора он смог получить только в 1956 году.

Его тяжелый характер с годами так и не улучшился. Среди коллег у него практически не было не только друзей, но и просто хороших знакомых. Например, его соавтор, а также бывший учитель Хансо Герт назвал Чарльза «отличным дельцом, наглым мальчишкой, многообещающим молодым человеком, стремящимся к наживе, и техасским ковбоем с ружьем и на коне».

Чарльз Миллс написал довольно много научных трудов. Скандальную известность ему принесли две работы, написанные в последние годы его жизни. Это «Властвующая элита» и «Социологическое воображение». Обе эти книги имели ярко выраженную критическую направленность: первая критиковала социальный строй США, вторая — американскую социологию.

На Кубе Чарльз Миллс взял интервью у Фиделя Кастро, который признал, что читал его книгу «Властвующая элита». В декабре 1960 года ученый готовился к телевизионным дебатам, посвященным американской политике в Латинской Америке. Нервное напряжение Миллса вылилось в сердечный приступ. Чуть больше года спустя, в марте 1962-го, он умер от очередного инфаркта в возрасте сорока пяти лет.

Мексиканский писатель Карлос Фуэнтес посвятил Миллсу свой роман «Смерть Артемио Круса». Он отзывался о Миллсе как о «правдивом голосе Северной Америки, друге и товарище в борьбе Латинской Америки».

Общество по изучению социальных проблем (SSSP) учредило Премию имени Ч. Р. Миллса в 1964 году. Премия присуждается за книгу, которая «лучше всего иллюстрирует выдающееся исследование в области социальных наук и большое понимание личности и общества в традициях выдающегося социолога Чарльза Райта Миллса».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Агжанова Д. М.

Понятие юридической техники95

Асташова Ю. И.

Прокурорский надзор и процессуальная
самостоятельность следователя 97

Бермешева А. П.

Ригоризм как один из принципов
профессиональной этики государственного
и муниципального служащего99

Бермешева А. П.

Профессиональная этика в сфере
государственной и муниципальной службы ... 101

Беспалько В. Г., Бабаш Е. В., Михайлович С. И.

Развитие положений права интеллектуальной
собственности о свободном публичном
исполнении музыкальных произведений 103

Бурнашев Г. А.

Ценностные аспекты правовой культуры
и правовой идеологии, их влияние
на правоприменительную политику 107

Бурнашев Г. А.

Права и свободы человека как критерий
правовой культуры общества 110

Бурнашев Г. А.

Сущность и содержание правовой культуры
как нормативно-ценностной основы, цели
и средства правоприменительной политики... 112

Бурнашев Г. А.

Формирование правовой культуры
в Российской Федерации..... 114

Бурнашев Г. А.

Проблемы правового воспитания
на современном этапе 117

Васильчук Т. А.

Стороны гражданско-правового договора 120

Васильчук Т. А.

Понятие и виды недействительности
гражданско-правовых договоров 122

Васятин А. Е., Лисина О. В.

К вопросу о правовой природе отношений между
единоличным исполнительным органом
и хозяйственным обществом..... 124

Веремьева К. С.

Правовое регулирование розничной продажи
алкогольной продукции на предприятиях
общественного питания 126

Виноградов А. С.

Компетенция комиссии по делам
несовершеннолетних и защите их прав
в сфере профилактики правонарушений
несовершеннолетних..... 129

Виноградов А. С.

Ведомственный и государственный контроль
за деятельностью комиссий по делам
несовершеннолетних и защите их прав 130

Галкина Е. А.

Государственная политика противодействия
коррупции в сфере государственной службы . 132

Геворкян Э. Н.

Некоторые особенности преступности
несовершеннолетних в Санкт-Петербурге 134

Голубина А. А.

Актуальность учения о теориях сущности
юридического лица 136

Долиняк А. В.

Проблемы безопасности при погрузке
на станционных и собственных
железнодорожных путях 139

Дулепова А. Ю.

Содержание интеллектуальных прав
несовершеннолетних на результаты
интеллектуальной и творческой
деятельности 140

Казымов Д. А.

К вопросу о виктимологической профилактике
преступлений против неприкосновенности
несовершеннолетних, совершаемых
с использованием сети Интернет 142

Карлаш Н. О.

Субсидиарная ответственность контролирующих
лиц. Новеллы законодательства 145

Качабеков К. Т.

Функции следователя в современном уголовном
судопроизводстве 147

Качабеков К. Т.

Понятие и роль процессуальной
самостоятельности следователя в его
правовом статусе 149

Киселева Д. Н.

Деятельность прокуратуры в сфере
противодействия коррупции 151

Кишмирян Ж. Р.

К вопросу несоблюдения поднадзорными лицами
административных ограничений и невыполнения
установленных обязанностей 154

Котина И. Д.

Вопросы разграничения гражданско-правовой
ответственности в случае авиакатастрофы 157

Кришталова А. А.

Юридическое лицо как субъект преступления:
перспективы развития в современном
уголовном праве России 160

Крылова О. С.

Роль Центрального банка в банковской
системе РФ 163

Кузьмина Е. С.

Проблема выделения форм и видов соучастия
в преступлении 165

Войнова Е. П.

Соотношение понятий «земля» и «земельный
участок» в России и Украине 167

Куценко А. А.

Административно-правовой статус
военнослужащего 170

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Понятие юридической техники

Агжанова Динара Мухамадиевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются различные подходы к определению понятия юридическая техника, дискуссии, касающиеся ее предмета и сферы применения, а также соотношение понятий «юридическая техника» и «юридическая технология».

Ключевые слова: юридическая техника, юридическая технология, юридическая деятельность, правовое регулирование.

Характерной особенностью правовой системы России является активное развитие и совершенствование действующего законодательства, что можно расценивать как одну из основных закономерностей общественного развития. Между тем правовое регулирование может быть эффективно только тогда, когда оно является технически совершенным. Критерием высоких качественных характеристик правовых актов является, с одной стороны, соблюдение правил юридической техники, а также уровень ее подготовленности и богатство ее средств, а, с другой стороны, — умение пользоваться технико-юридическим арсеналом.

Термин «юридическая техника» (от лат. *juris* — право, *techne* — искусство, ремесло) представляет собой отрасль знаний о правилах ведения юридической работы и создания в ее процессе различного рода юридических документов. Данный термин был введен выдающимся немецким правоведом девятнадцатого века Рудольфом фон Иерингом, который посвятил этой теме большое одноименное исследование. Примечательно то, что в нем по большей части речь шла только об одном из видов юридической техники — законодательной.

В отечественной литературе мысль о том, что юридическая техника и техника законодательная — понятия несинонимичные, впервые выразил С.С. Алексеев, включив помимо законодательной («юридической техники как таковой») технику расследования преступлений, технику ведения юридических дел, составления процессуальных документов, то есть правоприменительную технику [1]. Позже современные авторы дополнили данное понятие средствами создания интерпретационных, правореализационных актов, а также включили в инструментарий юридической техники новые элементы.

В настоящее время среди ученых и практиков нет единого понимания термина юридическая техника. При этом, проанализировав мнения правоведов по этому вопросу, можно выделить две самостоятельные теоретические дискуссии.

В рамках первой дискуссии, касающейся предмета юридической техники, сложились два основных подхода: документационный и деятельностный. Сторонники первого подхода рассматривают юридическую технику как науку исключительно о составлении юридических документов. Так, румынский исследователь Анита Нашиц определяет юридическую технику как «науку законотворчества, законодательную политику и законодательную технику, как комплекс методов и приемов, призванных придавать соответствующую форму содержанию правовых актов». [8] А.Ф. Черданцев полагает, что юридическая техника — это совокупность приемов, правил, способов подготовки, составления и оформления юридических документов, их систематизации и учета [9].

По мнению сторонников второго, деятельностного подхода, юридическая техника есть средство совершенствования юридической деятельности: совокупность приемов и средств, посредством которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений в целом. Предмет юридической техники при этом значительно расширяется, так как включает в себя помимо документов осуществление любой деятельности, требующей владения специальными юридическими средствами, приемами, навыками. Большой Юридический Словарь определяет ее как совокупность определенных приемов, правил, методов, применяемых как при разработке содержания и структуры правовых актов, так и при их претворении в жизнь [4] Данный подход, по мнению автора, является более убедительным. Правовой акт и юридическая деятельность пред-

ставляют собой «две стороны одной медали». Результатом юридической работы, как правило, является письменный документ — правовой акт, а процесс подготовки, создания акта — это всегда деятельность. Если юридическая деятельность сводится исключительно к своим материальным результатам — документам, то в понятии юридической техники неизбежно начинают преобладать формальные аспекты, она становится техникой оформления результатов юридической деятельности.

Вторая дискуссия, являясь не менее острой, касается сферы применения юридической техники. Так, С. С. Алексеев определяет юридическую технику как совокупность средств и приемов, используемых в соответствии с правилами при выработке и систематизации правовых (нормативных) актов [1]. В трактовке В. К. Бабаева это совокупность средств и приемов построения правовых норм [2], то есть внимание акцентируется только на правотворчестве. По мнению В. Ф. Калины, юридическая техника есть «способы создания (производства), а также реализации права» [5]. Последний подход представляется более справедливым в условиях сегодняшней действительности, ведь совершенно очевидно, что помимо правотворчества есть и другие сферы, которые требуют от юриста специальных юридических знаний, приемов, правил и навыков. На современном этапе многие авторы, признавая особую роль правотворческой техники, наряду с ней выделяют технику правоприменения, технику толкования и правореализационную юридическую технику.

Следует отметить, что в юридической литературе помимо термина «юридическая техника» зачастую встречается термин «юридическая технология», в связи с чем весьма интересным представляется вопрос об их соотношении.

Наиболее подробно идею внедрения понятия юридической технологии представил В. Н. Карташов, который представил ее содержание следующими частями: юридическая техника (то есть все, что относится к способам решения практических задач); юридическая стратегия (формулирование, планирование, прогнозирование, создание условий для достижения основных целей правового регулирования); юридическая тактика (способы достижения стратегических целей путем использования всей совокупности приемов и методов, выработанных практикой юридической деятельности) [6]. Саму же юридическую технологию он определял как «основанный на определенных принципах, планах и прогнозах процесс подготовки,

оформления и обнародования разнообразных правовых решений (актов), в ходе которого используются необходимые средства, приемы, способы и методы юридической деятельности». Н. А. Власенко понимает под юридической технологией порядок применения и использования методов и приемов по подготовке и принятию юридического акта или решения. «Юридическая техника, отмечает он, — это неотъемлемая часть юридической технологии, условие ее функционирования. Юридическая технология отвечает на вопрос как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные юридические операции, то юридическая техника отвечает на вопрос: с помощью каких приемов и средств должны осуществляться те или иные действия» [3].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что юридическая техника представляет собой инструментальную часть юридической технологии. Но почему же в правовой науке термин «юридическая технология» не так распространен и общепринят, как «юридическая техника»? Обратимся к исследованию упомянутого Рудольфа фон Иеринга, который использовал слово «техника» в двояком смысле — субъективном и объективном. В первом смысле он понимал юридическое искусство, задачу которого составляет формальная отделка правового материала», во втором — осуществление этой задачи в самом праве, то есть как «соответствующий технический механизм права. Очевидно, что под юридической техникой немецкий правовед понимал как собственно юридическую технику, так и юридическую технологию, а консервативное название «юридическая техника», включающее в себя оба аспекта, дошло до наших дней, устоялось и используется большинством ученых. Этот вывод подтверждает и Т. В. Кашанина, которая, говоря о структуре юридической техники, выделяет две части: собственно юридическую технику и юридическую технологию, при чем под последней понимаются «правила рационального составления, систематизации и правильной реализации правовых актов» [7].

Таким образом, юридическая техника представляет собой систему разработанных в науке и сложившихся на практике знаний, основанных на правилах, способах и средствах, используемых при создании нормативно-правовых актов, а также осуществлении иной юридической деятельности в области правотворчества, интерпретации и правореализации, благодаря которым обеспечивается совершенство как его формы, так и содержания.

Литература:

1. Алексеев, С. С. Проблемы теории права / ред.: Русинов Р. К.; отв. за вып.: Семенов В. М. — Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. — 396 с.
2. Бабаев, В. К. Теория государства и права / В. К. Бабаев. — М.: Юрист, 2003. — 385 с.
3. Власенко, Н. А. Язык права / Н. А. Власенко. — Иркутск, 1997. — 134 с.
4. Додонов, В. Н. Большой юридический словарь / ред. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 703 с.
5. Калина, В. Ф. Юридическая техника / В. Ф. Калина. — М.: Юрайт, 2014. — 326 с.

6. Карташов, В. Н. Юридическая техника, тактика, стратегия, технология (к вопросу о соотношении) / В. Н. Карташов // Юридическая техника. — 2000. — № 3. — с. 15–23.
7. Кашанина, Т. В. Юридическая техника в сфере частного права (корпоративное и договорное нормотворчество) / Т. В. Кашанина. — М.: Норма, 2009. — 287 с.
8. Нашиц, А. Правотворчество / А. Нашиц. — М.: Юрист, 1974. — 294 с.
9. Черданцев, А. Ф. Теория государства и права / А. Ф. Черданцев. — М.: Юрайт-М, 2002. — 394 с.

Прокурорский надзор и процессуальная самостоятельность следователя

Асташова Юлия Игоревна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Вопрос процессуальной независимости и самостоятельности следователя является одним из ключевых в уголовном процессе и имеет важное практическое значение.

Процессуальная самостоятельность и независимость следователя служит гарантом объективности в осуществлении им уголовного преследования и способствует достижению целей уголовного судопроизводства.

Существует огромная необходимость обеспечения процессуальной самостоятельности следователя.

Однако, имеются некоторые проблемы и формируется достаточно негативная обстановка с обеспечением процессуальной самостоятельности данного участника уголовного судопроизводства.

С принятием Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [1] произошло перераспределение полномочий между руководителем следственного органа и надзирающим прокурором. Это положило начало обеспечению процессуальной самостоятельности следственных органов. При этом Закон в полном объеме гарантирует защиту прав участников уголовного судопроизводства путем предоставления возможности обжалования действий следователя руководителю следственного органа и в суд.

Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. наделял прокурора широкими полномочиями в сфере руководства, контроля и надзора за деятельностью следователя. Указания прокурора, данные в письменной форме, были обязательны для следователя (ст. 211–212 УПК РСФСР).

УПК РФ, сохранив существовавшие ранее полномочия, предоставил прокурору право давать согласие следователю и дознавателю на возбуждение уголовного дела (ст. 37 УПК РФ). На практике эта новелла привела к массовой нераскрываемости преступлений, поскольку без возбуждения уголовного дела нельзя было провести неотложные следственные действия в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления.

Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ лишил прокурора ряда полномочий, позволявших проводить уго-

ловное преследование на стадии предварительного расследования, а также многих функций в области надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия. Те же полномочия, которые сохранились, не имеют достаточных гарантий осуществления. Так, если прокурор признает постановление следователя о возбуждении дела незаконным или необоснованным, он вправе в срок не позднее 24 часов с момента получения материалов, послуживших основанием возбуждения уголовного дела, отменить постановление о возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление, копию которого направляет должностному лицу, возбудившему уголовное дело. В свою очередь, следователь может с согласия руководителя следственного органа обжаловать решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела вышестоящему прокурору (п. 5 ч. 2 ст. 38, п. 4 ст. 221 УПК РФ). Аналогично поступает следователь, когда прокурор принимает решение о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия при рассмотрении поступившего к нему уголовного дела с обвинительным заключением (п. 2 ч. 1, ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

Прокурор уполномочен требовать от органов дознания и следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). Орган дознания выполняет это требование, а следователь, не согласившийся с требованием прокурора, не выполняет их и передает свои письменные возражения руководителю следственного органа (ч. 3 ст. 38 УПК РФ). Если руководитель следственного органа не согласится с указанными требованиями прокурора, прокурор вправе обжаловать это решение вышестоящим руководителям следственных органов и Генеральному прокурору (ч. 6 ст. 37 УПК РФ).

Будучи уполномоченной осуществлять от имени государства уголовное преследование, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, прокуратура России с внесением Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральным законом «О про-

куратуре Российской Федерации» изменений в УПК РФ лишилась функции предварительного следствия, а также ряда ключевых властно-распорядительных полномочий, которые были переданы руководителю следственного органа. В частности, прокурор уже не вправе возбуждать уголовное дело; давать следователю обязательные для исполнения указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий; отменять незаконные или необоснованные постановления следователя; давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; продлевать срок предварительного расследования и др. В результате доминирующее положение на этапе досудебного следствия занял ведомственный (процессуальный) контроль, а роль прокурора, по мнению ряда юристов, стала схожей с той, которую он выполняет при осуществлении общего надзора. С оставшимся минимумом полномочий проблематичной стала и эффективная реализация функции надзора, не говоря уже об уголовном преследовании, которую с прокуратуры никто не снимал (п. 45, 47, 55 ст. 5, ст. 37 и др. УПК РФ).

В российской юридической науке законодательные новации были восприняты неоднозначно: как положительно, так и отрицательно. После их введения практика выявила ряд проблем, следствием чего стало внесение Федеральными законами от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия», от 5 июня 2012 г. № 53-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и другими корректив в УПК РФ. Согласно этим поправкам прокурор уполномочен истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК РФ, при наличии оснований возбуждать перед судом ходатайство о продлении срока домашнего ареста или срока содержания под стражей по уголовному делу, направляемому в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом, и др. В этом решении усматривается последовательная и положительная тенденция усиления роли прокуратуры в досудебном производстве. Ведущими учеными и практиками Российской Федерации обосновывается необходимость восстановления полномочий прокурора, необходимых для полноценного осуществления надзора на досудебных стадиях уголовного процесса. [2]

Осуществленная на основании Федерального закона от 5 июня 2007 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» трансформация полномочий прокурора хотя и не ослабила процессуальные позиции прокурора как должност-

ного лица органов прокуратуры, выполняющего функции надзора за исполнением законов и уголовного преследования, тем не менее значительно осложнила его отношения с предварительным следствием.

Прежде всего это проявилось в информационном обеспечении работы прокурора. После вступления в силу Федерального закона от 5 июня 2007 г. прокурор формально вообще был лишен доступа к главному источнику информации — материалам уголовного дела. Лишь более чем через год Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» прокурору была предоставлена возможность знакомиться с материалами находящегося в производстве уголовного дела (но только после направления мотивированного запроса руководителю следственного органа). Правда, за прокурором все-таки сохраняется возможность ознакомиться с материалами уголовного дела в полном объеме и без мотивированного запроса, но лишь когда оно ложится к нему на стол с обвинительным заключением, то есть после окончания расследования. [4]

Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ были введены новые полномочия прокурора по надзору за законностью решений следователя (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ). В настоящее время прокурор уполномочен истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решения в соответствии с УПК РФ.

Анализ ч. 6 ст. 148, ч. 1.1 ст. 211, ч. 1 ст. 214 УПК РФ свидетельствует о том, что прокурор, признав соответствующее постановление незаконным и необоснованным, в определенный срок с момента получения материалов уголовного дела отменяет соответствующее постановление, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами дела незамедлительно направляется руководителю следственного органа. Соответствующий руководитель следственного органа вправе отменить постановление следователя об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела, если сам признает их незаконными или необоснованными, и принять соответствующее решение о возбуждении уголовного дела либо о направлении материалов для дополнительной проверки со своими указаниями, о возобновлении приостановленного предварительного следствия в связи с отменой соответствующего постановления следователя, о возобновлении производства по прекращенному делу (ч. 6 ст. 148, ч. 2 ст. 211, ч. 1 ст. 214, ч. 4 ст. 39 УПК РФ).

Законодатель ввел дополнительные полномочия прокурора в сфере надзора за законностью и обоснованностью решений следователя для того, чтобы исключить нарушения закона. Однако эти полномочия также необязательны для исполнения руководителями следственных органов: последние могут согласиться или не согласиться

с решением прокурора. Оставляя в силе решение следователя, которое прокурор признал незаконным или необоснованным, руководитель следственного органа не обязан излагать мотивы своего решения. [4]

Объективная необходимость наличия самостоятельности у следователя послужила одной из главных причин формирования единого следственного органа в нашей стране — Следственного комитета Российской Федерации.

Литература:

1. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 11.06.2007. — № 24. — с. 2830.
2. Дворник, А. А Правовой статус прокурора в досудебном производстве в соответствии с УПК РФ // «Законодательство». — апрель 2013. — № 4.
3. Ульянова, Л. Т. Новеллы УПК РФ // «Законодательство». — июнь 2012. — № 6.
4. Ястребов, В. Б. Взаимосвязь полномочий прокурора, следователя, руководителя следственного органа (научно-практический анализ) // «Законодательство». — май 2012. — № 5.

Ригоризм как один из принципов профессиональной этики государственного и муниципального служащего

Бермешева Анастасия Павловна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье раскрывается понятие и сущность этики государственного и муниципального служащего в процессе осуществления профессиональных обязанностей. Автором описан принцип ригоризма профессиональной этики государственного и муниципального служащего, названы причины отсутствия его применения в профессиональной деятельности государственных и муниципальных чиновников. Также в статье обозначены основные принципы совершенствования строгого и неуклонного соблюдения нравственных норм и буквы закона для чиновников.

Ключевые слова: этика государственной и муниципальной службы, ригоризм профессиональной этики чиновников, коррупция.

The article reveals the concept and essence of ethics of state and municipal employee in the process of professional duties. The author describes the principle of rigorism in professional ethics of state and municipal employees, named the reasons for the lack of its application in the professional activities of state and municipal officials. Also in the article the basic principles of improvement of strictly and steadily observance of moral numbers and the letter of the law for officials are designated.

Key words: ethics of the state and municipal service, the rigorism of professional ethics of officials, corruption.

Под профессиональной этикой государственной и муниципальной службы [1] понимается совокупность наиболее пригодных, глубоко осознанных и конкретизированных, принадлежащих данному обществу норм поведения, порядок действий и правил, взаимоотношений и принципов в государственно-служебных отношениях, которые являются нормами общечеловеческой морали.

В настоящее время концептуальным нормативным правовым актом, где определены основные требования к служебному поведению сотрудников, является Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Это, по сути, свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного

поведения, которыми должны руководствоваться государственные служащие независимо от замещаемой ими должности [11]. К нормативным правовым актам, регулирующим профессию государственных служащих, а также муниципальных служащих, относятся Федеральный закон от 27.07.2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [6], Федеральный закон от 25.04.2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [8], Федеральный закон от 02.03.2007

№ 25-ФЗ «О муниципальной службе» [7]. В соответствии с Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, основные принципы служебного

поведения государственных (муниципальных) служащих являются основой поведения граждан Российской Федерации в связи с нахождением их на государственной и муниципальной службе.

В 2018 году выйдет новый Указ Президента Российской Федерации «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2019 годы» — это будет шестой по счету нормативный акт аналогичного характера. Первый документ был издан в 2008 году.

Российское законодательство подробно регламентирует вопрос организации государственной службы, существуют определённые признаки и принципы в организации системы государственной службы. Также законодательно определён статус государственного служащего, который претерпел некоторые изменения [10].

Профессиональная этика государственных служащих предполагает наличие нравственных ориентиров в поведении людей в сфере их профессиональной деятельности, способствуя её развитию и совершенствованию [3].

Такова сущность профессиональной этики государственных и муниципальных чиновников.

Правовые нормы, регулирующие сложную систему взаимоотношений государственных служащих, затрагивают лишь основные процедуры и операции деятельности государственного служащего. Вне пределов их действия остается множество ситуаций, не поддающихся правовой оценке. Чем выше квалификация и статус должностного лица, тем меньшей стандартизованностью отличается процесс решения задач. Соответственно, возникает возможность выбора варианта решения на основе личного усмотрения. А это — поле действия моральных факторов, здесь имеют значение сила общественного мнения и внутренние саморегуляторы — долг, совесть, честь [5].

Сложность современных управленческих задач, выполняемых государственной службой, их включенность в реальное пространство жизнедеятельности людей и взаимодействия с гражданским обществом, определяют повышенные требования к государственным гражданским служащим не только с профессионально-квалификационной, но и с социально-психологической, этической, культурно-нравственной позиций. Обусловленность может проявляться в двух основных видах: формализованном — инструкции, должностные обязанности, различные нормативные документы, регламентирующие поведение государственного служащего; неформализованном — в традициях, нормах морали, служебной этики и т. п. [4].

Нравственная составляющая регламентации деятельности государственного служащего, с одной стороны, должна быть стержневой основой личности, на которую «нанализуются» профессиональные качества, с другой стороны, её сложнее всего формализовать в виде определенного свода нормативных требований, так как личность госслужащего гораздо шире его профессиональных обязанностей и интересов.

Ригоризм (фр. *rigorisme* от лат. *Rigor* твердость, строгость) — строгость проведения какого-либо принципа (нормы) в поведении и мысли. Ригоризм исключает компромиссы и не учитывает другие принципы в отличие от исходного. Обычно под ригоризмом понимают нравственный (моральный, моралистический, этический) ригоризм — ригоризм в проведении нравственных норм. Часто это слово используется в отрицательном смысле для обозначения чрезмерной мелочной строгости в соблюдении правил нравственности [1]. Полагаю, что именно сейчас твердость и строгость необходима современному менеджеру-чиновнику на государственной или муниципальной службе. Компромисс может привести к коррупции, невозможно учесть интересы всех, если законом предусмотрено иное, чем требует этот компромисс, а следование принципу ригоризма в профессиональной этике государственного и муниципального служащего поможет в соблюдении нравственных норм.

Принцип ригоризма коррелирует с одним из фундаментальных принципов этики государственной службы и важнейшим компонентом нравственной оценки деятельности чиновника, который был обозначен еще в Древнем Риме, — принципом: «Справедливость есть основа государственного строя». Реализация этого принципа подразумевает законное и разумное использование властных полномочий, в фактической, а не «словесной» защите прав и законных интересов граждан, удовлетворении их просьб и ожиданий. Без требовательной строгости государственного или муниципального служащего удовлетворить ожидания справедливости граждан сложно.

Иногда требовательная строгость государственных и муниципальных чиновников переходит границы этических норм. Конечно, нетерпимо и такое качество, как высокомерие, характеризующее неуважительно-презрительное, надменное отношение к другим людям (к отдельным личностям, определенным социальным слоям или людям вообще), связанное с преувеличением своих собственных достоинств и себялюбием.

Причинами, по которым чиновники не применяют требовательности и строгости, бывают разные: это и психологические аспекты личности (мягкость, неуверенность в себе), это может быть и расслабленный психологический климат в коллективе. По всей видимости, это работа, как кадровых служб администраций, так и самого гражданского и муниципального служащего над собой.

В заключении, хотелось бы сказать, что главное, чтобы ригоризм государственного и муниципального служащего — это умение держать себя строго и ровно с людьми и другими коллегами, умение не терять самообладание, концентрироваться на любых деталях своей профессии и профессиональной деятельности, ладить со своими чувствами и не терять самообладания, соответствовал словам, русского литературного критика Н.А. Добролюбова, который говорит, что государственный и муниципальный чиновник должен: «Уметь разумно пользоваться своей властью!».

Литература:

1. Антипов, Г.А., Крохина Н.Б., Парфенова И.Ю. Этика государственной и муниципальной службы: Учеб. пособие. Г.А. Антипов, Н.Б. Крохина, И.Ю. Парфенова. — Новосибирск, 2012. — 199 с.
2. Ахметова, Н.А. Роль профессиональной этики в профилактике коррупции // Власть. — № 6. 2009. — с. 106—109.
3. Гериханов, С.С. Особенности этики государственного служащего [Текст] // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). — М.: Буки-Веди, 2016. — с. 34—37. — URL <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11445/> (дата обращения: 23.02.2018).
4. Магомедов, К.О. Проблема нравственности государственных гражданских служащих с социологическим измерением // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. С 108.
5. Мухамедьяров, А.М.. Инновационный менеджмент: учебное пособие. — М.: Инфра-М., 2008. — 176 с.
6. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // В данном виде документ официально не опубликован. СПС «Консультант+» (дата обращения 23.02.2018).
7. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 26.07.2017) // В данном виде документ официально не опубликован. СПС «Консультант+» (дата обращения 23.02.2018).
8. О системе государственной службы Российской Федерации: федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) // В данном виде документ официально не опубликован. СПС «Консультант+» (дата обращения 23.02.2018).
9. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // В данном виде документ официально не опубликован. СПС «Консультант+» (дата обращения 23.02.2018).
10. Римская, В.Г. Особый статус государственного (муниципального) служащего на современном этапе функционирования института государственных служащих // Молодой ученый. — 2015. — № 12. — с. 630—631.
11. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // Официальные документы в образовании. — 2011. — № 36.

Профессиональная этика в сфере государственной и муниципальной службы

Бермешева Анастасия Павловна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье рассказывается о сущности этики государственного и муниципального служащего в процессе осуществления профессиональных обязанностей, ее культурных и правовых аспектах. Автором затронуты негативные и противоправные стороны коррупции государственной и муниципальной службы, влияющие на деградацию профессии.

Ключевые слова: этика государственной и муниципальной службы, коррупция, конфликт интересов.

The article describes the essence of public and municipal employees ethics in the process of professional duties, its cultural and legal aspects. The author touches upon the negative and illegal aspects of corruption of the state and municipal service affecting the degradation of the profession.

Key words: ethics of state and municipal service, corruption, conflict of interest.

Данную статью хотелось бы начать с цитаты Владимира Гимпельсона, к. э. н., директора Центра трудовых исследований ВШЭ: «Нас не трогает количество чиновников в России, нас трогает результат их деятельности». Результат деятельности зависит не только от количества знаний государственного или муниципального служащего, но и от его профессиональной этики. Более близкое определение понятия «этика государственной и муниципальной службы» дано в работе Антипова Г.А., Крохина Н.Б. и Парфеновой И.А. [1]. Под ней указанные

авторы понимают совокупность наиболее пригодных, глубоко осознанных и конкретизированных, принадлежащих данному обществу норм поведения, порядок действий и правил, взаимоотношений и принципов в государственно-служебных отношениях, которые являются нормами общечеловеческой морали.

Российское законодательство подробно регламентирует вопрос организации государственной службы, существуют определённые признаки и принципы в организации системы государственной службы. Также законодательно

определён статус государственного служащего, который претерпел некоторые изменения [8].

В настоящее время концептуальным нормативным правовым актом, где определены основные требования к служебному поведению сотрудников, является Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих. Это, по сути, свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил служебного поведения, которыми должны руководствоваться государственные служащие независимо от замещаемой ими должности [9]. К нормативным правовым актам, регулирующим профессию государственных служащих, а также муниципальных служащих, относятся Федеральный закон от 27.07.2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [4], Федеральный закон от 25.04.2003 года № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [6], Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе» [5]. В соответствии с Типовым кодексом этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, основные принципы служебного поведения государственных (муниципальных) служащих являются основой поведения граждан Российской Федерации в связи с нахождением их на государственной и муниципальной службе.

В 2018 году выйдет новый Указ Президента Российской Федерации «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2019 годы» — это будет шестой по счету нормативный акт аналогичного характера. Первый документ был издан в 2008 году.

Этика государственных и муниципальных служащих, в сущности своей заключается в соблюдении ими нравственных ценностей, профессиональных установок, и, соответственно, ведет к позитивному настрою в обществе, к пониманию обществом работы государственных и муниципальных служащих. Профессиональная этика государственных служащих предполагает наличие нравственных ориентиров в поведении людей в сфере их профессиональной деятельности, способствуя её развитию и совершенствованию [3].

Такова сущность профессиональной этики государственных и муниципальных чиновников.

Но в последние годы очень часто поднимается вопрос потери нравственных ориентиров у госслужащих и муниципальных служащих, что выражается в таком «трендовом» слове в СМИ — как коррупция. Законодательное определение данному термину дано в ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции»: «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав

для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [7].

2017 год в Российской Федерации в борьбе с коррупцией стал знаменательным в борьбе с коррупцией, поскольку был вынесен первый приговор по обвинению в коррупции федеральному министру Алексею Улюкаеву. Но это не означает, что взяточничество прекратится среди государственных и муниципальных служащих. Полагаю, при отборе в ряды государственных и муниципальных чиновников следует проводить тестирование не только на их знание законодательства, русского языка и основ информатики, но и тестировать психологически: на их моральные качества, на понимание и применение этических норм и ценностей, присущих человеку, живущему в социуме.

Действующие в конкретном обществе на определенном этапе его исторического развития общепринятые нормы морали играют определяющую роль по отношению к профессиональной морали, которая выступает как частный случай действия общей морали [2].

Таким образом, общество предъявляет повышенные моральные требования к управленцу как на государственной, так и муниципальной службе. Современные граждане достаточно умны, знают свои права и обязанности, манипулировать и обмануть их сейчас сложно, а значит остро встает вопрос повышения уровня управленческой этики. Государственным и муниципальным служащим не только нужно знать, что главными этическими принципами профессиональной деятельности являются принцип законности, верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов над всеми нормативными правовыми актами и должностными инструкциями, но и практическая реализация данных принципов.

Правовые нормы, регулирующие сложную систему взаимоотношений государственных служащих, затрагивают лишь основные процедуры и операции деятельности государственного служащего. Вне пределов их действия остается множество ситуаций, не поддающихся правовой оценке. Чем выше квалификация и статус должностного лица, тем меньшей стандартизованностью отличается процесс решения задач. Соответственно, возникает возможность выбора варианта решения на основе личного усмотрения. А это — поле действия моральных факторов, здесь имеют значение сила общественного мнения и внутренние саморегуляторы — долг, совесть, честь [10].

Таким образом, не внешний контроль, выраженный нормами права, а внутренняя мотивационная составляющая должна стать рулевым побуждением государственного и муниципального служащего. Его человеческие ценности как личности являются условием сохранения и развития личности профессионального чиновника, и развития власти и общества, их когерентности, корреляции, что в свою очередь приведет к возврату положительного имиджа государственной и муниципальной службы, подъему и сохранению авторитета государства в глазах граждан Российской Федерации.

Литература:

1. Антипов, Г.А., Крохина Н.Б., Парфенова И.Ю. Этика государственной и муниципальной службы: Учеб. пособие. Г.А. Антипов, Н.Б. Крохина, И.Ю. Парфенова. — Новосибирск, 2012. — 199 с.
2. Ахметова, Н.А. Роль профессиональной этики в профилактике коррупции//Власть. — № 6. — 2009. — с. 106–109.
3. Гериханов, С.С. Особенности этики государственного служащего [Текст] // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). — М.: Буки-Веди, 2016. — с. 34–37. — URL <https://moluch.ru/conf/law/archive/224/11445/> (дата обращения: 23.02.2018).
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2017) //В данном виде документ официально не опубликован. СПС «Консультант+» (дата обращения 23.02.2018).
5. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 26.07.2017)// В данном виде документ официально не опубликован. СПС «Консультант+» (дата обращения 23.02.2018).
6. О системе государственной службы Российской Федерации»: федер. закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 23.05.2016) //В данном виде документ официально не опубликован. СПС «Консультант+» (дата обращения 23.02.2018).
7. О противодействии коррупции: федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2017) //В данном виде документ официально не опубликован. СПС «Консультант+» (дата обращения 23.02.2018).
8. Римская, В.Г. Особый статус государственного (муниципального) служащего на современном этапе функционирования института государственных служащих // Молодой ученый. — 2015. — № 12. — с. 630–631.
9. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих: одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) // Официальные документы в образовании. — 2011. — № 36.
10. Мухамедьяров, А.М. Инновационный менеджмент: учебное пособие. — М.: Инфра М., 2008. — 176 с.

Развитие положений права интеллектуальной собственности о свободном публичном исполнении музыкальных произведений

Беспалько Виктор Геннадиевич, доцент;
Бабаш Екатерина Вадимовна, студент;
Михайлович Софья Ильдаровна, студент
Российская таможенная академия (г. Люберцы, Московская обл.)

Проход в магазин или кафе, поездка в машине или общественном транспорте до работы или до дома — все это в современном мире сопровождается музыкой, без которой ни один человек не может представить свою жизнь. Все эти произведения являются результатом творческого труда автора или исполнителя, а в случае сложного аудиовизуального произведения или музыкальной композиции — и не одного. Как известно, каждый труд должен быть вознагражден, в особенности, если чужим результатом творческой деятельности воспользовался кто-либо еще, иначе это будет считаться нарушением авторских прав, за которое может последовать как гражданско-правовая (имущественная), так и административная или даже уголовная ответственность [1].

Одной из самых актуальных проблем гражданского права на современном этапе его развития является защита авторских прав, в частности — интеллектуальных прав на музыкальные произведения. Соблюдение норм, закрепляющих права авторов, необходимых для охраны их ин-

тересов, находится в прямой зависимости от уровня правовой культуры и добросовестности пользователей. Это объясняется тем, что на практике фактически не представляется возможным проконтролировать все случаи незаконного исполнения или иного использования музыкальных произведений.

Статья 1259 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) содержит примерный перечень объектов авторского права, перечисляя, в числе прочего, музыкальные произведения. Однако, в действующем законодательстве отсутствует понятие музыкального произведения, но встретить его определение можно в научно юридической литературе. Так, Р. Мерзликина и А. Юмашев в своей статье описывают данный объект авторского права следующим образом — это «общая правовая категория, объединяющая различные музыкальные произведения, которая вводит результаты музыкального творчества в сферу правового регулирования» [2]. И.Е. Смирнов определяет музыкальное произведение как «совокупность

идей и образов, получивших в результате творческого процесса отражения человеком реальной действительности свое выражение в форме организованных по высоте и во времени звуковых последований» [3]. Судебная практика также оперирует понятием «музыкальное произведение». Так, Суд по интеллектуальным правам (далее — СИП) неоднократно указывал в своих решениях, что музыкальное произведение является единым объектом авторского права независимо от наличия или отсутствия в нем текста [4].

Согласно подп. 6 п. 2 ст. 1270 ГК РФ публичное исполнение произведения — это представление произведения в живом исполнении или с помощью технических средств (радио, телевидения и иных технических средств), а также показ аудиовизуального произведения (с сопровождением или без сопровождения звуком) в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи, независимо от того, воспринимается произведение в месте его представления или показа либо в другом месте одновременно с представлением или показом произведения. К публичным местам можно отнести парки, открытые концертные площадки, стадионы, предприятия общественного питания (рестораны, бары, столовые и т. п.), где исполняется или откуда напрямую транслируется музыкальное произведение. Таким образом, главный критерий, которым руководствуется суд при разрешении соответствующих споров — это публичность исполнения музыкального произведения, т. е. осуществлялось ли исполнение музыкального произведения в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи.

При этом свободное (без согласия правообладателя и выплаты вознаграждения за использование) публичное исполнение допускается только в отношении музыкальных произведений и допустимо в следующих трех случаях, предусмотренных ст. 1277 ГК РФ:

1. Во время религиозных церемоний.

Религиозные организации вправе основывать и содержать культовые здания и сооружения, иные места и объекты, специально предназначенные для богослужений, молитвенных и религиозных собраний, религиозного почитания (паломничества), которые могут сопровождаться различным музыкальным оформлением, соответствующим целям и характеру религиозной церемонии.

Богослужения, другие религиозные обряды и церемонии беспрепятственно совершаются в местах, определенных Федеральным законом от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». К таким местам относятся культовые помещения, здания и сооружения, а также земельные участки, на которых расположены такие здания и сооружения, места паломничества, кладбища и крематории и др. Кроме того, религиозные организации вправе проводить религиозные обряды в лечебно-профилактических и больничных учреждениях,

детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, в учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, по просьбам находящихся в них граждан в помещениях, специально выделяемых администрацией для этих целей. Проведение религиозных обрядов в помещениях мест содержания под стражей допускается с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства РФ. Соответственно, во всех указанных выше местах при отправлении религиозных обрядов или проведении иных религиозных церемоний могут свободно публично вживую или с помощью технических средств исполняться любые музыкальные произведения, объективно необходимые в таких случаях (например, песнопения и др.).

Представляется, что возможность свободного публичного исполнения музыкальных произведений на таких церемониях справедливо нашла свое закрепление в ст. 1277 ГК РФ, так как в данном случае музыкальное сопровождение выступает неотъемлемой частью религиозных обрядов, служит для них необходимым фоном, выражающим музыкальным языком характер церемонии, и помогает верующим людям «погрузиться» в процесс религиозной церемонии.

2. Во время похорон.

Церемония похорон — традиционная церемония, включающая в себя совокупность обрядов омовения и подготовки к захоронению, траурного кортежа, прощания и панихиды, переноса останков к месту погребения, захоронения останков (или праха после кремации), поминовения. Похороны — это символическая церемония, выполняемая в строго определенном порядке (по ритуалу), определяемом историческими традициями, национальными традициями и религиозными канонами.

К местам проведения ритуальных обрядов относятся:

- а) зона траурных церемониалов;
- б) ритуальные здания и сооружения;
- в) ритуальный зал крематория.

Порядок проведения похоронных обрядов и обрядовых церемоний (ритуал) определяет помимо состава участников, порядка обрядовых действий и прочего, также музыкальное и иные виды сопровождения похоронной церемонии.

Музыкальное сопровождение процессий может быть оркестровым, колокольным, хоровым (в том числе «а капелла»), фонографическим.

Атмосфера, которая складывается во время похорон несет в себе тяжелый душевно-эмоциональный настрой. Музыка, по нашему мнению, помогает людям справиться с потерей близкого человека, проявить надлежащее уважение к личности умершего. Поэтому данное мероприятие невозможно без свободного музыкального сопровождения.

3. Во время официальных церемоний.

Под официальной церемонией понимается церемония, исходящая от государства, например, инаугурация Президента РФ, открытие и закрытие заседаний Совета Фе-

дерации Федерального Собрания РФ и сессий Государственной Думы Федерального Собрания РФ, подъем Государственного флага РФ и др.

Применение данного положения ст. 1277 ГК РФ характеризуется наибольшим количеством судебных споров. Например, спорный случай исполнения музыкальных произведений в рамках (или под видом) официальной церемонии произошел на большом торжественном мероприятии в городе Сочи. Российское авторское общество (далее — РАО) обратилось в суд с требованием о возмещении компенсации за нарушение исключительных авторских прав на музыкальные произведения, которые исполнялись на концерте «Мой Сочи, мы тебе поем!», организованном администрацией г. Сочи на День города. На концерте выступали хоры, вокальные коллективы и ансамбли из Сочи, которые пели песни, входящие в репертуар РАО («Я живу в России» Загуменниковой Н.Д., Цветкова В.Н.; «Ой, цветет калина» Исаковского М.В., Дунаевского И.И.; «Старый рояль» Иванова Д.Г., Минкова М.А.; «Широка страна моя родная» Лебедева-Кумача В.И., Дунаевского И.И. и др.).

Администрация настаивала, что это была официальная церемония, а значит, в ходе ее проведения могли использоваться музыкальные произведения без уплаты вознаграждения авторам.

Однако, понятие концерта отличается от понятия официальной церемонии. Концерт — музыкально-зрелищное увеселительное мероприятие. Церемония — торжественное выполнение обряда по установленным правилам от имени государства, субъекта федерации или органов местного самоуправления. На церемонии песня или иное музыкальное произведение не является основным объектом восприятия, а служит лишь фоном. Во время концерта, наоборот, музыкальные произведения имеют основное значение. Поэтому при исполнении песни на концерте ее авторам выплачивается вознаграждение, а при исполнении на церемонии — нет.

В споре между РАО и администрацией г. Сочи СИП пришел к выводу, что концерт, организованный в Сочи, не был официальной церемонией и присудил выплатить РАО 180000 руб. компенсации за нарушение исключительных авторских прав на музыкальные произведения.

Помимо перечисленных трех оснований свободного публичного исполнения музыкальных произведений, указанных в ст. 1277 ГК РФ, гражданским законодательством предусмотрен еще ряд случаев, при которых допускается свободное публичное исполнение любых, в том числе и музыкальных произведений без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты вознаграждения, но с обязательным указанием имени автора, произведение которого используется, и источника заимствования [5]:

а) использование правомерно обнародованных произведений и отрывков из них в качестве иллюстраций в изданиях, радио- и телепередачах, звуко- и видеозаписях учебного характера в объеме, оправданном поставленной целью;

б) публичное исполнение правомерно обнародованных произведений путем их представления в живом исполнении, осуществляемое без цели извлечения прибыли в образовательных организациях, медицинских организациях, организациях социального обслуживания и учреждениях уголовно-исполнительной системы работниками (сотрудниками) данных организаций и учреждений и лицами, соответственно обслуживаемыми данными организациями или содержащимися в данных учреждениях.

Представляется, что все предусмотренные гражданским законодательством мероприятия, при проведении которых допускается свободное публичное исполнение музыкальных произведений, проводятся массово, охватывают большие группы граждан, широко распространены на территории всей страны и важны для всего общества и каждого отдельного человека. И с нашей точки зрения, музыкальные произведения, которые исполняются, например, на официальных церемониях, определяют статус и характер всего мероприятия и, как правило, являются неотъемлемой частью культурного наследия государства.

По мнению А.С. Васильева, «объем, оправданный характером церемонии, следует определять, как объем использования, при котором музыкальное произведение не является основным объектом восприятия, оно должно быть лишь «фоном», а основное значение должна иметь сама церемония, что не исключает исполнения произведения в полном объеме, так как церемония не должна превращаться в концерт» [6].

Однако не все знают, что на сегодняшний день существует альтернатива платному использованию интеллектуальной собственности, которая позволяет бесплатно использовать музыку в различных заведениях, — лицензии Creative Commons. Чтобы ими воспользоваться, необходимо «скачивать» музыкальные произведения с тех интернет-сайтов, на которые «закачивают» свои произведения непосредственно сами авторы произведений (например, www.jamendo.com, www.creativecommons.org и др.), но предварительно необходимо настроить фильтры для исключения коммерческих фонограмм. При таком копировании произведений открывается доступ к информации, содержащей имя автора, а также сведения о лицензии. Стоит отметить, что данные интернет-сайты были созданы специально для того, чтобы поклонники различных исполнителей могли бесплатно слушать их произведения и распространять их среди неопределенного круга лиц, и тем самым правообладатели могли «нести себя в массы», популяризировать результаты своего творчества, при этом достаточно зарабатывая исключительно на своих концертах и шоу.

Таким образом, проанализировав действующее законодательство, мы пришли к выводу, что все предусмотренные в ст. 1277 ГК РФ случаи свободного публичного исполнения музыкальных произведений являются оправданными общественными потребностями и объективно необходимыми, однако они нуждаются в существенном расширении. В перечень законных оснований свободного

публичного исполнения музыкальных произведений, т. е. осуществляемого без согласия правообладателя и выплаты вознаграждения автору, мы предлагаем добавить:

- а) благотворительные встречи и мероприятия;
- б) международные и национальные спортивные соревнования;
- в) научные конференции и круглые столы.

Благотворительные организации действуют в целях осуществления имеющей огромное общественное значение благотворительной деятельности, направленной на поддержку социально незащищенных категорий граждан, оказания им материальной и иной помощи, а также другим людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Определение благотворительной деятельности приведено в ст. 1 Федерального закона от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Оно гласит, что это «добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки». Наиболее типичными для России организационными формами благотворительных объединений являются общественные организации, фонды, движения, учреждения. Источниками формирования имущества благотворительной организации могут являться: поступления от деятельности по привлечению ресурсов (проведение кампаний по привлечению благотворителей и добровольцев, включая организацию развлекательных, культурных, спортивных и иных массовых мероприятий, проведение кампаний по сбору благотворительных пожертвований, проведение лотерей и аукционов в соответствии с законодательством Российской Федерации, реализации имущества и пожертвований, поступивших от благотворителей, в соответствии с их пожеланиями). Как мы видим, такие благотворительные мероприятия преследуют собой важные для общества цели, они намного важнее, чем просто собрать деньги для дальнейшего функционирования фонда или организации, их цель — это помощь тем, кто в этом действительно нуждается. И мы считаем, что необходимо дать право свободного публичного исполнения музыкальных произведений на мероприятиях, проводимых данными организациями для привлечения внимания к их деятельности, сбора денежных средств на благотворительные цели и т. д.

Цель проведения спортивных соревнований — это популяризация и развитие спорта, привлечение внимания к здоровому образу жизни, мотивирование посетителей спортивных мероприятий к личным спортивным дости-

жениям. Воздействие на них осуществляется при проведении таких мероприятий на эмоциональном уровне, а способами приобщения к здоровому образу жизни и спорту служат вовлечение в спортивные состязания, создание атмосферы общности интересов, сплоченности, сопричастности. Для яркости проведения таких мероприятий исполнение музыкальных произведений не только рекомендуется, а необходимо для поднятия уровня массовости участия в таких мероприятиях и их яркости. Сказанное предопределяет общественную необходимость в свободном публичном исполнении музыкальных произведений на спортивных мероприятиях.

Ежегодно в мире проводятся тысячи деловых мероприятий самого разного направления — симпозиумы, конференции, семинары, конгрессы, деловые встречи и прочие. В условиях информационной открытости, сведения, полученные с конференций, являются проверенным источником знаний. Для бизнес-сообщества и научной среды конференции также предлагают огромные возможности — позволяют решить многие актуальные проблемы, наладить международное сотрудничество, познакомить сотрудников и объединить их усилия в решении научных и иных общественных проблем, вынести на обсуждение общественно значимые события и многое другое. Огромным преимуществом таких мероприятий является непосредственно реальное общение заинтересованных участников, а не виртуальная переписка. Поскольку научное мероприятие носит преимущественно официальный и строгий характер, мы уверены, что свободное публичное исполнение музыкальных произведений на научных конференциях поможет отвлечь их участников на время перерывов, обеспечить условия для непринужденного обсуждения насущных вопросов.

Таким образом, поскольку проведение благотворительных, спортивных и научных мероприятий не преследует цели извлечения прибыли от исполнения музыкальных произведений, а напротив преследует цель разрешения различных общественно значимых проблем, полагаем, что также как в случае проведения религиозных, похоронных и официальных церемоний, благотворительным организациям, организаторам спортивных соревнований и научных конференций следует предоставить право свободного использования музыкальных произведений путем их публичного исполнения на соответствующих мероприятиях в объемах, оправданных общественно полезными целями данных мероприятий. Иное публичное исполнение музыкальных произведений должно считаться нарушением действующего российского законодательства об объектах интеллектуальной собственности и интеллектуальных правах на такие объекты.

Литература:

1. Абрамов, А. М., Беспалько В. Г., Жданов С. П., Завьялов Н. В., Карпеченков М. Ю., Крайнов А. А. Административная и уголовная ответственность за посягательства на интеллектуальную собственность. —: Российская таможенная академия, 2014. — 160 с.

2. Мерзликина, Р., Юмашев А. Современный взгляд на определение понятия музыкального произведения как объекта авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2009. — № 8.
3. Смирнов, И. Е. О понятии музыкального произведения как объекта авторского права // Ленинградский юридический журнал. — 2015. — № 4.
4. Свиридова, Е. А. Правомерное использование музыкального произведения без согласия правообладателя // Образование и право. — 2017. — № 8.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая). — № 230-ФЗ от 18.12.2006.
6. Алексеев, С. С., Васильев А. С., Голофаев В. В. и др. Комментарий к ГК РФ (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный). — 2. — Екатеринбург: Проспект, 2009. — 1504 с.

Ценностные аспекты правовой культуры и правовой идеологии, их влияние на правоприменительную политику

Бурнашев Геннадий Алексеевич, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Для каждого общества свойственна своя история формирования и развития системы права и общественной правовой культуры. Сформировавшаяся в обществе система права влияет на формирование правовой среды общества, которая формируется и эволюционирует под воздействием политических, экономических, культурных (религиозных) и многих других факторов и условий. В рамках настоящей статьи рассмотрены ценностные аспекты правовой культуры и правовой идеологии, их влияние на правоприменительную политику.

Ключевые слова: правовая культура, правовая идеология, правоприменительная политика, правовой нигилизм.

Aspects of legal culture and legal ideology, their influence on law enforcement policy

The article discusses the value aspects of legal culture and legal ideology, their influence on law enforcement policy. Each society has its own history of the formation and development of the legal system and public legal culture. The legal system formed in society influences the formation of the legal environment of society, which is formed and evolves under the influence of political, economic, cultural (religious) and many other factors and conditions.

Keywords: legal culture, legal ideology, law enforcement policy, legal nihilism.

Правовая культура представляет собой многостороннее и многослойное явление. Под правовой культурой подразумевается общечеловеческая культура, воплотившаяся в праве и юридической практике, она является обязательным элементом гражданского общества, правового государства, а также включает в себя правовую культуру населения, правовую культуру должностных лиц, органов власти и государства в целом.

Любая деятельность сквозь призму правовой культуры представляет собой совокупность поступков (внешнего выражения), а также мыслей, чувств (внутреннего мира) личности. [5] Через свое индивидуальное сознание, поведение, общественные и правовые отношения, юридический язык субъект создает (опредмечивает) материальные и духовные юридические ценности (правовые нормы, правовые акты, отношения, юридическую деятельность, юридическую науку и т. п.).

Правоприменитель является, с одной стороны, носителем правовой культуры как личности, правовой культуры, выработанной им в процессе обучения и профессиональной деятельности. А с другой — субъектом, формирующим общественную правовую культуру, поскольку он вырабатывает и интерпретирует правовые факты, дает оценки правовым явлениям и утверждает тем самым правовые ценности или антиценности. [4]

Центральным элементом правовой культуры общества (бизнеса в том числе) в условиях сложившейся правовой среды выступает личность и проявляемая ею социально — правовая активность. Рассматривая правовую культуру общества в зависимости от состава ее носителей, в ней можно выделить следующие разновидности: правовая культура общества, правовая культура социальных групп населения, правовая культура личности. Самым широким явлением, несомненно, является правовая культура

общества, представляющая собой разновидность общественной культуры, включающей систему ценностей, достигнутых человечеством в области права и относящихся к правовой действительности общества в конкретный период его исторического развития. Правовая культура общества характеризует уровень правосознания граждан, режим законности и правопорядка в обществе в данный период, состояние законодательства и юридической практики и др.

Правовая культура личности бывает общей — характерной для всех граждан и специальной — характерной для граждан, занимающихся конкретным видом профессиональной деятельности. Человек не способен вне культурного контекста усвоить упорядоченный образ жизни, овладеть языком и научиться человеческим способом удовлетворять свои потребности. [1]

Сущностными признаками правоприменительной культуры являются: культура мышления, культура поведения и результативность правоприменительного процесса.

Правовая культура составляет внутреннюю, ментально — духовную сторону правовой системы общества и глубоко пронизывает правосознание, право, правовые отношения, законность и правопорядок, правотворческую, правоприменительную и любую иную юридическую деятельность, регулирует поведение людей, соотносясь с социокультурными, историческими особенностями различных этносов, выступает инструментом достижения социальной стабильности.

Правовое мышление выражается в качественном, адекватном, системном осмыслении феномена права (рефлексии правовых процессов, противоречий, коллизий, которые влияют на деятельность по применению права). Здесь правоприменителю необходимо подключать логику, креативность, интуицию, умение аргументировать свою позицию, демонстрировать глубокое понимание не только содержания норм права, но и его духа и смысла.

Особенно актуально это в условиях пробельности и коллизионности законодательства, наличия в нем все возрастающего количества оценочных понятий. Кроме того, мышление правоприменителя, оценка им происходящего должна опираться на: автономию воли, чувство собственного достоинства, умение относиться к людям, как равным по праву.

Важен здесь принцип автономии воли, образующий фундамент нравственного сознания индивида. Правоприменитель должен принимать решения самостоятельно, без какого — либо давления извне и сам нести за него ответственность. Такое возможно лишь в условиях подлинно демократического государства.

Нельзя не отметить способность правовой культуры оказывать влияние на различные стороны правовой действительности, способствуя достижению цели правоприменительной политики, призванной обеспечить по всем направлениям реализации права законность, справедливость, права и свободы, то есть достижение идеалов правового государства и гражданского общества.

Следовательно, можно констатировать, что правовая культура субъектов правоприменительной политики выражает степень соответствия действий указанных субъектов правовым ценностям, объективированным в принципах и нормах права.

Таким образом, правовая культура различных направлений правоприменительной политики (правоприменительная политика исполнительного производства, судебная правоприменительная политика и т. д.) представляет качественное состояние системы органов, участвующих в осуществлении права, выраженное в порядке их деятельности, качестве принимаемых решений, в уровне правосознания субъектов правоприменительной политики, степени гарантированности прав и свобод граждан, интересов юридических лиц в сферах приложения компетенции субъектов правоприменительной деятельности.

В юридической литературе неоднократно указывалось, что недостаточно закреплять права и свободы. Граждане должны уметь реализовывать предоставленные права и свободы в правовых рамках, а органы государства обеспечить такую реализацию в соответствии с принципами, установленные законом. Это предполагает наличие определенного уровня правовой культуры как у граждан, так и правоприменителей. Поэтому одной из целей правоприменительной политики становится формирование основных элементов правовой культуры, как у субъектов такой политики, так и субъектов воздействия права.

Правовая культура как цель правоприменительной политики должна быть направлена, во — первых, на минимизацию разрыва между установленными законом принципами и принципами, утвердившимися в сознании носителей власти. Во — вторых, — на повышение духовно — нравственных их качеств, связанных с пониманием социальных проблем людей, проявлением уважения и заботы к рядовым гражданам. В — третьих, на укоренении в профессиональном сознании понимания права как ценности. Это будет проявляться не только в знании закона и уважения основополагающих принципов права, но и в осмыслении правовых норм, в безусловном следовании названным принципам, соизмерении своей деятельности с позиции закона.

Только при достижении названных выше трех условий, возможно говорить о достижении цели правоприменительной политики — правовой культуры субъектов право реализации. Следует отметить, что правовая культура выступает и средством проведения в жизнь ценностных ориентиров. Это происходит путем перехода их из формально — юридической плоскости в область функционирования органов государственного управления, правоохранительных органов, прокуратуры и суда. В этой связи правовая культура выступает средством усиления гуманистических начал правоприменительной деятельности указанных субъектов. Правовая культура ориентирует правоприменительный процесс на личность, степень защищенности ее прав. Только в этом случае возможно добиться воспитательного воздействия на правосознание. [2]

Вся история свидетельствует о том, что право и государство периодически вступают в состояние глубокого кризиса, причины которого он видел в том, что, строя правовой порядок, люди теряют из виду «единую, безусловную цель политического единения» и превращают его в «орудие для условных, малых заданий и частных вождений». Будучи явлением конкретно — историческим, предыдущий тип правовой культуры не пропадает в одночасье, а продолжает воздействовать (позитивно или негативно) через предметы правовой культуры (правовые институты, формы поведения, язык и т. п.) на поведение, деятельность носителей правовой культуры, государственно — правовые и в целом общественные процессы в последующее историческое время. Формирующийся «новый» юридический культурный пласт является преемником прежнего. В нем находят закрепление наиболее рациональные, доказавшие свою состоятельность предметы правовой культуры, вместе с тем возможны и противоположные варианты.

Учитывая высказанные соображения, можно констатировать, что наряду с позитивной особенностью российского правосознания — духовностью, прочной нравственной основой, в нем присутствуют дефектные проявления в виде нигилистического отношения к праву, которое усилилось в советский период, явилось следствием советской политической демагогии, уверенности граждан в бессилии и избирательности советского закона, несправедливости правосудия. Означенные негативные проявления унаследованы сегодняшней правовой действительностью и в том числе субъектами, применяющими право.

Результативность правоприменительной культуры связана с ее целями: достижение максимально законного, целесообразного и полезного для сторон правоприменительной деятельности результата. Важнейший показатель зрелости государства — состояние правовой культуры, что относится и к современной России. Правовая система нашей страны достигла прогрессивно — правового развития общества в сферах: правотворчества и законодательства, правосознания и реализации права, субъективного права, свобод и обязанностей граждан, политико-юридических институтах, учреждениях общества и государства, что является показателем правокультурности. [3]

Литература:

1. Указ Президента РФ от 28.06.1993 N 966 (ред. от 22.03.2005) «О Концепции правовой информатизации России» // «Российские вести», N 132, 13.07.1993.
2. Аубакирова, И. У. О проблеме соотношения евразийского типа государственности и правовой системы в современном юридическом дискурсе // Российская юстиция. 2017. N 10. с. 49—51.
3. Грунтовский, И. И. Правовая культура общества как основа формирования правовой среды бизнеса // Безопасность бизнеса. 2018. N 2. с. 12—18.
4. Белых, В. С. К вопросу о сущности права: теоретические проблемы правопонимания // Рос. юрид. журнал. — 2012. — № 3 (май — июнь).
5. Губайдуллин, А. Р. Правовая наука и правовая система общества // Вектор науки Тольят. гос. ун — та. — 2015. — № 1.

Особое значение приобретает правовая культура правоприменителей — государственных служащих, судей, прокуроров, поскольку уже сама их деятельность формирует уровень правовой культуры общества. Умение регулировать, контролировать и моделировать собственную жизнедеятельность и профессиональное поведение, нравственная позиция правоприменителя, оказывают воздействие на уровень доверия не только к нему как субъекту деятельности, но и к государственным структурам в целом.

Базовым элементом правовой культуры правоприменяющего субъекта является профессиональное правовое сознание, которое может подвергаться деформациям в силу специфики деятельности субъектов, применяющих право, связанной со сложными морально — психологическими условиями. Правоприменительная политика наталкивается не только на законотворческие ошибки и пробелы, неясность формулировок. Существенную роль в ее формировании и реализации играют субъективные факторы, лежащие в плоскости правосознания, существенное влияние на развитие которого оказывают воспитание, религиозные убеждения, нравственные идеалы и иные факторы, не являющиеся правовыми. Следовательно, идеологическая составляющая является основой правоприменительной политики. Она определяет широкий спектр действий субъектов правоприменения: правомерных и неправомерных, нейтральных.

Повышение устойчивости идейных и духовно — нравственных основ правоприменительной политики возможно путем пересмотра специфики ведомственного образования правоприменителей, что обеспечит защиту от профессиональной деформации. Как правило подготовка специалистов имеет узкопрактическую направленность и удовлетворение запросов сферы приложения компетенции правоприменителя. Только незначительная часть образовательного времени уделяется вопросам формирования духовно — нравственного потенциала. В правоприменительной политике важно иметь представление не столько об аксиологических и духовно-нравственных основах, сколько о механизме воплощения идей о ценности человека и его свободе, о реализации принципов права, в основу которых заложены духовно — нравственные ценности

6. Дойников, И. В. Современная российская государственность. Проблемы государства и права переходного периода: учеб. пособие / И. В. Дойников, Н. Д. Эриашвили. — М.: ЮНИТИ — ДАНА, 2015.
7. Петров, А. В. Правовая система и правовая культура общества: к проблеме соотношения / А. В. Петров, А. М. Лесникова // Актуальные проблемы гуманитар. и естественных наук. — 2014. — № 11, ч. 1.
8. Погребная, Ю. К. Кризис современного российского правосознания: монография. М., 2016. с. 65—66.

Права и свободы человека как критерий правовой культуры общества

Бурнашев Геннадий Алексеевич, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Российская Федерация провозглашает себя как правовое и демократическое государство. При этом, само фактическое принятие законов не может рассматриваться как условия к тому, чтобы в полной мере устранить конфликты и гарантировать неукоснительное соблюдение права всеми субъектами. В статье сделан вывод, что наличие механизма защиты прав и свобод человека является также базой возможного поэтапного совершенствования гражданского общества и государства, а также представляет собой определенную меру обеспеченности, благоденствия населения страны.

Ключевые слова: права и свободы человека, защита прав и свобод человека, правовая культура, правовое сознание, правовое государство.

Human rights and freedoms as a criterion of the legal culture of society

The article concludes that the existence of a mechanism for the protection of human rights and freedoms is also the basis for the possible gradual improvement of civil society and the state and constitutes a certain measure of security and well — being of the country's population. Russian Federation proclaims itself as a legal and democratic state. Actual adoption of laws cannot be considered as conditions for eliminating conflicts to the full extent and guaranteeing the strict observance of the right by all subjects.

Keywords: human rights and freedoms, protection of human rights and freedoms, legal culture, legal consciousness, the rule of law.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека как высшей ценности являются конституционной обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ) [1]. Законопослушным, честным гражданином может быть человек, у которого сформировалось нормальное правовое сознание, высокий уровень правовой культуры. Он не только знает право, он верит в него, служит ему, утверждает право своей повседневной жизнью и работой, а не ищет схем, чтобы соблюдалась лишь видимость закона. Нравственное, духовное изменение самого себя является главным залогом и основанием для преобразования жизни общества, народа, страны. [2]

Гражданское общество и правовое государство появятся у нас тогда, когда каждый из нас осознает свою роль в обществе, почувствует, что он является частью данного общества, и что оно зависит от деятельности каждого из нас. Необходимо преодолевать правовой нигилизм, сформировавшийся в русских людях в период продолжительного тоталитаризма. Реализация идей правового государства может быть реализована только поэтапно с

переходом к новому этапу только после выполнения всех задач и целей предыдущего этапа.

Российская Федерация провозглашает себя как правовое и демократическое государство. В государстве, которое признано таковым, в обязательном порядке должно соблюдаться требование, в соответствии с которым и непосредственно само государство, и объединения граждан, а также отдельные свободные граждане неизбежно обязаны сопоставлять и совершаемые ими поступки и их действия с действующими правовыми нормами. Между тем, нельзя отрицать, что, тем не менее, непредотвратимыми являются ситуации, при которых может произойти столкновение их интересов, а также в результате неоднозначного и в целом различного понимания права, возможно, возникновение правовых конфликтов.

При этом нужно понимать, что само фактическое принятие законов представительными органами, а также исполнение таких законов уже органами исполнительной власти не могут рассматриваться как условия к тому, чтобы в полной мере устранить подобные конфликты и

гарантировать неукоснительное соблюдение права всеми субъектами [4]. Гарантирование и обеспечение правопорядка реализуют правоохранительные органы, а в первую очередь, суды, выступающие в качестве независимого звена государственной власти, которое посредством своих специфических средств и особого аппарата обеспечивает защиту прав и свобод граждан.

Личные права человека и гражданина представляют собой те естественные права, которыми человек обладает от рождения. По времени возникновения такие права следует отнести к правам первого поколения, соблюдение данных прав и принятие мер, направленных на их охрану и защиту, способствует реализации самостоятельности и свободы гражданина как члена гражданского общества.

Политические права и свободы граждан представляют собой права, относящиеся ко второму поколению прав и свобод и связаны с сообщением между государством и гражданами. Ряд перечисленных прав направлены на реализацию на территории РФ непосредственной прямой формы демократии.

Следует отметить, что перечисленные права также относятся к правам второго поколения. Реализация экономических и социальных прав направлена на обеспечение достойного существования человека вне зависимости от того, какая в целом складывается экономическая обстановка на территории государства. Культурные права позволяют развиваться человеку в части его образования, просвещения, духовного развития, приобщения к культурным ценностям и достижениям науки.

Достоинство личности является неотделимым от человека свойством, провозглашается его высочайшая значимость, на данном свойстве базируется признание и уважение всех имеющихся у человека прав и свобод, достоинство имеет отношение к определенной личности безотносительно от того, как остальные люди будут оценивать его как личность [3].

В связи с этим, с правовой точки зрения не имеет значения наделен ли данный человек всеми необходимыми качествами, отвечающими такому свойству как достоинство личности, однако со стороны государства должны быть гарантирована защита личности от различных посягательств на реализацию прав этой личностью, что и составляет понятие уважения достоинства личности. Со стороны государства и его органов устанавливается обязательство по обеспечению защиты достоинства личности, как неотделимого свойства личности. При этом, предполагается, что государство и его органы относятся к личности как к равному, полноправному участнику правоотношений, ко-

торый наделен правомочием защиты имеющихся у него прав теми способами и средствами, на которые на законодательном уровне не установлено запрета.

На законодательном уровне закреплено положение, согласно которому даже в том случае, если лицо совершило преступление и должно быть обоснованно и законно подвергнуться наказанию, такое наказание не имеет перед собой цели унижения достоинства человека или создание для человека каких — либо мучений. Все лица, которые по решению судебных органов были ограничены в свободе имеют право на уважение их достоинства и человеческое к ним обращение. Сущность механизма защиты прав человека состоит в том, что сам факт наличия такого механизма в том или ином государстве свидетельствует о сформированности, развитости самого государства [5].

Кроме того, наличие подобного механизма защиты прав является также базой возможного поэтапного совершенствования гражданского общества и государства, а также представляет собой определенную меру обеспеченности, благоденствия населения страны.

Концептуальная проблема заключается в самостоятельном существовании правовых установлений и реальной жизни в стране, которая зачастую регулируется чем угодно, но только не нормами права. Правовой нигилизм и неэффективность правового регулирования существенно затрудняют становление правового государства. Сопутствующими социальными явлениями является высокий уровень коррупции, произвол чиновников, не подконтрольность власти народу и т. д. Для преломления сложившейся опасной ситуации необходимо предпринять комплекс мер, начиная с мер общеполитического характера и заканчивая преобразованиями в экономической сфере жизни общества

Большинство российских граждан уверено, что юридические институты, включая государство, не могут обеспечить справедливое и беспристрастное разрешение конфликтов. Граждане нашей страны считают, что закон для них не совсем обязателен, так как он служит частным интересам, а не во благо всему обществу. Именно отсюда происходят негативные представления о правовом государстве; а там, где господствуют подобные взгляды, вообще не имеет значения, как на самом деле вершится справедливость.

Нельзя не отметить, что механизм защиты прав человека является своеобразным связующим звеном между провозглашением прав и свобод человека и гражданина, фактической возможности реализации их на практике, а также осуществлением их защиты.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6 — ФКЗ, от 30.12.2008 N 7 — ФКЗ, от 05.02.2014 N 2 — ФКЗ, от 21.07.2014 N 11 — ФКЗ)// «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398.

2. Гончарова, Н. В. Понятие и сущность механизма защиты прав и свобод человека, и гражданина // Современное общество и право. 2013. № 1. с. 10.
3. Ивакина, Д. С. Конституционно — правовые и социально — экономические гарантии культурных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Культура: управление, экономика, право. 2016. N 3. с. 36—40.
4. Кочетков, В. В. Современный российский конституционализм: рецепция публично — правовых институтов или имплементация ценностей? // Lex russica. 2015. N 11. с. 47—55.
5. Кучин, М. В. Формы судебного нормотворчества // Российский юридический журнал. 2018. N 3. с. 9—23.
6. Малахов, В. П., Лановая Г. М. Конституционно — правовые гарантии: сущность и роль в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. N 2. с. 7—12.
7. Яшкова, Г. Ф. Российские и Европейские механизмы защиты прав человека // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2010. № 1. с. 157.

Сущность и содержание правовой культуры как нормативно-ценностной основы, цели и средства правоприменительной политики

Бурнашев Геннадий Алексеевич, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье рассмотрена сущность и содержание правовой культуры как нормативно — ценностной основы, цели и средства правоприменительной политики. Отмечено, что способность правовой культуры и идеологии воздействовать на правоприменительную политику, моделировать поведение субъектов ее формирования и реализации в направлении понимания ценности права, уважении личности, прав и свобод человека и гражданина, а также социальной ценности профессиональной деятельности, позволяет исследовать правовую культуру и правовую идеологию как ценностную основу, цель и средство правоприменительной политики.

Ключевые слова: правовая культура, правоприменительная политика, правоприменитель, закон, реализация права, общество, государство.

Objectives and means of enforcement. Content of legal culture as a normative value basis

The article considers the essence and content of legal culture as a normative value basis, goals and means of enforcement policy. Ability of legal culture and ideology to influence law enforcement policy, to model the behavior of subjects of its formation and implementation in the direction of understanding the value of law, respect for the individual, human and civil rights and freedoms allows you to explore the legal culture and legal ideology as a value basis, purpose and means of enforcement policy.

Keywords: legal culture, law enforcement policy, law enforcer, law, implementation of law, society, state.

Правовая культура предполагает достаточное знание должностными лицами и гражданами юридических норм, их правовую грамотность, умение, навыки пользоваться законами в практической жизни, высокую степень уважения авторитета права, его оценки как необходимой социальной ценности для нормального функционирования цивилизованного сообщества людей, атмосферу законности, послушания личности, устойчивые привычки, внутреннюю потребность к соблюдению закона и социально — правовой активности. Необходимым элементом правовой культуры является также наличие в стране детально разработанного, охватывающего все основные сферы от-

ношений, внутренне непротиворечивого и технически совершенного законодательства, последовательно отражающего идеалы демократии, свободы и справедливости.

В правовую культуру включаются также и высокий уровень правотворческой деятельности в стране, и своевременный и качественный учет в законодательстве новых тенденций и потребностей развития общества, и демократические основы подготовки и принятия новых нормативных решений, и активное использование выработанных мировой практикой правил законодательной техники.

Знание нормативных предписаний, понимание сущности права и целей правового регулирования, профессионализм

правоприменения составляют содержательную сторону правовой культуры [4]. Она проявляется в институциональной организации общества, в юридической практике, правосудии, нормативных моделях поведения. Правовая культура является ценностно — нормативной основой деятельности субъектов правоприменительной политики, диктующей стратегию, тактику и принципы реализации права.

В юридической литературе существует немало работ, посвященных исследованию правоприменительной политики, анализ которых обнаруживает различные подходы к рассмотрению сущности и содержания правоприменительной политики. С позиции Н.И. Матузова правовая политика представляет комплекс программ, установок, целей, мер, задач, которые реализуются в сфере права и посредством права [7].

А.В. Малько и К.В. Шундилов анализируют это явление как государственную деятельность «в сфере правового регулирования социальных отношений, сущность которой заключается в выработке и практической реализации правовых идей и целей стратегического характера». По этой причине единого понятия правоприменительной политики современной наукой не выработано. Тем не менее дальнейшее теоретическое осмысление этого правового явления остается актуальными по причине расхождения буквы и духа закона с реалиями его повседневного применения и низким уровнем реализации права.

Следует заключить, что правоприменительная политика представляет собой деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц и организаций по формированию стратегии реализации права, основанной на действующем законодательстве и юридической практике.

Практическая сторона правоприменительной политики проявляется в функциях, средствах и методах реализации, существенное влияние на которые оказывают ценностные установки, выраженные в культуре и идеологии.

Основное назначение правоприменительной политики состоит в выработке фундаментальных основ и практической организации процесса правоприменения.

Некоторые исторические факты государственного регулирования отдельных сторон общественной жизни свидетельствуют о значимости не столько моделирования правовых норм, сколько практического их воплощения.

В юридической литературе неоднократно отмечалось, что правоприменительная политика находится под влиянием правовой культуры и идеологии, в основу которых заложены ценностные и духовно — нравственные установки. Также обращалось внимание на ориентированность названных установок на формирование идеалов добра, справедливости, гуманизма и свободы. Как отмечают ученые, именно в процессе правоприменения проявляются духовно-нравственные и идеологические ориентиры субъекта правоприменительной политики, сформированные под влиянием правовой культуры и идеологии [6].

Конституционная модель правового регулирования не только сформировала в России систему правовых актов

федерального, регионального и муниципального уровней, но и внесла противоречие в течение правотворческого процесса. В результате наблюдается разбалансированность реализации норм права, дублирование отдельных положений законодательных актов в подзаконных нормативных актах, пробелы законодательства. Наиболее ярко такие негативные тенденции проявляются в правоприменении, которое является ничем иным как индикатором правотворчества.

Необходимо, чтобы юридическая практика не формально, а на деле опиралась на достижения современной юридической науки. К примеру, акты, выносимые в порядке судебного нормоконтроля, близки нормативным правовым актам, так как положения, содержащиеся в их резолютивной части, не обладают свойствами прецедента. Верным представляется утверждение Т.Г. Морщаковой о том, что «прецедент есть применение правовых выводов одного суда при рассмотрении дел другим судом в ситуации, сходной по фактическим обстоятельствам...» [8]. Если Конституционный Суд признал неконституционным или истолковал какое — то нормативное положение, то это его решение обязательно для всех случаев, когда решается вопрос о применимости либо этой нормы, либо акта именно такого же содержания. Речь идет не об аналогичной, а о той же самой ситуации и не о сходной фактической стороне дела, а о том же правовом содержании закона как применимого права».

Осуществление правоприменительной политики невозможно без информационной и методической поддержки. Формирование правоприменительной политики происходит на основе анализа не только действующего законодательства, но и правоприменительной практике, отраженной в многочисленной судебной практике, аналитических, социологических и статистических отчетах, учебно-методической документации. В этой связи качество формирования и реализации концепции правоприменительной политики во многом обусловлено своевременностью и эффективностью использования информационных технологий, таких как всемирная сеть Интернет, электронные базы данных, проведение онлайн-конференций, видео-встреч в режиме реального времени. Важно расширение информационных возможностей как на правоприменение, так и на реализацию права.

Нельзя недооценивать и значение методической документации в осуществлении правоприменительной политики. К примеру, к настоящему моменту в Российской Федерации сформировалось целостное нормативно-правовое регулирование и правоприменительная практика в области противодействия коррупции.

В практике Верховного Суда РФ обозначен подход, учитывающий не только положения ч. 4 ст. 12 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. N 273 — ФЗ «О противодействии коррупции» [3], ст. 64.1 ТК [2], но и положения Конвенции ООН [1] против коррупции. Верховный Суд РФ выработал единообразный правоприменительный подход, согласно которому государственные

(муниципальные) органы и некоммерческие организации, образованные для реализации задач и достижения целей, поставленных перед соответствующими государственными (муниципальными) органами, не могут привлекаться к ответственности по ст. 19.29 КоАП. Как отмечает Барсуков А.А., учет прокурорами обозначенной правоприменительной позиции Верховного Суда РФ при осуществлении надзора за исполнением антикоррупционного законодательства будет способствовать исключению фактов необоснованного возбуждения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 19.29 КоАП.

Сегодня с сожалением приходится констатировать, что мнение юристов, как профессиональной группы, в должной мере не учитывается, а ведь именно они должны активно участвовать в процессах правотворчества, совершенствования законодательства, вырабатывать рекомендации по оптимизации правоприменительной практики.

Являясь условием бытия права и результатом его действия, правовая культура детерминирует цели, средства и результаты общественного развития. В связи с этим оп-

тимизация правоприменительной деятельности зависит от совместных усилий общества и государства на пути повышения культурного уровня правовой и социальной организации общества.

Таким образом, цель правоприменительной политики состоит в выработке форм, методик управления правоприменительным процессом, основанном на принципах законности, справедливости и разумности. Для реализации правоприменительными органами концептуальных положений правоприменительной политики необходимы:

- 1) выработка единой политики реализации норм права в подведомственной сфере;
- 2) понимание воли законодателя;
- 3) своевременное реагирование на динамику правотворческого процесса, политических и социально-экономических процессов.

Правовая культура влияет на различные стороны правовой действительности, способствуя достижению цели правоприменительной политики, призванной обеспечить по всем направлениям реализации права законность, справедливость, права и свободы, то есть достижение идеалов правового государства и гражданского общества.

Литература:

1. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью — Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51 — ом пленарном заседании 58 — ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН)// «Бюллетень международных договоров», 2006, N 10, октябрь, с. 7—54
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197 — ФЗ (ред. от 11.10.2018)// «Парламентская газета», N 2—5, 05.01.2002
3. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273 — ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.09.2018)// «Российская газета», N 266, 30.12.2008
4. Барсуков, А.А. Влияние правоприменительной практики Верховного Суда РФ на институт административной ответственности по ст. 19.29 КоАП // Законность. 2018. N 9. с. 31—34.
5. Грунтовский, И. И. Правовая среда общества как основа безопасности бизнеса // Безопасность бизнеса. 2017. N 3. с. 20—25.
6. Заявило, М.В., Власенко Н.А., Шуберт Т.Э. Понятие, формы и содержание судебной практики // Судебная практика в современной правовой системе России. М., 2017.
7. Малько, А.В. Правоприменительная политика как фактор оптимизации осуществления права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1 (27). с. 6—13.
8. Морщакова, Т.Г. Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. М., 2010. с. 245.
9. Цыбулевская, О.И. Мораль. Право. Власть: монография / под ред. Н. И. Матузова. Саратов, 2004. с. 38.

Формирование правовой культуры в Российской Федерации

Бурнашев Геннадий Алексеевич, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

Правовая культура влияет на различные стороны правовой действительности, способствуя достижению цели правоприменительной политики, призванной обеспечить по всем направлениям реализации права законность, справедливость, права и свободы, то есть достижение идеалов правового государства и гражданского общества. В рамках настоящей статьи рассмотрены аспекты формирования правовой культуры в Российской Федерации.

Ключевые слова: формирование правовой культуры, правосознание, правовая идеология, правовые институты, правовое поведение.

Formation of legal culture in Russian Federation

Author considered aspects of the formation of legal culture in the Russian Federation. Legal culture influences various aspects of legal reality, contributing to the achievement of the goal of enforcement policy, designed to ensure in all areas of the realization of the law legality, justice, rights and freedoms.

Keywords: legal culture formation, legal awareness, legal ideology, legal institutions, legal behavior.

Формирование правовой культуры в России происходило и происходит в трудных условиях социально — экономического кризиса, борьбы между ветвями власти — законодательной, исполнительной и судебной. Не стоит преуменьшать и влияние зарубежной философии и теории права. Таким образом, парадоксальность такого правового явления, как правовая культура, состоит в столкновении и тесном переплетении в нём различных ценностных установок — сложившихся в нашей стране исторически и пришедших из — за рубежа (например, расширение применения судебного прецедента).

Несмотря на множественность теоретических представлений о правовой культуре и ее содержании, можно говорить о признании научным миром правовой культуры ценностно — нормативной основой всех сторон правовой жизни общества. Действительно, правовая культура не может формироваться и существовать вне системы ценностей. Духовные ценности через механизм регулирования обретают нормативный каркас модели поведения субъектов социальных взаимодействий. Ценности выступают своеобразной мерой оценки поведения и его социальных последствий. Закрепляясь в праве, они перерастают из социальных ценностей в правовые, оказывая влияние не только на правовое регулирование, но и реализацию права. Они предопределяют выбор поведения, юридическую оценку деяний и социально — политических событий. Не случайно воздействие ценностей на формирование правовой культуры явилось предметом пристального внимания юридической науки.

Правовая культура базируется на общечеловеческих ценностях, что обеспечило ее изучение с ценностно — нормативного подхода. Так Я. В. Зубова представляет правовую культуру с точки зрения данного подхода как ценности права, выраженные в нормах, правовых институтах, оценках, правовом поведении. [2]

Головченко разделяет мнение Н. П. Повещенко о трехуровневой системе ценностей, лежащих в основе правовой культуры: личностные убеждения — правовые ориентации — правовые нормы. Задача права сводится к формированию условий нормальной жизнедеятельности человека во внешней среде (общественный порядок). При таком подходе право лишается более глубокого смысла, отдалается от темы духовной нравственности. Либеральное

понимание свободы ограничивается правовыми рамками, оставляя за ними истинное понимание свободы. [3]

Свободно жить и поступать, действуя в рамках права, не есть свобода. Истоки свободы заложены в более глубоких пластах — в субъективном пространстве человеческого сознания, никак не связанного с правовыми гарантиями. Речь идет о духовном самоопределении, не подвластном внешним детерминантам. Правовая ответственность, являясь внешней, также имеет прямое отношение к духовно — нравственной стороне человеческой жизни. Отношения между людьми в реальной действительности не всегда соответствуют идеалу. Поэтому право становится средством корректировки реальности, в основу которого заложено духовно-нравственное осознание долга. Право не только нравственно обусловлено. Оно само придает охраняемую законом силу нравственным нормам и принципам. Устанавливая репрессивные санкции, право вместе с тем признает достоинство личности и свободу человека [1].

Правовая культура позволяет обеспечить надлежащую ориентацию граждан и должностных лиц в основополагающих началах и принципах правовой системы Российской Федерации. Она создает базу для значительного расширения объема и повышения уровня правового поведения адресатов права, для профилактики правонарушений. Правовой нигилизм является важнейшим фактором, который может ускорить или замедлить правовое развитие. В условиях социально-экономического кризиса и трансформации российского общества изучение такого правового явления, как правовой нигилизм, приобретает новое звучание. Без развития правовой культуры правовой прогресс и стабильное внутривластное положение в стране немыслимы. Преодоление правового нигилизма представляет собой одну из важнейших задач правоприменительной практики и законотворчества [2].

Недостаточный уровень правовой культуры и компетенции государственных служащих, социально — политический и экономический кризис в стране приводят к тому, что доверие к закону и государству в России неуклонно падает. Российская правовая действительность такова, что наблюдается значительный разрыв между правом и законом. Тенденция правового нигилизма в обществе ведёт к катастрофе — отрицанию главенства государства и за-

кона, разрешению конфликтов при помощи силы, связей или денег. Всё это, безусловно, не способствует доверию к закону и правопорядку.

Таким образом, можно выделить следующие предпосылки распространения правового нигилизма в современном российском обществе: снижение интереса граждан к морально — этической проблематике, пропаганда аморализма и безнравственности; криминализация различных социальных групп, распространение в обществе ценностей криминальных субкультур; исторически сложившиеся особенности менталитета русского народа, связанные с вековым самодержавием, крепостничеством, приоритетом государственной власти над общечеловеческими демократическими правами и свободами; идеализация и бездумное перенесение традиций западной правовой системы на отечественную почву, без необходимой адаптации к сложившимся правовым традициям; отсутствие правовой регламентации отдельных сторон общественной жизнедеятельности (медицины, спорта, экологии); деформация правосознания граждан, связанная с глубоким социально — экономическим кризисом, начавшимся еще в 1990-е годы; юридическая неграмотность и правовое бескультурье.

Российское правосознание, в особенности это касается так называемого массового правосознания, является, с одной стороны, неразвитым по сравнению с западными цивилизациями, а с другой — характеризуется как расположенное на полюсах нигилизма или идеализма в оценке роли и статуса права. Главная цель правового просвещения в качестве метода правовой пропаганды — воспитание уважения к праву и законности как ценностной установке широких слоев населения России. Противостоит правовому нигилизму, иным деформациям правосознания такой сложный социальный феномен, как правовая культура. Уровень правосознания и в целом правовой культуры в обществе остается достаточно низким. Отчуждение многих живущих ниже прожиточного минимума граждан является одним из важнейших факторов развития правового нигилизма. Правовая культура тесно связана с правосознанием, опирается на него, но представляет собой относительно самостоятельную категорию, так как включает в себя не только социально-психологические процессы, протекающие в обществе, но и юридически значимое поведение членов общества, правовую деятельность в виде правотворчества и его результатов, традиции правотворчества, практику функционирования правовых институтов в целом. Правовая культура диктует каждой личности принципы правового поведения, а обществу — систему правовых ценностей, правовые идеалы, обеспечивающие единство и взаимодействие правовых институтов и учреждений. Высокий уровень правовой культуры — один из признаков правового государства. Правовая культура охватывает и психологические, и идеологические, и поведенческие элементы.

В настоящее время в России наблюдается существенный разрыв между нормативно — ценностной ос-

новой и существующей правоприменительной политикой судебной системы. Минимизация такого разрыва возможна только тогда, когда судебная правоприменительная политика будет строиться профессионалами с высокой правовой культурой, для которых долг, справедливость и гуманность — ориентир осуществления правосудия, а не декларация, закреплённая в норме закона.

Особую зону риска представляет правоприменение в системе исполнительной власти. Правовой кризис находит здесь наиболее яркое проявление. З.М. Черниловский пишет, что исполнительная власть всегда стремиться к минимизации контроля. Этому в известной мере способствует владение средствами принуждения, опора на бюрократический аппарат, манипулирование информацией [5].

Проблема ориентации правоприменительной политики в управленческую сферу на нравственные ценности приобретает все большую значимость, поскольку здесь непрерывно развивается поток всевозможных практик взаимодействия гражданина и власти. Мораль становится неотъемлемым аспектом деятельности всей системы государственных служащих и служащих правоохранительных органов. Владение исполнительной власти всевозможными средствами принуждения и влияния на права и свободы потребовало, как говорилось ранее, формирование системы кодексов, где проявление уважения к таким ценностям как честь и достоинство личности, неприкосновенность человека закладывается в основу профессиональной деятельности. Однако дефекты правосознания, как неотъемлемого элемента правовой культуры, многих субъектов сферы приложения исполнительной власти подрывают ее авторитет и искажают ее предназначение в системе разделения властей.

Правовая культура субъектов правоприменительной политики отражает степень следования закону, принципам права при принятии решений в конкретной сфере общественной жизни и государственной деятельности. К примеру, от правовой культуры органов следствия и дознания зависит соблюдение следственных процедур, качество применения уголовно-процессуального законодательства, учет следственной и судебной практики, соответствие принятых решений принципам уголовного судопроизводства, соблюдение сроков осуществления следственных действий.

Таким образом можно констатировать, что правовая культура субъектов правоприменительной политики выражает степень соответствия действий указанных субъектов правовым ценностям, объективированным в принципах и нормах права.

В завершение настоящей статьи отметим, что реальный уровень правосознания, правовой культуры в каждом обществе и на разных этапах его развития неодинаков, что зависит от многих разнохарактерных факторов. Это уровень развития экономики страны и благосостояния ее граждан, национальные, религиозные и иные особенности, политический строй и способность власти устанавливать и охранять правовые институты, противостоять

произволу, пресекать правонарушения. Правовая культура различных направлений правоприменительной политики (правоприменительная политика исполнительного производства, судебная правоприменительная политика и т. д.) представляет качественное состояние системы органов, участвующих в осуществлении права, выраженное

в порядке их деятельности, качестве принимаемых решений, в уровне правосознания субъектов правоприменительной политики, степени гарантированности прав и свобод граждан, интересов юридических лиц в сферах приложения компетенции субъектов правоприменительной деятельности.

Литература:

1. Головченко, Г. А. Стратегия формирования правовой культуры личности в современной России: понятия, цели, основные направления.: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016, с. 169.
2. Зубова, Я. В. Правовое образование и правовая культура: монография. Ухта, 2010. с. 6.
3. Карпова, С. Е., Васильева Е. Н., Кондратьев А. Я., Иванова И. О. Правовая культура современной молодежи: актуальное состояние и пути её повышения // Молодой ученый. — 2018. — № 1. — с. 173–175.
4. Сомов, М. Д. Республиканская идеология и ее демократические пределы // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 8. с. 15–18.
5. Черниловский, З. М. Правовое государство: исторический опыт // Государство и право. 1989. № 4. с. 56.

Проблемы правового воспитания на современном этапе

Бурнашев Геннадий Алексеевич, студент

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (г. Якутск)

В статье рассмотрены проблемы правового воспитания на современном этапе. Правовое воспитание является основным средством формирования и повышения уровня правосознания и правовой культуры граждан, инструментом духовного воспитания личности в условиях построения в России правового государства.

Ключевые слова: правовая культура, правовое воспитание, правовой нигилизм, развитие правосознания, следование требованиям правовых норм.

Problems of legal education at the present stage

Keywords: legal culture, legal education, legal nihilism, development of legal awareness, following the requirements of legal norms.

Недостаточный уровень правовой культуры, социально — политический и экономический кризис в стране приводят к тому, что доверие к закону и государству в России неуклонно падает. Поэтому рядом с проблемами жизненно важного плана правовое воспитание и правовая культура приобретают эфемерный характер и для большинства людей приобретают второстепенное значение, постепенно утрачивая свою важность и актуальность. Российская правовая действительность такова, что наблюдается значительный разрыв между правом и законом. Именно по этой причине развитие правовой культуры — это одна из наиболее актуальных проблем российского общества. Не будет преувеличением сказать, что правовая культура личности и общества в целом является основой государственности и правопорядка в современном демократическом обществе.

Система мер, направленных на интеграцию в сознание людей политико-правовых идей, норм, принципов, пред-

ставляющих ценности мировой и национальной правовой культуры, выступает как правовое воспитание [3].

Правовая культура выполняет в современном обществе ряд важнейших функций:

— познавательную (заключается в освоении правового наследия различных исторических эпох и достижений отечественного и зарубежного права, связана с формированием правового государства и развитием гражданского общества);

— регулятивную (направлена на обеспечение устойчивого и эффективного функционирования общества путем предписания индивидам и социальным группам определённых стандартов общественно полезного поведения);

— нормативно-ценностную (состоит в изменении индивидуального поведения, законности, правопорядка и действующего законодательства путем сопоставления с образцами поведения, ориентирами которого являются

нормы позитивного права и нормативные установки естественного права. В результате культурно-правовой оценки одни элементы правовой действительности получают одобрение, другие подвергаются критическому осмыслению);

коммуникативную (способствует согласованию общественных, групповых и личных интересов, обеспечивает социальное сплочение людей);

прогностическую (выражается в способности предвидеть возможные направления развития правовой системы, правотворчества и реализации права, юридической практики, правовой активности населения и другие изменения правовой системы) [4].

В настоящее время для российского общества наиболее актуальна проблема правового воспитания населения (особенно молодежи), реализации положений Конституции, принятия действенных мер по ее неукоснительному соблюдению всеми государственными органами, должностными лицами и гражданами. Правовой нигилизм по — прежнему представляет основную трудность в реформировании российской действительности.

Правовой нигилизм — самая распространённая деформация правосознания, сложное и неоднозначное явление правовой культуры. Правовой нигилизм с развитием общества зачастую модифицируется в самые изощрённые формы и представляет огромную опасность для общественного правосознания.

Учёными разработаны различные классификации форм правового нигилизма, каждая из которых имеет как достоинства, так и недостатки. Например, М. В. Варламов выделяет следующие виды правового нигилизма:

- легистский (законодательный);
- социологический (связанный с гражданским обществом);
- собственно правовой.

Каждый из данных видов правового нигилизма, в свою очередь, состоит из трёх компонентов:

- 1) когнитивного (чувственное осознание);
- 2) аффективного (эмоциональная оценка);
- 3) конативного (поведение).

Развитие правовой культуры и правосознания субъектов правоприменительной политики, с одной стороны, граждан и институтов гражданского общества, с другой стороны, позволять выстраивать эффективный механизм обеспечения и защиты прав и свобод граждан, интересов юридических лиц, добиваться идеи построения правового государства и гражданского общества [1].

Результаты правоприменительной политики накладывают отпечаток на поведение субъектов правовых отношений, формируя тем самым правовую культуру общества. Чем выше уровень правовой культуры, тем выше авторитет государства. Последнее должно иметь прямую заинтересованность в способности правоприменительной политики формировать и повышать уровень правовой культуры. Если обществом будет достигнуто осознание социальной ценности права, гуманистических идей общежития, механизма защиты своих прав и свобод, воз-

можности влияния на правоприменительный процесс, то в этом случае можно говорить о необходимом уровне его правовой культуры. Как следствие — минимизация проявления нигилизма и непрофессионализма в правоприменительной среде. Чем ниже правосознание самого общества, тем больше простора для формирования правоприменительной политики, идущей в разрез с принципами права.

Граждане, должностные лица, органы государственной власти и иные субъекты должны понимать полезность соблюдения правовых норм и сознательно отторгать антиобщественное поведение, понимать необходимость противодействия противоправному поведению.

Это важно для сохранения и повышения престижа деятельности правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления, формирования убежденности российских граждан в законности, обоснованности и справедливости принимаемых решений и выносимых актов. Чем выше уровень воспитательного воздействия, тем большая степень убедительности общества и населения в возможности удовлетворения потребностей и интересов в правоприменении и в правореализации.

В качестве эффективнейшего средства решения проблем правового воспитания и правовой культуры видятся институты гражданского общества (профессиональные и иные ассоциации, образовательные и научные учреждения и т. д.). Сегодня в нашей стране наблюдается рост подобных структур, и государство должно всемерно поощрять и поддерживать их деятельность. Важная роль среди институтов гражданского общества должна отводиться общественным объединениям.

К примеру, самой эффективной мерой правового воспитания водителей, осуществляемой сотрудниками подразделений ГИБДД, названа пропаганда безопасности дорожного движения в средствах массовой информации. Подчеркивая роль средств массовой информации и ресурсов Интернета в повышении уровня развития правосознания, просвещении и обучении безопасному поведению

Для пропаганды безопасности дорожного движения необходимо все больше использовать возможности телевидения, радио и новых информационных технологий, а именно информационных порталов, сети Интернет, осуществлять SMS — рассылки на мобильные телефоны с информацией, направленной на повышение правовой культуры и дорожно-транспортное воспитание людей [7].

Кроме того, в научных публикациях подчеркивается, что существенную роль в пропаганде безопасности дорожного движения играет социальная (дорожная) реклама, направленная на формирование установки «кооперативного поведения» у водителей, сопровождающаяся косвенной и деликатной демонстрацией целесообразности соблюдения Правил дорожного движения.

Сильное эмоциональное влияние на сознание оказывает деятельность правоохранительных органов, в особен-

ности полиции, так как население крайне настороженно относится к применению и оценке мер государственного принуждения и наказания, связанных с ограничением прав и свобод личности. Неслучайно некоторыми учеными особое внимание уделяется полиции как институциональному элементу правовой идеологии. С этим можно вполне согласиться с учетом роли правовой идеологии в механизме формирования идеологического пространства. Здесь используются свойственные правовой идеологии способы, методы и различные институциональные структуры воздействия, используя последние в качестве проводников ценностно — идеологического воздействия. Органы государственной власти и местного самоуправления, правоохранительные органы и суды формируют определенную идеологическую атмосферу посредством правовых дискуссий, разъяснения законодательства, трансляции передового опыта и достижений в области обеспечения и защиты прав и свобод человека, и гражданина. Тем самым переносятся идеи правоприменительной политики во внешнюю среду, программируя сознание ее представителей на необходимость уважительного отношения к закону и его соблюдению [2].

Правовое воспитание должно быть направлено на внедрение в сознание необходимости следования требованиям правовых норм, что обеспечивает сознательное уважение к правовым предписаниям, а, следовательно, ведет к повышению уровня правовой культуры. Атрофия моральных качеств, названных выше субъектов, ставит под сомнение их профессионализм, так как предназначение любого служащего независимо от сферы исполнения долга, состоит в служении народу, государству. Однако практика выявляет обратное — служение в угоду удовлетворения своих корыстных интересов. Существует множество различных форм проявления правового нигилизма, каждая из которых несёт в себе определённую опасность для гражданского общества и демократического государства. С последующим развитием общества нельзя исключить и появление новых форм правового нигилизма.

Проявления (формы) правового нигилизма во многом зависят от социальных, национальных, религиозных, политических, экономических и других факторов, а также от того, какую позицию по отношению к законности и право-

порядку занимают лидеры государства [8]. Поэтому правовая культура как цель правоприменительной политики должна быть направлена, во-первых, на минимизацию разрыва между установленными законом принципами и принципами, утвердившимися в сознании носителей власти. Во-вторых, — на повышение духовно — нравственных их качеств, связанных с пониманием социальных проблем людей, проявлением уважения и заботы к рядовым гражданам. Не случайно некоторые опросы граждан показывают, что нравственные качества чиновников население ставит на первый план. Из этого следует, что, от уровня правовой культуры чиновников напрямую зависит уровень правовой культуры российских граждан. Последние видят в судьях, в служащих органов государственной власти и управления носителей высоких моральных убеждений и идеалов. В-третьих, на укоренении в профессиональном сознании рассмотрения права как ценности, что будет проявляться не только в знании закона и уважения основополагающих принципов права, но и в осмыслении правовых норм, в безусловном следовании названным принципам, соизмерении своей деятельности с позиции закона.

Только при достижении названных выше трех условий, возможно говорить о достижении цели правоприменительной политики — правовой культуры субъектов правоприменения. Развитие правовой культуры приводит, в конечном итоге, расширению прав и свобод личности, повышению уровня их защищенности. В настоящее время развитая правовая культура общества это — идеал, цель политико-правового развития России, к которой необходимо стремиться.

Формирование стабильной правовой культуры общества возможно только при условии объединения усилий гражданского общества и государственной власти, то есть государство должно оказывать активную поддержку развитию юридической культуры, а общество, в свою очередь, должно занимать активную гражданскую позицию по отношению к соблюдению законности и правопорядка. Именно объединёнными усилиями государства и общества возможно эффективное преодоление правового нигилизма и формирование высокого уровня общественного правосознания.

Литература:

1. Борисова, С. Е. Правовое воспитание и психологические качества водителей транспортных средств // Юридическая психология. 2015. N 4. с. 25—28.
2. Канунникова, Н. Г. К вопросу об управлении деятельностью органов внутренних дел и правовом воспитании их сотрудников // Административное право и процесс. 2015. N 10. с. 30—33.
3. Клименко, А. В. Моральная природа и обусловленные ею функции правовой идеологии // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1. с. 21—27.
4. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник. 8 — е изд. СПб.: Питер, 2012, с. 420.
5. Муртазалиев, М. М. Трансформации правовой культуры в процессе модернизации российского общества: дис ... канд. социолог. наук. М., 2016, с. 207.
6. Погребная, Ю. К. Кризис современного российского правосознания: монография. М., 2016, с. 192.

7. Усманова, Е. Ф. Понятие и особенности коммуникативной функции правовой культуры // Наука и современность. 2014. № 27. с. 292–296.
8. Усманова, Е. Ф. Правовая этика как элемент правовой культуры общества // Символ науки. 2016. № 1–3. с. 170–172.

Стороны гражданско-правового договора

Васильчук Татьяна Александровна, студент магистратуры
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируются стороны гражданско-правового договора.

Ключевые слова: договор, субъекты, дееспособность, эмансипация.

Субъектами договорных отношений являются лица, непосредственно подписывающие договор и принимающие на себя определенные обязательства друг перед другом, именующиеся сторонами договора.

Субъектами гражданских правоотношений могут являться:

- 1) граждане России, иностранные граждане и лица без гражданства;
- 2) российские и иностранные юридические лица;
- 3) Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования.

В зависимости от количества сторон договоры бывают двусторонними и многосторонними.

Договор — это основное средство, которое регулирует отношения, возникающие между участниками экономической деятельности, а также это наиболее распространенный юридический факт.

Для того чтобы физическое лицо стало субъектом гражданских правоотношений, необходимо чтобы оно обладало правоспособностью и дееспособностью.

Дееспособность является правовой категорией, которая занимает особое место в науке гражданского права. Это объясняется тем, что дееспособность граждан является первоочередной правовой категорией, так как она позволяет определить место конкретного субъекта в гражданско-правовых отношениях и степень участия.

Легальное определение дееспособности не содержится ни в одном нормативном правовом акте, за исключением Гражданского кодекса РФ.

По своей юридической природе дееспособность представляет собой личное право, которое не может быть отчуждено в пользу других лиц. Кроме того, размер объема дееспособности, возникшей по закону, не может изменяться по воле гражданина [7].

Дееспособность сочетает в себе два момента, которые одновременно характеризуют ее. Такими моментами являются интеллектуальный и волевой. Указанные моменты взаимосвязаны и взаимозависимы.

Интеллектуальный момент дееспособности заключается в возможности осознать свои поступки и их результат;

волевой момент — в возможности руководить поступками.

Отличительной особенностью дееспособности является то, что она не может быть одинаковой в равной степени для всех граждан. Данная особенность отличает ее от правоспособности, которая в равной степени признается за всеми гражданами.

В связи с чем в нормах гражданского законодательства предусмотрены следующие виды дееспособности [5]:

- 1) полная дееспособность (ч. 1 ст. 21 ГК РФ);
- 2) дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ);
- 3) дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 6 до 14 лет (ст. 28 ГК РФ);
- 4) ограниченная дееспособность (ст. 30 ГК РФ);
- 5) недееспособность вследствие психического расстройства (ст. 29 ГК РФ).

Полная дееспособность представляет собой способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять любые права, которые предусмотрены законодательством, а также создавать для себя, исполнять любые обязанности, то есть реализовывать принадлежащую ему правоспособность в полном объеме.

Основываясь на возрасте, полная дееспособность согласно нормам российского законодательства наступает в связи с достижением гражданином возраста совершеннолетия, который равен восемнадцати годам. Указанная норма закреплена в статье 21 ГК РФ. Однако законодательством предусмотрены исключения из указанного правила.

Гражданин может быть признан полностью дееспособным, ранее достижения совершеннолетия, в том случае, если он вступил в брак. Кроме того, несовершеннолетний, который к определенному моменту достиг возраста шестнадцати лет, он может быть объявлен полностью дееспособным, в следующих, предусмотренных законом случаях [8]:

- 1) работает по трудовому договору или контракту;
- 2) с согласия родителей, усыновителей или попечителей осуществляет предпринимательскую деятельность, в том числе, зарегистрирован в качестве предпринимателя.

Под эмансипацией понимается объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным. Правовым последствием эмансипации является приобретение полной дееспособности независимо от биологического возраста гражданина.

Неполная или частичная дееспособность предполагает, что гражданину присуще право приобретать и осуществлять своими действиями ограниченное количество прав и обязанностей, то есть те, которые предусмотрены действующими нормами закона. Частичная дееспособность признается за несовершеннолетними.

Законодательством предусмотрены две группы дееспособности несовершеннолетних, а именно [6]:

- 1) дееспособность несовершеннолетних в — возрасте от 14 до 18 лет;
- 2) дееспособность малолетних — в возрасте до 14 лет.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет могут приобретать некоторые гражданские права и обязанности самостоятельно, или с письменного согласия родителей, усыновителей или попечителей, за исключением сделок, указанных в пункте 2 статьи 26 ГК РФ.

Таким образом, в совокупность прав и обязанностей несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, составляющую размер дееспособности входят [1]:

- 1) Право на распоряжение своим заработком, стипендией, а также другими видами доходов;
- 2) Право на осуществление авторских прав, произведений науки, литературы, искусства, изобретения, а также иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности.
- 3) Право вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими.
- 4) Право на совершение мелких бытовых сделок, а также иных видов сделок: например, сделки, которые направлены на безвозмездное получение выгоды, не требуют нотариального удостоверения, государственную регистрацию.

- 5) Право на членство в кооперативе.

Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет признаются деликтоспособными, то есть они самостоятельно могут отвечать за имущественный вред, который причинен их действиями. При этом если у несовершеннолетнего нет имущества или заработка, достаточного для возмещения вреда, вред в соответствующей части должен быть возмещен его родителями (усыновителями, попечителем), если они не докажут, что вред возник не по

их вине. Данная норма предусмотрен статьей 1074 ГК РФ [2].

Несовершеннолетние наделены правом завещать имущество, право на распоряжение у них имеется в связи с имеющимся объемом дееспособности. Завещание представляет собой распоряжение (сделку) гражданина о своем имуществе на случай смерти, что предусмотрено статьей 1120 ГК РФ [3].

Частичная дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 6 до 14 лет, то есть дееспособность малолетних заключается в следующем. Для данного возраста характерен очень узкий объем дееспособности и полное отсутствие деликтоспособности. Сделки могут осуществлять только законные представители данной категории несовершеннолетних и только в интересах самих несовершеннолетних.

За малолетних в возрасте до шести лет законные представители совершают все без исключения сделки. За малолетних в возрасте от шести до четырнадцати лет — все сделки, за исключением предусмотренных законом, а именно [4]:

- 1) Мелкие бытовые сделки.
- 2) Сделки, которые направлены на безвозмездное получение выгоды и не требуют нотариального удостоверения или государственную регистрацию.
- 3) Сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

Таким образом, договор является основной моделью гражданских правоотношений. Возможность использовать договор как модель гражданских правоотношений имеет у любого участника гражданского оборота: гражданин, юридическое лицо, Российская Федерация и субъекты Федерации, а также муниципальные образования. Для всех указанных субъектов создается одинаковый режим. В этом находят прямое выражение закрепленные в п. 1 ст. 1 ГК РФ основные начала, на основании которых выстраиваются непосредственно все гражданские правоотношения. К указанным общим началам можно отнести равенство участников отношений, свобода договоров и другие.

При этом законодателем в силу определенных причин в ряде норм ограничивается возможность использования той или иной договорной модели, либо, если такая возможность открыта, то устанавливаются определенные исключения из общих норм с учетом того, кто именно выступает в роли контрагентов.

Литература:

1. Буянова, М. О. Гражданское право. Учебник [Текст]. — М.: Юрист, 2016. с. 115.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая [Текст]: от 26 января 1996 № 14-ФЗ (в редакции от 28 марта 2017) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья [Текст]: от 26 ноября 2001 № 146-ФЗ (в редакции от 28 марта 2017) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

4. Гражданское право. Учебник / Под ред. А.П. Сергеева. [Текст]. — М.: Статут, 2016. с. 266.
5. Грудцына, Л. Ю. Гражданское право России. Учебник [Текст]. М.: ЗАО Юстицинформ, 2015. с. 288.
6. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав [Текст]. М.: СТАТУТ, 2015. с. 214.
7. Суханов, Е. А. Гражданское право. Том 1: Общая часть. Учебник [Текст]. М.: ВолтерсКлувер, 2016. с. 404.
8. Шаблова, Е. Г. Гражданское право. Учебное пособие [Текст]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. с. 27.

Понятие и виды недействительности гражданско-правовых договоров

Васильчук Татьяна Александровна, студент магистратуры
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируются понятие и виды гражданско-правовых договоров.

Ключевые слова: договор, оспоримость, недействительность, ничтожность сделки.

Гражданско-правовым договорам, как видам сделок, применяются нормы ГК РФ, которые регулируют действительность сделок, а также последствия их недействительности.

Недействительность гражданско-правового договора подразумевает, то, что действие, облаченное в договорную форму, не наделено признаками, присущими юридическому факту, в связи с чем требуемые юридические последствия, которых ожидают стороны такого договора, не могут наступить [7].

Для гражданско-правовых договоров действует общее правило об оспоримых и ничтожных сделках, которое предусмотрено нормами статьи 166 ГК РФ.

Оспоримой сделкой является, та сделка основания оспоримости, которой закреплены в законодательстве и могут быть признаны таковыми по решению суда.

Ничтожная сделка подразумевает под собой, то, что ее последствия не наступают независимо от их признания.

Однако, некоторые ученые — теоретики, например, О.В. Гутников, в своих трудах высказывали мнение о том, что предлагаемая законодательством классификация недействительности гражданско-правовых договоров на ничтожные и оспоримые не логична [2].

В связи с чем, в юридической литературе было предложено классифицировать все недействительные гражданско-правовые договоры на абсолютно недействительные (ничтожные) и относительно недействительные (оспоримые) [4].

В основу указанной классификации положен объективный критерий, который выражается в различной степени противоправного характера действий, которые были совершены в форме недействительных договоров. Указанная классификация приравнивает термин «ничтожность» к термину «абсолютная недействительность», а термин «оспоримость» как равноценный термину «относительная недействительность».

Ничтожность договора предполагает, что последствия, которые он предопределяет, не могут наступить, так как он не соответствует нормам действующего законодатель-

ства. Например, право собственности не может возникнуть если будет совершена покупка вещей, о которых лицу их приобретающему заведомо было известно, что они ранее были похищены у другого лица. Если залог не был в должной форме нотариально удостоверен, то он не может выступать как обеспечение исполнения условий какого-либо обязательства.

Так как ничтожный договор является неправомерным действием, то согласно нормам действующего законодательства к нему применяются последствия как к правонарушению.

Требовать применения последствий недействительности сделки может любое лицо, которое является заинтересованным.

Кроме того, суд наделен правом применить последствия недействительной сделки по собственной инициативе.

Существующее общее правило о ничтожности договоров формулируется следующим образом.

Сделка, которая не соответствует требованиям закона или иным нормативным правовым актам является ничтожной, если законом не установлено, что такая сделка может быть признана оспоримой, а также не предусмотрены другие последствия ее нарушения.

Указанное правило нормативно закреплено в гражданском законодательстве, а именно в нормах статьи 168 ГК РФ. По своей роли данное правило выполняет важную функцию, так как является универсальным, то есть применимым к различного рода гражданским правоотношениям независимо от вида породившего их договора. Важность действия данного правила заключается в том, что, несмотря на обширность нормативных правовых норм, которые регулируют различные виды гражданско-правовых договоров, нормативно закрепить абсолютно все их виды невозможно. Следовательно, невозможно закрепить в законе и все последствия ничтожности гражданско-правовых договоров.

Указанное универсальное правило подлежит применению в том случае, если в нормах закона нет специальных

оговорок, которые распространяются на конкретные договорные правоотношения [6].

Противоправный характер всех действий, которые совершены в форме ничтожных договоров, является очевидным. В связи с чем основная функция суда в данном случае заключается в том, что он применяет уже установленные законодательством последствия, которые связаны с недействительностью договоров.

Оспоримость подразумевает под собой признание судом действий, которые закреплены гражданско-правовым договором, недействительными. Основанием для такого рассмотрения судом будет являться заявление в форме иска одной из сторон.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Факт совершения ничтожного договора сам по себе влечет его недействительность. Если договор является оспоримым, то последствия в виде его недействительности могут наступать только в связи с выраженной волей одной из его сторон.

Кроме того, отдельные условия или совокупность условий договора могут быть признаны ничтожными или оспоримыми [5]. Основанием для такого признания будет являться не соответствие их нормам закона, заведомо негативное их содержание.

Если договор в своей части является недействительным, то другая его часть может являться действительной. Это возможно в том случае, когда гражданско-правовой договор может быть заключен в части, то есть если не включать в него недействительных условий [1].

Таким образом, рассмотрев данный параграф можно сделать следующие выводы.

Недействительность гражданско-правового договора представляет собой совокупность заведомо недействительных действий сторон, по заключению договора, которые не имеют правовых последствий и не влекут их наступления как результата. Ничтожность или оспоримость как характеристики недействительного гражданско-правового договора наступают в силу признания его таковым судом — оспоримая сделка, или независимо от такого признания.

Ничтожность договора означает, что действие, совершенное в виде договора, не порождает и не может породить желаемые для ее участников правовые последствия в силу несоответствия закону.

Оспоримость означает, что действия, совершенные в виде договора, признаются судом при наличии предусмотренных законом оснований недействительными по иску управомоченных лиц.

Гражданско-правовой договор может быть признан ничтожным только в своей части. При этом в другой своей части указанный гражданско-правовой договор будет являться действительным.

Нормативное регулирование гражданско-правовых договоров осуществляется в соответствии с общими нормами, содержащими правила о действительности или недействительности сделок.

Литература:

1. Буркова АВ. Недействительность части сделки // Юрист. — 2016. — № 4. — с. 4
2. Гутников, О. В. К вопросу о понятии недействительных сделок // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика. Сборник статей / под ред. М. А. Рожкова. — М., 2016. — с. 58.
3. Колпашникова, О. В. Недействительность сделок // Актуальные проблемы права. Сборник научных трудов. Вып. 4. — М., 2015. — с. 221.
4. Кот, А. А. Природа недействительных сделок // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика. Сборник статей / под ред. М. А. Рожкова. — М., 2016. — с. 95.
5. Колпашникова, О. В. Недействительность сделок // Актуальные проблемы права. Сборник научных трудов. Вып. 4. — М., 2015. — с. 221.
6. Мацуков, В. Е. Недействительность сделок // Арбитражная практика. — 2016. — № 7. — с. 68.
7. Хейфец, Ф. С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. — М.: Норма, 2017. — с. 11.

К вопросу о правовой природе отношений между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом

Васятин Алексей Евгеньевич, студент;

Лисина Оксана Витальевна, студент

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

В данной статье анализируется правовая природа отношений между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом с точки зрения их структуры. Авторы приходят к выводу о существовании между названными субъектами корпоративного правоотношения и отсутствии трудовых правоотношений.

Ключевые слова: *единоличный исполнительный орган, хозяйственное общество, генеральный директор, корпоративное правоотношение, трудовое правоотношение*

Проблема правовой природы отношений между единоличным исполнительным органом хозяйственного общества (генеральным директором, директором и т. д.) и самим обществом возникла еще во времена перехода к рыночной экономике и соответствующим им принципам хозяйствования. Еще тогда рядом авторов (Глазырин В. В., Куренной А. М., Орловский Ю. П. и др.) договор между директором и обществом рассматривался как трудовой договор; иная группа ученых (Кашанина Т. В., Шиткина И. С. и др.) исходила из концепции предпринимательского контракта, сочетающего в себе признаки как трудового договора, так и гражданско-правового договора подряда [3, 106].

Данный вопрос представлял из себя очевидную правовую коллизию до утраты юридической силы КЗоТ РФ, который прямо не предусматривал заключение трудовых договоров с директорами хозяйственных обществ, и принятия ТК РФ в 2001 году, глава 43 которого регулирует труд руководителей организаций. Из положений ст. 273 ТК РФ прямо следует, что единоличный исполнительный орган общества является руководителем организации. По смыслу ст. 274, 275, 278 и иных норм главы 43 ТК РФ, с руководителем организации заключается трудовой договор.

Данная точка зрения воспринята и актуальной правоприменительной практикой. Исходя из правовой позиции, изложенной в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации», руководитель организации — работник, трудовая функция которого состоит в осуществлении руководства организацией, в том числе выполнении функций ее единоличного исполнительного органа, то есть в совершении от имени организации действий по реализации ее прав и обязанностей, возникающих из гражданских, трудовых, налоговых и иных правоотношений [4].

Казалось бы, законодатель на общеобязательном уровне подтвердил наличие трудо-правового компонента в правоотношениях между руководителями организаций

и самими организациями, если и вовсе не трудо-правовую природу этих отношений. В то же время законодательство о хозяйственных обществах не приводит юридическую квалификацию договоров, заключаемых с единоличными исполнительными органами, оперируя лишь широким понятием «договор» без конкретизации его объема и содержания (абз. 2 п. 3 ст. 69 ФЗ об АО, абз. 2 ст. 40 ФЗ об ООО). На практике, конечно же, заключаются именно трудовые договоры. Однако если принять во внимание приоритет законодательства о хозяйственных обществах перед трудовым законодательством при регулировании деятельности единоличных исполнительных органов (абз. 3 п. 3 ст. 69 об АО, который можно по аналогии применить и к ООО), означает ли такое молчание законодателя возможность заключения гражданско-правового договора с генеральным директором хозяйственного общества?

В настоящее время наиболее распространенной является точка зрения о том, что между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом возникает две группы отношений: корпоративные, по поводу участия генерального директора в управлении организацией, и трудовые, по поводу осуществления им трудовой функции. В литературе отмечается, что «важно только определить, какое правоотношение является предметом рассмотрения при взаимодействии с лицом, выполняющим полномочия единоличного исполнительного органа: к корпоративным отношениям применяются нормы корпоративного законодательства, к трудовым — нормы трудового законодательства» [2, с. 233].

De lege lata, дуализм отношений между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом представляется обоснованным, поскольку допускает сосуществование норм о деятельности генерального директора в корпоративном и трудовом законодательствах. Однако действительно ли между этими двумя субъектами возникают два правоотношения?

На наш взгляд, это не так: между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом возникает одно корпоративное правоотношение, содержание которого, однако, имеет точки соприкосновения с трудовым правоотношением.

Представляется, что в отношениях между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом отсутствуют личный и организационный критерии в том их содержании, которое позволило бы полноценно квалифицировать эти правоотношения как трудовые.

Личностный критерий заключается в обязанности работника выполнять работу только лично. В то же время, на практике директора для обеспечения стабильности осуществления хозяйственной деятельности часто доверяют третьим лицам из числа сотрудников организации подписывать гражданско-правовые договоры, совершать иные действия, входящие в компетенцию единоличного исполнительного органа. При этом такие действия вполне соответствуют положениям действующего гражданского законодательства, но, очевидно, противоречат сущности трудовых отношений. Какой модели регулирования следует отдать предпочтение в таком случае? На наш взгляд, такого рода представительство вполне допустимо, поскольку сопутствует роли единоличного исполнительного органа — обеспечению прибыльности и конкурентоспособности общества, его финансово-экономической устойчивости [2, с. 222].

Кроме того, личностный критерий не соблюдается и в случае множественности единоличного исполнительного органа, когда в соответствии с уставом общества несколько директоров осуществляют совместное управление обществом и, следовательно, несут солидарную ответственность. В данном случае сознательно допускается невозможность индивидуализации трудовой функции директоров.

Организационный критерий означает, в том числе, подчинение работника правилам внутреннего трудового распорядка и в известной степени работодательской власти. При этом в соответствии с положениями ст. 20 ТК РФ единоличный исполнительный орган общества в трудовых отношениях осуществляет права и обязанности работодателя. Из этого следует, что директор должен подчиняться сам себе.

Представляется, что целью деятельности единоличного исполнительного органа является не выполнение работы как таковой, а достижение результата — определенных финансовых показателей. Органу управления хозяйственного общества, в компетенцию которого входит образование единоличного исполнительного органа, по большому счету должно быть все равно, подчиняется ли директор правилам внутреннего трудового распорядка — первоочередную значимость имеют именно экономические результаты.

Помимо отсутствия традиционных квалифицирующих признаков трудовых правоотношений, обратим внимание и на то, что в качестве трудовой функции директора фактически выступает его компетенция, предусмотренная корпоративным законодательством и корпоративными актами. В теории трудового права трудовая функция составляет объект трудовых правоотношений. При этом деятельность единоличного исполнительного органа по

управлению хозяйственным обществом будет являться объектом корпоративных правоотношений. Следовательно, рассматриваемые отношения имеют одинаковый субъектный состав и при этом единый объект. Стало быть, это одно правоотношение.

Регулирования правоотношения между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом одновременно и корпоративным, и трудовым законодательством порождает коллизии в области его возникновения и прекращения.

Единоличный исполнительный орган образуется решением компетентного органа управления, который имеет правосделочную природу, поскольку «достигает определенного правового результата и содержит направленную на этот результат волю частных лиц» [5, с. 655]. Будучи сделкой, соответствующее решение порождает гражданско-правовые права и обязанности, в том числе обязанность заключить с генеральным директором некий договор, который, стало быть, должен иметь гражданско-правовую природу. Следовательно, с единоличным исполнительным органом должен заключаться не трудовой договор, а гражданско-правовой договор.

Правоотношение между обществом и директором может быть прекращено в любое время (п. 4 ст. 69 ФЗ об АО, который можно по аналогии применить и к ООО), достаточно лишь решения компетентного органа. Если предположить существование между обществом и директором еще и трудового правоотношения, то оно должно прекращаться вместе с прекращением корпоративного правоотношения, потому что в таком случае нивелируется его объект — трудовая функция. При этом трудовое правоотношение прекращается путем совершения специального действия — издания приказа об увольнении, то есть исключительно решения о прекращении полномочий единоличного исполнительного органа недостаточно, оно служит лишь основанием для увольнения (п. 2 ст. 278 ТК РФ). В то же время, трудовое законодательство содержит императивный запрет на прекращение трудового правоотношения по инициативе работодателя, допустим, в период временной нетрудоспособности работника (ст. 81 ТК РФ). При этом на данный запрет не должно распространяться правило о приоритете корпоративного законодательства над трудовым, поскольку оно справедливо только для корпоративного правоотношения. Получается, что, *de lege lata*, возможны случаи, когда единоличный исполнительный орган прекратит свои полномочия по решению компетентного органа, но при этом трудовое правоотношение до издания приказа об увольнении будет продолжать действовать, лишенное своего объекта. Такая ситуация представляется абсурдной.

Здесь же отметим, что, закрепляя за директором хозяйственного общества статус работника, пытаясь местами привести трудовое законодательство в соответствие корпоративному, законодатель допустил возможность немотивированного увольнения руководителя организации (п. 2 ст. 278 ТК РФ). Этим законодатель нарушил положения

Конвенции МОТ № 158 «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» [1], согласно которой любое увольнение по инициативе работодателя должно быть обоснованно и мотивированно.

Корпоративно-правовая природа договора с единоличным исполнительным органом прослеживается и в сравнении его с договором о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации. Последний и в науке, и в практике традиционно рассматривается как гражданско-правовой договор. Коль скоро это так, почему правоотношения между директором и обществом являются трудовыми?

Таким образом, между единоличным исполнительным органом и хозяйственным обществом существует только одно правоотношение — корпоративное. На наш взгляд, субсидиарное применение трудового законодательства к регулированию деятельности директора хозяйственного общества не только противоречит сути данных правоотношений, но и может вызывать коллизии в правоприменении, что было нами доказано. Считаем, что целесообразно закрепить предусмотренным трудовым законодательством и необходимые для осуществления деятельности единоличного исполнительного органа хозяйственного общества гарантии в корпоративном законодательстве.

Литература:

1. Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957—1990. Т. II. Женева: Международное бюро труда, 1991. с. 1983—1989.
2. Корпоративное право: учебный курс. В 2 т. / отв. ред. Шиткина И. С. Т. 2. М.: Статут, 2017. 974 с.
3. Лушникова, М. В. О юридической природе договоров, заключаемых с руководителями и членами органов управления хозяйственных обществ // Очерки по торговому праву: Сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Крашенинникова. Ярославль, 1998. Вып. 5. с. 102—109.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.06.2015 № 21 «О некоторых вопросах, возникших у судов при применении законодательства, регулирующего труд руководителя организации и членов коллегиального исполнительного органа организации» // БВС РФ. 2015. № 7.
5. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153—208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2018. 944 с.

Правовое регулирование розничной продажи алкогольной продукции на предприятиях общественного питания

Веремьева Ксения Сергеевна, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье представлена проблема круглосуточной реализации алкогольной продукции на предприятиях общественного питания, расположенных в зонах жилой застройки.

Деятельность предприятий по продаже алкогольной продукции в ночное время (с 22–00 до 10–00) осуществляется на основании лицензии на розничную продажу алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания, где фактически бизнес сводится к круглосуточной реализации алкоголя без предоставления услуг общественного питания, и все это приводит к нарушению общественного порядка на прилегающих территориях, повышению криминогенной обстановки в микрорайоне, увеличивая беспокойство и рост жалоб граждан.

Ключевые слова: предприятие общественного питания, алкогольная продукция, лицензия на розничную продажу алкогольной продукции, публичные слушания, круглосуточный режим работы, зона жилой застройки, услуга общественного питания.

Legal regulation of retail sales of alcohol products in public catering enterprises

Veremieva K. S., master student
Far Eastern State Transport University

The article presents the problem of the round-the-clock sale of alcohol products in public catering establishments located in residential areas.

The activity of enterprises selling alcoholic beverages at night (from 22–00 to 10–00) is carried out on the basis of a license for the retail sale of alcoholic beverages in the provision of catering services, where in fact the business boils down to a twenty-four-hour sale of alcohol, without the provision of catering services, and all this leads to the disturbance of the public in the next territories.

Key words: public catering enterprise, alcohol products, license for retail sale of alcohol products, public hearings, round-the-clock work regime, residential area, catering service.

Рынок алкоголя в России — одна из ведущих отраслей экономики страны по объемам и уровню привлекательности для предпринимателей. Занимает лидирующую позицию среди других секторов пищевой промышленности. Является важным источником поступления денег в госбюджет, поскольку большая часть отечественного и ввозимого из-за рубежа алкоголя акцизная, что обеспечивает получение дополнительных доходов от реализации на территории РФ.

На территории РФ действуют определенные правила для продажи алкогольной продукции, которые регулируются Федеральным законом от 22.11.1995 г. № 171 «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции».

Согласно статье 18 Федерального закона от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ розничная продажа алкогольной продукции на всей территории РФ является лицензионным видом деятельности.

Лицензии на реализацию алкогольной продукции выделяют по видам деятельности:

- розничную продажу алкогольной продукции;
- розничную продажу алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания.

Лицензия на розничную продажу алкогольной продукции предусматривает право организации на осуществление закупки (за исключением импорта) алкогольной продукции по договору поставки, а также хранение закупленной алкогольной продукции и ее реализацию по договору розничной купли-продажи.

Лицензия на розничную продажу алкогольной продукции при оказании услуг общественного питания предусматривает право организации на осуществление закупки (за исключением импорта) алкогольной продукции по договору поставки, хранение (в том числе во вскрытой потребительской таре (упаковке), использование в соответствии с подпунктом 15 статьи 2 Федерального закона от 22.11.1995 г. № 171 для изготовления алкогольных напитков, кулинарных блюд, спиртосодержащей пищевой продукции и иной пищевой продукции, отпуск алкогольной продукции потребителю в открытой потребительской таре или в розлив, осуществляемые при оказании услуг общественного питания.

Нарушение вышеуказанных лицензионных требований регулируется главой 14 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации «Административные правонарушения в области предпринимательской

деятельности и деятельности саморегулируемых организаций», а именно:

- статья 14.1 Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии),
- статья 14.2. Незаконная продажа товаров (иных вещей), свободная реализация которых запрещена или ограничена,
- статья 14.16. Нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции,
- статья 14.17. Нарушение требований к производству или обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции,
- статья 14.17.1. Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции физическими лицами.

На потребительском рынке города Комсомольска-на-Амуре складывается негативная ситуация в части использования помещений, расположенных в зонах жилой застройки, под так называемое «осуществление услуг общественного питания». Основное назначение данных предприятий общественного питания (бары, кафе, закусочные) — не оказание услуг общественного питания, а продажа алкогольной продукции в ночное время.

Согласно нормам Федерального закона от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и, спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» запрет на розничную продажу алкогольной продукции после 23 часов не распространяется на розничную продажу алкогольной продукции, осуществляемую организациями и индивидуальными предпринимателями при оказании ими услуг общественного питания (пункт 5 статьи 16).

Согласно ст. 8 Федерального закона от 28.12.2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в соответствии со вторым абзацем пункта 4 раздела 1 Правил оказания услуг общественного питания, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 15.08.1997 г. № 1036, хозяйствующий субъект самостоятельно определяет тип и режим работы предприятия.

Продажа алкоголя в таких питейных заведениях осуществляется на основании выданной лицензии.

Принцип отнесения предприятий общественного питания по типу **рестораны, бары, кафе, буфеты** осуществляется на основе ГОСТ 30389–2013 «Межгосударственный стандарт. Услуги общественного питания.

Предприятия общественного питания. Классификация и общие требования», введен в действие в качестве национального стандарта Российской Федерации с 1 января 2016 г. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 ноября 2013 г. № 1676-ст (далее ГОСТ). В настоящем стандарте использованы ссылки на следующие стандарты:

— ГОСТ 30494–2011 «Здания жилые и общественные. Параметры микроклимата в помещениях»;

— ГОСТ 31984–2012 «Услуги общественного питания. Общие требования»;

— ГОСТ 31985–2013 «Услуги общественного питания. Термины и определения», в которых подробно описаны требования, предъявляемые к деятельности предприятий общественного питания по определённому виду.

Кроме того, вышеуказанные заведения функционируют в помещениях, расположенных на первых этажах многоквартирных домов, которые были переведены из жилого фонда в нежилой с назначением — магазины промышленных товаров, либо офисы. Фактически они используются под объекты общественного питания, при этом при открытии данных объектов нарушены требования нормативно-правовых актов г. Комсомольска-на-Амуре.

Согласно требованиям ст. ст. 37, 39 Градостроительного Кодекса РФ и Правилам землепользования и застройки городского округа «Город Комсомольск-на-Амуре», утверждённым решением Комсомольской-на-Амуре городской Думы от 14.10.2009 г. № 72, для организации деятельности объектов общественного питания необходимо получение разрешения на условно разрешённый вид деятельности, которое принимается по итогам публичных слушаний. Данные заведения публичные слушания не проходили, в связи с чем, функционируют незаконно — без разрешения на условно разрешённый вид.

Правовые меры по ограничению реализации алкогольной продукции в городе Комсомольске-на-Амуре закреплены в постановлении администрации города Комсомольска-на-Амуре от 11 июля 2014 г. № 2398-па «Об утверждении границ прилегающих к некоторым организациям и объектам территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции», разработанном на основании, п. 8 ст. 16 Федерального закона от 22.11.1995 г. № 171-ФЗ и постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1425 «Об определении органами государственной власти субъектов российской федерации мест массового скопления граждан и мест нахождения источников повышенной опасности, в которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции, а также определении органами местного само-

управления границ прилегающих к некоторым организациям и объектам территорий, на которых не допускается розничная продажа алкогольной продукции».

В рамках проводимых работ по выявлению незаконно функционирующих «псевдопредприятий» и ограничении реализации в них алкогольной продукции, существующая нормативная база позволяет ограничить реализацию алкогольной продукции в одном из 10 случаев, что является не достаточно действенной мерой для таких псевдо предприятий в городе Комсомольске-на-Амуре.

Вопрос по сложившейся ситуации, в настоящий момент, решается путём обращения в суды г. Комсомольска-на-Амуре с исковым заявлением к предприятию о запрете использования помещения под предприятие общественного питания без разрешения на условно разрешённый вид использования.

Разбирательство по делу в первой инстанции длится на протяжении 4–6 месяцев, затем обращение в апелляционные инстанции, которые также занимают около 3–4 мес.

Таким образом, сложившийся порядок и практика по действующему законодательству позволяет приостановить (закрыть) подобного рода «питейные» заведения по истечении не менее 9–12 месяцев.

При этом практика показывает, что собственники предприятия-нарушителя регистрируют новое предприятие, оформляют новую лицензию и продолжают осуществлять псевдодеятельность по тому же адресу.

При таких обстоятельствах наиболее действенной мерой для снятия социальной напряженности, постоянно возникающей от деятельности таких объектов, является ограничение по времени продажи алкогольной продукции (с 23 час. до 10 час. местного времени) в жилых многоквартирных домах.

На основе изменений, внесенных Федеральным законом от 29.07.2017г № 278, вступивших в силу с 31.07.2017 г., абзацем 2 пункта 9 статьи 16, в новом изложении, установлено, что органы государственной власти субъектов РФ теряют право устанавливать дополнительные ограничения времени, условий и мест розничной продажи алкогольной продукции для предприятий, оказывающих услуги общественного питания.

Таким образом, дополнительным способом контроля по реализации алкогольной продукции в рамках действующего законодательства, является привлечение контрольно-надзорных органов, таких как Роспотребнадзор и прокуратура для проведения совместных рейдовых мероприятий по выявлению нарушений и привлечению виновных лиц к ответственности.

Компетенция комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних

Виноградов Алексей Сергеевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Предупреждение преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних осуществляется достаточно широким кругом субъектов. В свою очередь в зависимости от места и роли в профилактической деятельности эти субъекты можно классифицировать:

1. На субъекты общей профилактики.

Данную группу составляют: государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица, общественные организации и т. д., поскольку деятельность указанных органов направлена на позитивное развитие общественных отношений, совершенствование социальных институтов, устранение социально-экономических, политических и иных кризисных явлений. Однако, специальной деятельностью указанных субъектов является нейтрализация криминогенных факторов социальной среды.

2. Неспециализированные субъекты.

В свою очередь субъекты указанной группы не являются правоохранительными органами, однако их деятельность напрямую направлена на осуществление профилактики правонарушений несовершеннолетних. В данную группу входят: отраслевые органы государственной власти (образования, здравоохранения, занятости).

3. Специализированные субъекты предупредительной деятельности, осуществляющие правоохранительные функции и имеющие в качестве приоритетной задачи предупреждение преступлений несовершеннолетних.

Компетенция каждого из субъектов профилактики определена законом и вытекает из их функций в соответствующей сфере общественной жизни.

Комиссия по делам несовершеннолетних (далее — КДН) занимает особое место среди субъектов в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, поскольку именно на КДН возложена важнейшая задача «по координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [1, с. 3], что позволяет рассматривать их как ключевое звено в механизме комплексной защиты интересов ребенка.

В юридической литературе обосновано мнение, что «функции — это целенаправленная деятельность того или иного органа государственного управления, которая направлена на реализацию его компетенции, то есть совокупности прав и обязанностей этого органа» [2, с. 9].

На основании Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 27 июня 2018 г.) (далее — ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») можно выделить следующие функции

Комиссии по делам несовершеннолетних: координация, контроль, профилактика, просвещение, а также защитная и одновременно карательная функция.

На сегодняшний день комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав используют большое количество методов профилактики, направленных на предотвращение детской преступности. Приоритетными направлениями деятельности КДН «являются:

— Во-первых, деятельность, направленная на предупреждение девиантного поведения подростков путем выяснения и анализа основных причин указанного поведения

— Во-вторых, деятельность, направленная на реабилитацию несовершеннолетних, находящихся в трудной жизненной ситуации» [3, с. 44].

В соответствии со ст. 4 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» функциональный комплекс Комиссии можно распределить по следующим направлениям:

— Охранительный комплекс, направленный на защиту и восстановление прав несовершеннолетних;

— Социальный комплекс, направлен на противодействие ряда отрицательных общественных явлений (беспризорность, безнадзорность, подростковая преступность и другие);

— Организационно-методический комплекс — отражает координационные полномочия Комиссий.

В соответствии п. 6 Постановления Правительства РФ от 06 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» (ред. от 06 декабря 2017 г.) на Комиссию по делам несовершеннолетних возложено выполнение следующие «задачи:

— По предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних путем выявления и устранения причин и условий, способствующих отрицательному поведению;

— По обеспечению защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;

— По социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, в том числе, связанном с немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ;

— По выявлению и пресечению случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и (или) антиобщественных действий, а также случаев склонения их к суицидальным действиям».

Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» возлагает на Комиссии по делам несовершенно-

летних выполнение ряда разнохарактерных задач, таких как обеспечение осуществления мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защита от дискриминации, физического или психического насилия и др.; подготовка совместно с соответствующими органами или учреждениями материалов для предоставления в суд; рассмотрение вопросов, связанных с отчислением несовершеннолетних из образовательной организации и другие.

Однако, вместе с тем иными полномочиями Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав являются:

— Осуществление обобщения информации о состоянии детской безнадзорности, наркомании, алкоголизма, правонарушениях, о случаях жестокого обращения с несовершеннолетними, и нарушении их прав, полученной от всех органов и учреждений данной системы, для последующего применения мер по профилактики подобных правонарушений;

— Составление базы несовершеннолетних и семей, в отношении которых ведется индивидуальная профилактическая работа;

— Путем анализа мер, которые могут быть приняты как в отношении детей и подростков, так и в отношении их представителей, выявление наиболее эффективных мер воздействия;

— Осуществление профилактики беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних путем разработки

правовых актов по вопросам защиты прав и законных интересов несовершеннолетних;

— Профилактика безнадзорности, правонарушений и иных антиобщественных действий несовершеннолетних путем планирования и проведения совместно с другими субъектами системы профилактических мероприятий;

— И другие [4, с. 25].

Таким образом, Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» на Комиссии по делам несовершеннолетних возлагается ряд разнохарактерных задач, среди которых можно выделить: обеспечение осуществления мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защита от дискриминации, физического или психического насилия и др.; подготовка совместно с соответствующими органами или учреждениями материалов для предоставления в суд и др. Однако, «правовое регулирование компетенции комиссий по делам несовершеннолетних и защите их права, требует совершенствование нормативного регулирования, поскольку действующее законодательство имеет достаточное количество коллизий и пробелов в области полномочий. Использование опыта построения в развитых зарубежных странах института ювенальной юстиции, позволит быстро выполнять задачи, направленные на получение реального результата по профилактике правонарушений несовершеннолетних».

Литература:

1. Мишота, В. А. Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komissii-po-delam-nesovershennoletnih-i-zaschite-ih-prav-kak-subekty-sistemy-profilaktiki-beznadzornosti-i-pravonarusheniy-1> (дата обращения: 10.11.2018).
2. Юсупов, В. А. Понятие и особенности услуг, предоставляемых органами государственного управления // Вестник Евразийской академии административных наук. 2013 г. № 3 (24). с. 9.
3. Деменчук, Д. В. Административно-правовой статус комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Российской Федерации. Дис. канд. юрид. наук. М., 2014. с. 44
4. Мишота, В. А. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъекты системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. URL: http://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/eup/Vestnik-1_144_2015.pdf (дата обращения: 11.11.2018)/

Ведомственный и государственный контроль за деятельностью комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав

Виноградов Алексей Сергеевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В соответствии с п. 1 ст. 10 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 27 июня 2018 г.) (далее — ФЗ «Об основах

системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» — за деятельностью Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав осуществляется государственный и ведомственный контроль [1, ст. 10].

Контроль за деятельностью Комиссий по делам несовершеннолетних осуществляется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъекта Российской Федерации в пределах своей компетенции в установленном порядке.

Вышестоящие органы и учреждения системы профилактики и их должностные лица осуществляют ведомственный контроль в порядке, установленном соответствующими нормативными правовыми актами.

Государственный контроль за деятельностью Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав имеет приоритетное значение, поскольку основными направлениями преступности несовершеннолетних является беспризорность и безнадзорность, создающими угрозу безопасности общества в целом. Основным предназначением государственного контроля служит своевременное влияние на негативные социальные явления или восстановление нарушенных прав несовершеннолетних либо содействие в защите их законных интересов.

Осуществление государственного контроля за деятельностью Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав происходит на федеральном, региональном и местном уровне. Федеральные органы государственной власти, органы власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления в пределах своей компетенции осуществляют контроль за деятельностью органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их права является органом, осуществляющим контроль и информирующим Правительство РФ об адекватности и эффективности мер, принимаемых руководителями федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Комиссия координирует деятельность всех государственных органов и общественных организаций, которые занимаются защитой прав несовершеннолетних, и обеспечивает единый государственный подход к решению проблем защиты прав и законных интересов несовершеннолетних. Правительственная Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их права осуществляет контроль за выполнением решений Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. В свою очередь Правительственная Комиссия запрашивает у федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, ОМСУ, а также организаций информацию; образовывает рабочие группы; заслушивает представителей федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, ОМСУ по вопросам, отнесенным к компетенции Комиссии, и принимает соответствующие решения; привлекает при необходимости к работе Комиссии специалистов.

Контроль за деятельностью Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав на региональном уровне осуществляют городские Комиссии при взаимодействии с

федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъекта, органами Администрации муниципального образования, физическими и юридическими лицами.

Городские Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при осуществлении контрольной деятельности требуют получения заверенных копий документов по осуществлению территориальными комиссиями государственных полномочий по созданию комиссий, осуществлению их деятельности; запрашивают устные и письменные объяснения от муниципальных служащих и должностных лиц территориальных комиссий; беспрепятственно осуществляют проверку территориальных комиссий на территории и в помещениях проверяемых; принимают участие в заседаниях территориальных комиссий, совещаниях с участием должностных лиц, муниципальных служащих Администрации муниципального образования, проводимых по вопросам осуществления государственных полномочий по созданию комиссий, осуществлению их деятельности и др. [3, с. 44].

Территориальная Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, осуществляя контроль вправе проводить как камеральные, так и выездные проверки. В ходе камеральной проверки территориальная Комиссия проверяет документы, как имеющиеся в распоряжении, так и истребованные от проверяемой городской комиссии. Поводом для проведения выездной проверки является утвержденный на заседании территориальной комиссии план работы. Установленный план определяет территориальную комиссию, в отношении которой будет проведена проверка, а также срок ее проведения. Поводом для проверки служит: статистическая информация, отражающая данные о неблагополучной ситуации с преступностью несовершеннолетних; информация, находящаяся в статистических и аналитических материалах городской Комиссии о нарушении государственных полномочий территориальными Комиссиями; неисполненные предписания об устранении допущенных нарушений при осуществлении государственных полномочий и т. д. [4, с. 15].

Согласно международному опыту осуществления контроля за реализацией прав ребенка, стоит отметить, что наиболее эффективным его механизмом является институт омбудсмена. В России за ним прочно закрепилось наименование «Уполномоченный по правам ребенка», основными функциями которого являются: защита прав несовершеннолетних, восстановление нарушенных прав и свобод ребенка, участие в разработке и реализации программ по защите прав ребенка, а также активное использование средств массовой информации в интересах защиты прав детей и т. д.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что с учетом анализа компетенции Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, стоит отметить, что одним из приоритетных направлений их деятельности является ведомственный и государственный контроль за деятельностью комиссий по делам несовершеннолетних и защите их

прав. Отмечается необходимость создания не только новых институтов по обеспечению защиты, но и совершенствования деятельности уже имеющихся структур. Таким образом, правовое регулирование ведомственного и государственного контроля за деятельностью комиссий по делам

несовершеннолетних и защите их прав, позволило бы создать эффективную систему обеспечения защиты прав несовершеннолетних, отвечающей современной социальной, культурной, экономической ситуации, взятым на себя Российской Федерацией международным обязательствам.

Литература:

1. Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 27 июня 2018 г.) // СЗ РФ. 1999. № 26. Ст. 3177.
2. Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 30 октября 2018 г.) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
3. Деменчук, Д. В. Административно-правовой статус комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. с. 44
4. Контроль за деятельностью Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // Городская газета Архангельск — Город воинской славы. URL: http://www.arhcit.ru/data/455/57_05_08_2016_AGV.S.pdf (дата обращения: 12.11.2018).

Государственная политика противодействия коррупции в сфере государственной службы

Галкина Елизавета Алексеевна, студент;

Научный руководитель: Михнева Светлана Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Волгоградский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

В соответствии с Конституцией РФ 1993 года, Российская Федерация является правовым демократическим государством. Следовательно, развитие и укрепление народовластия является приоритетным направлением государственной политики. Защиту и обеспечение прав человека в этом ракурсе отводят органам государственной власти, ядро которых составляет институт государственной службы. В соответствии с действующим законодательством государственная служба представляет собой профессиональную деятельность по обеспечению исполнения полномочий органов государственной власти. Эффективность деятельности государственных служащих является залогом оптимального функционирования федеральных и региональных органов государственной власти сегодня. Однако, не всегда деятельность государственных служащих является надлежащей и соответствующей закону. Так, должностные лица государственной власти и государственные служащие на современном этапе подвергаются значительной критике со стороны общественных институтов в отношении коррупционного поведения и его последствий. По СМИ довольно часто можно услышать информацию, как в том или ином субъекте РФ некоторые должностные лица недобросовестно относятся к занимаемой должности, пренебрегая установленными мерами ответственности. Обратимся к действующему законодательству РФ. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. От 03.08.2018)

«О противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.09.2018), коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. При этом государственным гражданским служащим является гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы. Гражданский служащий осуществляет профессиональную служебную деятельность на должности гражданской службы в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом и получает денежное содержание за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации, в соответствии со ст. 13 Федерального закона от 27.07.2004 N 79-ФЗ (ред. От 03.08.2018) «О государственной гражданской службе Российской Федерации». На наш взгляд основными причинами коррупции в системе государственной службы являются:

1. Минимальный уровень репутации государственной службы.

2. Низкая и малоэффективная система контроля за действиями чиновников.

3. Отсутствие должного правового сознания у самих государственных служащих.

По моему мнению, главной причиной роста коррупции в системе государственной службы является: недостаточная прозрачность системы предоставления услуг населению, путем выдачи разрешительных документов на осуществление какой-либо деятельности.

Последствия данного явления ужасны:

1) Происходит ухудшение отношения населения к реформам, которые проводит Правительство РФ

2) Затрудняется работа представителей малого и среднего бизнеса в РФ

3) Снижение результативности государственной политики (конфликт интересов между государственными органами, которые рассматривают и собственные, и групповые интересы)

4) Подрыв доверия населения к органам исполнительной власти.

5) Формирование в сознании граждан мнения о том, что они беззащитны перед преступными формированиями.

6) Снижение престижа страны на мировой арене

Юридическую основу для современной политики РФ по противодействию коррупции составляют, прежде всего, Конституция РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры, а также иные действующие законодательные и подзаконные НПА акты федерального и регионального уровня. Отдельное место занимают муниципально-правовые акты, издаваемые органами местного самоуправления в пределах их компетенции.

Обратимся к статистическим данным, которые обуславливают актуальность рассмотренной темы. В 2017 году в период с января по июнь к административной ответственности за коррупционные правонарушения было привлечено более 4000 лиц, общая сумма наложенных штрафов превысила 500 млн руб., по данным Генеральной прокуратуры РФ. Было возбуждено 293 дела по статье 19.28 КоАП — незаконное вознаграждение от имени юридического лица. Более чем 200 дел стали для юридических лиц административной ответственностью в виде штрафов, общая сумма наказания за которые составила 394 млн руб.

Так, в мае 2017 года прокурор Ленинского района Ульяновска возбудил дело против организации, из-за незаконной передачи зампреду областного заксобрании денежных средств в размере более 4,6 млн руб. Данная сумма была передана за оказание содействия в победе указанной организации на торгах и последующем заключении государственных контрактов. Суд назначил компании-правонарушителю внушительный штраф — 20 млн руб.

Также приводится статистика по ст. 19.29 КоАП РФ — незаконное привлечение к трудовой деятельности государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего. Со-

гласно действующему законодательству, в определенных случаях бывший гос- или муниципальный служащий не может устроиться на работу без согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов.

Компании, игнорирующие данное требование законодательства, привлекаются к административной ответственности по указанной статье. Таких случаев за первое полугодие набралось 2900, из них 2200 получили административное наказание в виде штрафа, общая сумма которых составила 162 млн руб. Отмечается, что это в два раза больше, чем за аналогичный период 2016 года.

Глава антикоррупционного комитета Генпрокуратуры Александр Русецкий огласил следующее: за минувшие 2,5 года сумма убытков от коррупции превысила 130 млрд руб. (см. «Ущерб от коррупции в России за 2,5 года составил 130 млрд руб»). А граждане, опираясь на опрос ВЦИОМ, сказали, что коррупция одна из основных трудностей, которая возникает у государства (см. «Россияне назвали коррупцию одной из главных проблем страны»). [8]

В разных государствах ввиду особой актуальности темы, уделяется достаточное внимание разработке и внедрению комплекса мероприятий по профилактике коррупционного поведения, которые не всегда применяются на практике. В советское время все без исключения работники государственной службы имели партийный билет, обязательство несли не только по своей работе, но и по партийной линии. Тогда большинство работников думали не о получении большого количества денежных средств, а о развитии общества в целом, как его деяния скажутся в дальнейшем. Анализируя статистику по коррупционным преступлениям можно сделать вывод, что это прежде всего коррупция — явление, направленное против российского общества, путем целенаправленного злоупотребления государственным служащими своих полномочий в корыстных целях.

К причинам такого антиобщественного явления можно отнести:

1) Решение бытовых проблем (когда государственный служащий удовлетворяет свои собственные потребности, а не государственные)

2) Низкая заработная плата, которая подталкивает государственного служащего к совершению правонарушению

На наш взгляд, в заключении данной статьи следует обратить внимание на комплекс мер и мероприятий, проводимых в целях антикоррупционной политики. Наиболее эффективными будут: повышение профессионального и правового сознания государственных служащих, улучшение культуры, чтобы каждый заботился не только о получении денежных средств, но и о дальнейшем развитии общества. Так же, чтобы избавить хоть некоторое количество госслужащих от навязчивых мыслей необходимо повысить престиж данной работы, посредством повышения денежного содержания. В целях искоренения коррупци-

онных преступлений можно перенять опыт Казахстана и противодействовать коррупции, посредством объединения баз данных по всем бывшим и будущим государ-

ственным чиновникам. Тогда лицо, которое было уличено в коррупции, не сможет попасть в ряды государственных служащих.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы»
2. Бурцев, Ю. А «Коррупция в России: причины возникновения и методы борьбы», 2017.
3. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 N 79-ФЗ
4. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 N 273-ФЗ
5. Мальцев, В. В. «Актуальные проблемы противодействия коррупции». 2017
6. Кошелева, М. М «Коррупция как вирус, парализующий властные структуры», 2018
7. Смирнова, А. А «Коррупция на государственной службе Российской Федерации как угроза государству», 2017
8. Сайт генеральной прокуратуры РФ. — URL: <https://genproc.gov.ru/> (18.08.2017)

Некоторые особенности преступности несовершеннолетних в Санкт-Петербурге

Геворкян Элина Нерсесовна, студент

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции

Преступность несовершеннолетних является отдельной темой для изучения. Это обусловлено особым значением данной проблемы, что объясняется особым значением подрастающего поколения в социальной структуре общества.

Ключевые слова: несовершеннолетний, преступность.

Some peculiarities of juvenile delinquency in St. Petersburg

Gevorkyan Elina Nersesovna

Saint Petersburg Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice

Juvenile delinquency is a separate topic for study. This is due to the special importance of this problem, which is explained by the special importance of the younger generation in the social structure of society.

Keywords: juvenile; crime.

Преступность несовершеннолетних является резервной для всей преступности, поэтому так важно изучать ее. Ученые-криминологи установили, что чем в более раннем возрасте человек начал преступную деятельность, тем выше вероятность того, что он вновь совершит преступление [3, с. 96]. На наш взгляд несовершеннолетние — самая пораженная преступностью категория населения.

Региональные различия преступности несовершеннолетних дают возможность учитывать территориальную специфику, что позволяет проводить профилактику преступности более целенаправленно, улучшать методы борьбы с ней, выявлять причины преступности, тенденции ее изменений [1, с. 280].

Особенность преступности несовершеннолетних состоит в причинном комплексе и мотивации формирования

преступного поведения. Следствием чего выступают ее уровни и тенденции развития.

Мы согласны с мнением Ю. Ф. Кваши, А. П. Зрелова, Н. А. Свистуновой, М. В. Краснова, которые объясняют преступность несовершеннолетних выбором ими антисоциального образа жизни из-за неадекватной оценки обстоятельств и отсутствия жизненного опыта с целью самодтверждения [2, с. 4].

Г. И. Забрянский классифицирует регионы России по коэффициенту криминальной пораженности несовершеннолетних на шесть секторов. В классификации Г. И. Забрянского г. Санкт-Петербург относится к регионам средне-низкой пораженности (от 1577,1 до 2195,8, зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения возрастом — 14–17 лет) [1, с. 281]. В настоящей работе нами сделана попытка провести сравнительно — пра-

Таблица 1. Показатели криминальной активности несовершеннолетних в 2014–2017 гг.

Критерии	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Количество преступлений, совершенных детьми до 14 лет	370	317	355	300
Количество преступлений, совершенных детьми до 18 лет	681	847	768	805
Количество тяжких и особо тяжких преступлений	231	254	240	243
По видам преступлений (ст. УК РФ):				
Ст. 105 (убийство)	5	3	6	7
Ст. 107 (убийство в состоянии аффекта)				
Ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью)	7	8	10	18
Ст. 112 (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью)	15	18	9	20
Ст. 116 (побои)	15	12	17	18
Ст. 131 (изнасилование)	0	3	2	0
Ст. 158 (кража)	291	380	385	380
Ст. 159 (мошенничество)	16	20	12	17
Ст. 161 (грабеж)	76	84	76	73
Ст. 162 (разбой)	35	53	54	32
Ст. 163 (вымогательство)	4	7	3	10
Ст. 228	96	116	74	71
Ст. 228.1	50	62	51	74

вой анализ особенностей преступного поведения несовершеннолетних в г. Санкт-Петербурге за 2014–2017 гг. (по данным ИЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области).

Как мы видим из данных таблицы официально зарегистрированная преступность несовершеннолетних в г. Санкт-Петербурге развивалась противоречиво в количественном отношении. Данные Таблицы 1 дают возможность выявить наиболее частые преступления в общей структуре преступных деяний. К самым распространенным преступлениям относят кражи, грабежи, разбой. На наш взгляд увеличение количества данного вида преступлений связано с ухудшением экономической ситуации в РФ. Также можно выделить преступления, связанные с незаконным приобретением, хранением, перевозкой, изготовлением, переработкой наркотических средств (ст. 228, ст. 228.1 УК РФ). Изнасилования, убийства, вымогательство имеют меньшую количественную динамику.

Наиболее критичный возраст лиц, совершивших преступления 14–18 лет. Начиная с 2015 г. увеличилось количество лиц, совершивших преступные деяния, а также число совершенных ими преступлений.

Согласно данным ИЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области степень криминальной активности подростков, ранее совершавших преступления, остается высокой, в 2017 г. их число составило 134 человека. Каждый третий из них относится к категории судимых подростков (52%). Среди подростков, совершивших преступления в 2017 г. преобладают следующие показатели: возрастная группа 16–17 лет (74,4%), учащиеся (69,7%), совершившие преступления в районе своего проживания (61,6%).

Отметим, что в общем количестве несовершеннолетних, задержанных за совершение преступлений, доля девочек составляет 16%. Преступления, совершенные подростками в состоянии алкогольного, наркотического, токсического опьянения составили 67% от общего числа преступлений.

В 2017 г. 9510 несовершеннолетних (в том числе 5630 безнадзорных) доставлено в территориальные отделы полиции. По состоянию на 1 января 2016 г. на учете в ОВД состояло 2301 несовершеннолетний, 187 групп несовершеннолетних преступной направленности.

Территория г. Санкт-Петербурга криминологически дифференцирована. Наиболее криминогенно активны центральные и курортно-пригородные районы. Этому способствуют специфические для г. Санкт-Петербурга активные миграционные процессы (межрайонная «маятниковая» и «спонтанная» миграция).

Таким образом, несмотря на то, что последние годы статистика констатирует факт уменьшения числа преступлений несовершеннолетних, неверно говорить о снижении уровня преступности. Данное обстоятельство можно объяснить уменьшением численности подросткового населения, а также наличием латентной преступности несовершеннолетних. Санкт-Петербург не самый криминогенный город с наличием преступности несовершеннолетних по РФ. Данная тенденция на протяжении последних лет остается неизменной. Несмотря на то, что общий уровень преступности не увеличивается быстрыми темпами, отметим, что существуют серьезные проблемы в области повышения «тяжести» совершаемых преступлений, преступлений против собственности, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Литература:

1. Антипова, А. В. Региональные особенности преступности несовершеннолетних // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № № 2 (2). — с. 280–284.
2. Демидова-Петрова, Е. В. О преступности несовершеннолетних и ее особенностях // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2013. — № № 4. — с. 1–6.
3. Курганов, С. И. Криминология: учебное пособие. — М.: Юнити-Дана, 2015. — 184 с.

Актуальность учения о теориях сущности юридического лица

Голубина Александра Андреевна, студент

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Когда студенты юридических факультетов начинают изучать раздел гражданского права, посвященный юридическим лицам, то первое, с чего начинается изучение, — это теории сущности юридического лица. На современном этапе многие цивилисты, в том числе и зарубежные, говорят о данном учении то, что оно, по их мнению, не является особенно важным, так как все изыскания ученых по данному вопросу были проведены достаточное количество лет назад и сейчас ни одна теория не применяется к определению понятия сущности юридического лица в полной мере.

Мы же хотим убедить в важности данного учения и постараться обратить интерес к данному вопросу: является ли учение о теориях сущности юридического лица актуальным и почему.

Ввиду достаточно большого количества теорий мы в данной статье постараемся осветить основные аспекты каждой, показывая преимущества и недостатки. Для удобства рассмотрения теории были поделены на две большие группы: теории, принадлежащие зарубежным цивилистам, и, соответственно, теории, предложенные отечественными специалистами в области Гражданского права.

В науке Гражданского права долгое время не утихали споры по поводу сущности юридического лица, и вот почему: само понятие имеет большое количество одномерно важных аспектов. Разные специалисты делают акцент на разных элементах одного понятия, в результате чего насчитывается более 15 концепций сущности юридического лица.

Столь значительное количество вариантов обуславливает отсутствие выработки общепризнанного подхода по данному вопросу. В Гражданском кодексе Российской Федерации в статье 48 мы видим, что законодатель наиболее обще выразил сущность понятия при помощи выделения таких критериев как:

- Наличие обособленного имущества
- Способность отвечать собственным имуществом по собственным обязательствам
- Способность осуществлять свои права и обязанности

— Способность быть истцом и ответчиком в суде

Естественно, данное законодателем определение не способно отразить сущность столь многоаспектного явления, поэтому мы попробуем через призму рассмотрения большого количества теорий выявить, какие моменты ученые считают наиболее важными для понимания вопроса.

При обсуждении дано темы, первым возникающим вопросом является вопрос о том, какое значение имеет учение на практике, если общепризнанный подход так и не был выработан и ни одна из теорий не применяется в полной мере? Отвечаем: изучение поможет в нашем случае студенту наиболее полно рассмотреть нюансы основного понятия для погружения в тему для того, чтобы в дальнейшем четко понимать, что юридическое лицо — это больше, чем имущество, используемое по целевому назначению (Алоиз фон Бринц), фикция (Папа римский Иннокентий IV), совокупность задействованных в деятельности юридического лица работников (Отто фон Гирке), или руководители и их деятельность (Н. Г. Александров и С. Ф. Кечемян).

Это знание даст возможность заложить основы для дальнейшего изучения материала, посвященного юридическим лицам.

Свое начало учение о сущности юридического лица берет в XIII веке, ведь именно в это время начал развиваться этот дискуссионный вопрос папа римский Иннокентий IV. Его точка зрения получила довольно большое признание позже, в XIX веке. Причиной заинтересованности данным вопросом, пишет Ю. В. Стукалова является «...факт, что некое общественное образование рассматривается как самостоятельный субъект права, как некоторое единство, независимое от отдельных лиц, составляющих его, породил множество теоретических попыток дать ответ на вопрос, каким образом такое общественное образование может быть субъектом права, и допустимо ли вообще признание наряду с физическими лицами подобного субъекта» [6, с. 39].

В связи с развитием столь дискуссионного вопроса первой увидевшей свет теорией стала теория фикции

(Ф. К. фон Савиньи, Б. Виндшайд, А. Бирлинг, Г. Ф. Шершеневич). Ввиду большого количества ученых, придерживающихся и отстаивающих именно эту точку зрения, количество дополнений и нюансов (например, создатель Германского Гражданского Уложения, Бернгард Виндшайд, считал, что юридическое лицо — искусственный, то есть фиктивный субъект, допустимый только для юридических целей), вводимых данными цивилистами, весьма велико, но суть остается неизменной: корпорация — плод человеческого воображения, она бестелесна, недееспособна по своей сути и существует только за счет действующих от ее имени представителей. Стоит дополнить, что Н. Л. Дювернуа отмечает факт наличия в литературе в условиях средневековья признания только данной теории ввиду господствующего религиозного мировоззрения [2, с. 390—391].

Для наилучшего понимания темы стоит обратить внимание сначала на самые известные зарубежные теории сущности юридического лица, а именно: теория целевого имущества (А. фон Бринц), теория интереса (Р. фон Иеринг), реалистическая теория (Л. Мишу, Р. Салейль), органическая теория (О. фон Гирке), агностическая теория (Г. Кельзен, Г. Рюмелин).

Стоит сказать о том, что их многообразие позволяет рассмотреть понятие «юридическое лицо» порой с диаметрально противоположных точек зрения, так, например, Алоиз фон Бринц утверждает, что юридического лица вообще по сути нет, есть лишь имущество, которое наделяется какой-то определенной целью и используется с расчетом на ее достижение. Мы считаем, что сама теория так называемого целевого имущества провозглашает необязательность субъекта для наличия права, хотя не все представляемое в голове возможно реализовать на практике.

Если затрагивать теорию интереса, то основным ее постулатом будет являться утверждение, согласно которому, исходя из названия, именно заинтересованность пользователей вдыхает жизнь в юридическое лицо, не имеющее по определению сторонников данной концепции воли и тем более потребностей и рвения (то есть людей, которые имеют некий интерес в использовании юридического лица в своих целях). То есть можно предопределить, что в данном случае Р. фон Иеринг и другие цивилисты, разделяющие его точку зрения, не считают, что такое специфическое образование способно иметь, а тем более реализовывать свои права самостоятельно.

С предыдущей концепцией пересекаются и одновременно идут вразрез с концепцией фикции следующие две теории сущности юридического лица: реалистическая теория (Л. Мишу, Р. Салейль) и органическая теория (О. фон Гирке). Если говорить о реалистической теории, то начало ее развитию было положено во Франции. Данная концепция утверждала, что реалистичность юридического лица проявляется в самом людском коллективе, но важным уточнением является факт несовпадения воли отдельных членов корпорации и самой корпорации. Несмотря на то, что двое вышеупомянутых ученых разра-

ботали каждый по три условия для того, чтобы коллектив превратился в самостоятельный субъект, эти положения можно охарактеризовать единообразно:

1. Интерес коллектива, несовпадающий с интересами отдельных членов.
2. Признание законодательством путем интеграции в правовую среду.
3. Наличие самого юридического лица, которое может проявить активность, защитить собственные интересы и выразить волю.

Сущность органической теории состоит в том, что ее основоположник, Отто фон Гирке, в каком-то смысле наделил юридическое лицо биологическими чертами, ратуя за соответствие этого многоаспектного явления живому организму. Так, например, полагалось, что руками столь сложного организма являются работники. То есть цивилисты, придерживающиеся данной концепции, в каком-то смысле отождествляют коллектив корпорации и реальный организм [3, с. 9].

Последней рассматриваемой зарубежной концепцией сущности юридического лица будет являться агностическая теория, приверженцем которой являлся Ганс Кельзен. Согласно данной теории само юридическое лицо есть не что иное, как фиктивное ядро, созданное правом порядком, то есть права и обязанности могут соединяться с любым понятием или именем, не только с корпорациями и так далее.

Мы считаем, что, проанализировав основные положения зарубежных концепций сущности юридического лица, можно заключить: их отличность друг от друга порождает возможность ближе познакомиться с некоторыми аспектами, отражающими сущность корпорации ввиду того, что в той, или иной теории они (аспекты) выдвинуты на первый план.

В России развитие учения, которое составляет предмет данной работы, получило наибольшее распространение так же в XIX веке, после соответствующих публикаций известного немецкого правоведа и историка, юриста, представителя исторической школы права Фридриха Карла фон Савиньи. Среди наиболее известных выделяют: теория администрации (Н. Г. Александров и С. Ф. Кечекьян) и теория директора (Ю. К. Толстой), теория социальной реальности (Д. И. Мейер, Н. С. Суворов), теория социальных связей (О. А. Красавчиков) и теория правового средства (Б. И. Пугинский).

Выделение основных положений каждой из теорий способствует пониманию сути вопроса в целом. Теория администрации и теория директора коррелируют друг с другом ввиду конкретизации одной теории другой. Если в концепции администрации в качестве реальных субъектов права юридического лица рассматриваются его руководители, то в теории директора, являющейся более детальной проработкой, подготовленной Ю. К. Толстым, в качестве выше упомянутого субъекта выступает не несколько руководителей, а непосредственно сам директор, что исходит из названия теории. То есть сам директор уполномочен

действовать в интересах юридического лица, выражая его волю и намерения. Недостатком теории директора является отождествление государственного юридического лица с его органом, каковым и является директор, что приводит к логическому заключению о том, что фактически отношения в соответствии с данной теорией возникают как отношения между целым и частью этого целого, то есть с самим собой [7, с. 61].

Одним из сторонников следующей рассматриваемой нами теории сущности юридического лица являлся Д. М. Генкин. В теории социальной реальности юридическое лицо классифицируется как носитель прав и обязанностей для достижения каких-либо целей [1, с. 57]. В каком-то смысле мнение Д. М. Генкина совпадает с мнением представителей зарубежной теоретико-правовой мысли, Л. Мишу и Р. Салейлем, так как они представляют так же придерживаются концепции несводимости интересов отдельных членов корпорации и интересов ее самой. Наиболее интересным представляется детальное рассмотрение мнения по данному вопросу профессора Н. С. Суворова, который особое внимание в рамках данной концепции уделяет самим работникам, то есть представлял юридическое лицо в свете общественного организма.

Родоначальником теории социальных связей является советский юрист и правовед, доктор юридических наук, профессор О. А. Красавчиков, который положил в основу данной концепции именно ту связь, которая возникает в обществе в связи с объединением лиц для достижения поставленных целей. Б. И. Пугинский, автор теории правового средства полагает, что юридическое лицо — своеобразный прием юридической техники, благодаря которому организация получает возможность участвовать в гражданском обороте [4, с. 118]. То есть юридическое лицо — это лишь признак организации, ибо сам автор был категорически против биологизации сущности юридического лица, считая это искажением понятия. Данная теория сущности корпорации представляется одной из наиболее интересных к рассмотрению ввиду совершенно но-

вого подхода к определению понятия. Так, Б. И. Пугинский настаивает на том, что юридическое лицо является правовым средством, которое обеспечивает допуск определенной организации к участию в гражданском обороте. На основе обоснования такого подхода к пониманию следует отметить, что фактически Б. И. Пугинским разделялась концепция фикции, то есть фактически юридическое лицо также рассматривается как абстрактное понятие, не существующее в материальной форме.

На основании проведенного анализа стоит отметить, что зарубежные цивилисты так или иначе поддерживает теорию фикции, одну из самых первых концепций о сущности юридического лица, а большинство отечественных ученых так или иначе больше привержены к неразрывности связи между обществом и корпорацией, предпочитая вещественность и реальность, нежели абстракции.

Конечно, немалое количество мнений по вопросу о сущности корпорации способно запутать и сбить толку ввиду схожести некоторых аспектов у одних ученых, и диаметральной противоположности — у других. Возможность более детально подойти к изучению вопроса закладывает тот пласт информации, который необходим студенту при изучении раздела о юридических лицах, он в дальнейшем помогает сформировать представление и понять, что все дискуссионные вопросы требуют детального изучения не только основных положений, но и проработки отдельных, кажущихся на первый взгляд незначительными нюансов.

Важно помнить о том, что взгляд на одно и то же явление с разных сторон способен обеспечить наиболее полное и точное знание, несмотря на противоречивость некоторых положений, в нашем случае точек зрения.

Мы убеждены в том, что учение о теориях сущности юридического лица является достаточно актуальным, не уступая другим фундаментальным учениям науки Гражданского права ввиду его (учения) нацеленности на обеспечение полной картины, отражающей ответ на вопрос: какова суть юридического лица?

Литература:

1. Андреев Владимир Константинович. Современное понимание юридического лица // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2015. № 2 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-ponimanie-yuridicheskogo-litsa> (дата обращения: 21.11.2018).
2. Дювернуа, Н. Л. Чтения по гражданскому праву. В 2 т. Т I. Введение и часть общая. СПб., 1898. 324 с.
3. Козлова, Н. В. Юридическое лицо с точки зрения права и правовой науки // Н. В. Козлова, Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2002 г. 318 с.
4. Пугинский, Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. 224 с.
5. Сабирова Лидия Леонидовна Теоретические и правовые основы юридических лиц в российском и зарубежном праве // ВЭПС. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-pravovye-osnovy-yuridicheskikh-lits-v-rossiyskom-i-zarubezhnom-prave> (дата обращения: 21.11.2018).
6. Стукалова, Ю. В. Античная и средневековая правовая мысль как этапы развития теории юридического лица // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnaya-i-srednevekovaya-pravovaya-mysl-kak-etapy-razvitiya-teorii-yuridicheskogo-litsa> (дата обращения: 21.11.2018).
7. Толстой, Ю. К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1955. 219 с.

8. Хмелевская Светлана Анатольевна Понятие юридического лица: опыт социально-философского осмысления // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-yuridicheskogo-litsa-opyt-sotsialno-filosofskogo-osmysleniya> (дата обращения: 21.11.2018).

Проблемы безопасности при погрузке на станционных и собственных железнодорожных путях

Долиняк Антон Владимирович, студент магистратуры
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

Цель данной работы заключается в выявлении и исследовании проблем, возникающих в процессе гражданско-правового регулирования перевозки грузов на железнодорожном транспорте в Российской Федерации. Новые виды общественных отношений объективно обусловили необходимость приведения российского законодательства в области транспортной безопасности в соответствие с реалиями рыночных отношений.

Ключевые слова: перевозка грузов, транспортная безопасность, безопасность движения.

Safety issues when loading goods on station and own railway tracks

The purpose of this work is to identify and study problems arising in the process of civil-legal regulation of the carriage of goods by rail in the Russian Federation. New types of public relations objectively necessitated bringing the Russian legislation in the field of transport security in line with the realities of market relations.

Key words: cargo transportation, transport safety, traffic safety.

Безопасность движения на железнодорожном транспорте — комплекс организационно-технических мер, направленных на снижение вероятности возникновения фактов угрозы жизни и здоровью пассажиров, сохранности перевозимых грузов, сохранности объектов инфраструктуры и подвижного состава железнодорожного транспорта, экологической безопасности окружающей среды.

Проблема обеспечения безопасности движения на железнодорожном транспорте появилась одновременно с самим транспортом. Вопросы безопасности всегда стоят на первом месте — и никакие экономические достижения не имеют смысла, если не обеспечивается безопасность перевозочного процесса.

Основная часть

Обеспечение безопасности движения перевозочного процесса становится первоочередной задачей для ОАО «РЖД». Безотказная и успешная работа железнодорожного транспорта общего пользования невозможна без высокого уровня дисциплины и ответственности каждого участника перевозочного процесса, без обеспечения полной безопасности движения поездов и маневровой работы.

Наибольшее количество нарушений безопасности движения происходят по вине отдельных железнодорожников

к выполнению своих обязанностей из-за несоблюдения Правил перевозок грузов и других нормативных актов железнодорожного транспорта, недисциплинированности, недобросовестного отношения.

На безопасность движения поездов влияет низкая надежность технических устройств, несоответствие технологических процессов и технических средств требованиям технической эксплуатации и технического обслуживания, ремонта и восстановления работоспособности подвижного состава, устройств железнодорожного пути, автоматики, телемеханики, связи, систем энергообеспечения и других устройств.

«Правила перевозок грузов — нормативный правовой акт МПС России, определяющий основные положения, требования и условия перевозки железнодорожным транспортом отдельных видов грузов и выполнения коммерческих операций на железнодорожных станциях и путях необщего пользования» [1]. К основным рискам, как вероятности возникновения событий, связанных с нарушением безопасности движения, также относятся нарушения при приеме к перевозке негабаритных грузов, на открытом подвижном составе, наливных и опасных, а также прием к перевозке грузов с перегрузом сверх трафаретной грузоподъемности.

Прием к перевозке и документальное оформление этих грузов требуют от исполнителей определенных знаний Инструкции по перевозке негабаритных и тяжеловесных

грузов на железных дорогах стран — участников СНГ, Технических условий погрузки и крепления грузов (далее ТУ), Правил перевозок опасных и Правил перевозок грузов наливом и умения применять эти знания на практике [2].

Неукоснительное соблюдение ТУ погрузки и крепления грузов при погрузке гарантирует безопасную перевозку вагонов с грузами по всему пути следования, однако без ужесточения норм регулирования допуска вагонов на сеть ОАО «РЖД» невозможно повысить безопасность движения, в том числе за счет комплексного подхода к снижению уровня аварийности из-за технических неисправностей подвижного состава.

Так, основными причинами являются: некачественная подготовка вагонов к перевозке — это отсутствие деталей вагона для крепления груза, искривление бортов платформ, не закрытие секторов в полувагонах, неисправные двери и люки вагонов, не заделка грузоотправителем конструктивных отверстий в полувагонах при перевозке навалочных и насыпных грузов, несоблюдение грузоотправителями требований ГОСТ при выборе и установке реквизитов крепления — растяжек, стоек, брусков, отсутствие механических устройств для крепления груза, прием грузов к отправлению с перегрузом сверх трафаретной грузоподъемности из-за нарушений грузоотправителями технологии взвешивания груженых вагонов, не-

соответствия трафарета тары или грузоподъемности на вагоне фактической, неправильное определение массы грузов расчетным путем или по обмеру. Все это происходит из-за осуществления погрузки грузов в вагоны, имеющие существенный естественный износ.

Нарушение Правил приема грузов к перевозке на открытом подвижном составе влечет за собой возникновение таких событий, как отцепка вагонов от поезда в пути следования на промежуточных станциях из-за нарушения ТУ, а именно: ослабление растяжек, расстройство крепления, сдвиг груза, нарушение схемы погрузки, просыпание груза, что может привести к развалу груза с последующим возникновением аварийной ситуации.

С целью дополнительного контроля и повышение основ безопасности на железнодорожном транспорте при погрузке грузов на станционных и собственных железнодорожных путях предлагается обеспечить станции массовой погрузки и выгрузки грузов наличием фото и видео техники (видеокамеры, квадрокоптеры) при изменении технологического процесса работы станций. В современных условиях данные устройства обеспечат непрерывную фото и видеосъемку в режиме онлайн при помощи, которой, будет установлена возможность выявления и фиксирования нарушений в области приемки и отправки грузов и багажа со станционных путей и с мест необщего пользования железнодорожных станций.

Литература:

1. Устав железнодорожного Федерального закон от 10.01.2003 г. № 18-ФЗ (ред. от 18.07.2017 г. ФЗ-№ 177).
2. Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»: федер. закон от 10.01.2003 № 17-ФЗ // Собр. законодательства РФ. — 2003.

Содержание интеллектуальных прав несовершеннолетних на результаты интеллектуальной и творческой деятельности

Дулепова Анастасия Юрьевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Раскрывая содержание интеллектуальных прав несовершеннолетних на результаты интеллектуальной и творческой деятельности, в первую очередь считаем необходимым выделить исключительные имущественные права несовершеннолетних, которые в исследуемой нами сфере получили принципиально новую характеристику.

Гражданское законодательство РФ в статьях 1229, 1230, 1233—1235, 1250—1252, 1270 [1] и некоторых других, раскрывает понятие, и содержание исключительного права гражданина безотносительно к его возрасту. Некоторые разъяснения о сущности «исключительного права» изложены в постановлениях высших судов РФ, в частности:

1) в п. 10.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, а также Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2];

2) в п. 1 «Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав» (утв. Президиумом непосредственно Верховного Суда РФ 23.09.2015 г.) [3];

3) в п. 4 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018 г.) [4], и иных актов судебной практики.

Так, указанное нами в первом пункте постановление Пленума, в п. 10.1 разъясняет, что «право на вознаграждение входит в состав исключительного права»; а в п. 4 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018)» Президиум Верховного Суда РФ «действующее законодательство не относит имя к объектам, в отношении которых управомоченные субъекты наделяются исключительными правами по правилам ст. 1229 ГК РФ».

Анализ доктринальных суждений позволяет заключить, что ученые по-разному понимают исключительное право на результат интеллектуальной деятельности.

При этом, такое исключительное право наделяет его правообладателя определенной совокупностью различных возможностей, которые регламентированы гражданским законодательством РФ: возможность быть обладателем исключительного права; возможность осуществлять исключительное право; возможность охраны и защиты исключительного права; возможность получения вознаграждения и т. д.

Непосредственно содержание указанного исключительного права, в первую очередь наполняет правомочие использования полученного результата интеллектуальной деятельности. Кроме того, его содержание составляет наличие запрета использовать его без полученного согласия от обладателя данным правом, всем иным третьим лицам. Исключение составляют разрешенные законодателем ситуации свободного их использования, а также право, позволяющее им распоряжаться.

Исключительное право несовершеннолетнего есть совокупность его правовых возможностей, связанных с возникновением, осуществлением, охраной и защитой его непосредственно исключительного права.

Ч. IV ГК РФ не предусматривает специальных правил об осуществлении, охране и защите указанного вида права, которое непосредственно принадлежит ребенку.

В соответствии со ст. 1229 ГК РФ гражданин или юридическое лицо, обладающие исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации (правообладатель), вправе использовать такой результат или такое средство по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Анализ данной статьи, а также ст. ст. 1233, 1234, 1235, 1241, 1270, 1317, 1324, 1358 ГК РФ и некоторых других позволяет заключить, что требований к лицу, являющимся обладателем исключительного права, гражданское законодательство РФ не предусматривает.

Гражданское законодательство РФ устанавливает, что обладатель указанным правом, может:

- всегда осуществлять право распоряжаться своими исключительными правами на результат непосредственно интеллектуальной деятельности или соответственно на средство индивидуализации;

- по собственному решению осуществлять действия, направленные на разрешение иным лицам использовать результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, а также и запрещать их использование.

Наличие же личных прав у несовершеннолетних немущественного характера, как специфической разновидности принадлежащим им интеллектуальных прав, свидетельствует о субъективных гражданских правах.

Данные права являются неотделимыми от самой личности несовершеннолетнего лица — создателя объекта интеллектуальной и творческой деятельности. Они не имеют никакого экономического или имущественного содержания. Личные права несовершеннолетних субъектов немущественного характера возникают только в отношении полученных результатов интеллектуальной деятельности.

К подобным правам, как правило, относятся следующие:

- право авторства, то есть право, которое признает несовершеннолетнего лицо автором, как произведения, так и исполнения, изобретения и т. д.);

- право на авторское имя, то есть право, которое предоставляет возможность использовать произведение и другие объекты авторского права под своим как настоящим именем, так под выбранным им псевдонимом или же анонимно (обезличено, т. е. без использования подписи автора) или его разрешает;

- право на неприкосновенность само произведения, то есть право, которое запрещает для всех иных лиц осуществлять действия, направленные на внесение любых дополнений и изменений.

Кроме того, имеется законодательно закрепленная еще одна разновидность рассматриваемых нами прав, которая отличается, как от личных немущественных, так и исключительных имущественных прав.

Данный тезис подтверждается положениями, закрепленными в ст. 1226 ГК РФ. Так, именно данная статья признает наличие и иных прав. К данным правам указанная норма относит: право доступа, право следования, право на получение патента и др.

Данные права в цивилистической науке принято обозначать термином «сопутствующие права». Это связано с тем, что перечисленные права являются как бы «промежуточными», т. е. в первую очередь, занимают положение между личными немущественными и имущественными правами, и, в тоже самое время, в обязательном порядке им «сопутствуют».

В большинстве своем «сопутствующие права» могут допускать вероятность перехода совместно с исключительными имущественными правами. Кроме того, они не редко охраняются, как и личные немущественные права, в течение одинакового для них обоих периода.

Таким образом, исходя из анализа ст. 1226 ГК РФ содержание интеллектуальных прав несовершеннолетних на результаты интеллектуальной и творческой деятельности составляют главным образом три независимых группы следующих прав:

- первую группу составляет исключительное право, которое представляет собой имущественные права;
- личные немущественные права;
- иные права (право следования, право доступа и другие).

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (часть четвертая): по сост. на 23 мая 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52 (часть I). — Ст. 5496.
2. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ и ВАС РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2009. — № 6.
3. Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 сентября 2015 г.) // Текст обзора официально опубликован не был / ГАРАНТ — справочная правовая система.
4. Определение Верховного Суда РФ от 27 марта 2018 г. № 5-КГ17–241 // Текст обзора официально опубликован не был / ГАРАНТ — справочная правовая система.

К вопросу о виктимологической профилактике преступлений против неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет

Казымов Даниил Аллахверди оглы, студент магистратуры;

Научный руководитель: Туркулец Светлана Евгеньевна, доктор философских наук, профессор
Дальневосточный государственный университет путей сообщения (г. Хабаровск)

В статье представлены анализ проблемы доведения несовершеннолетних до самоубийства с помощью сети Интернет, а также идея искоренения из общества губительных тенденций, приводящих к преступлениям несовершеннолетних в информационном пространстве. Приводятся статистические данные о несовершеннолетних жертвах преступлений в Российской Федерации за период с 2009 по 2015 г., в том числе преступлений, отнесенных к подследственности Следственного комитета России. Предпринимается попытка раскрыть содержание деятельности по виктимологической профилактике преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в т. ч. трансграничных особенностей данного вида преступлений.

Ключевые слова: уголовный кодекс, несовершеннолетние, самоубийство, группы смерти, следственный комитет, правосудие, закон, приговор, право, Интернет, преступления против несовершеннолетних, развратные действия, виктимологическая профилактика.

To the issue of victimological prevention of crimes against incomes of minors affected with the use of Internet

Kazymov Daniil Allakhverdi ogly, master student

Research supervisor: Turkulets Svetlana Evgenyevna, professor, Doctor of Philosophy
Far Eastern State Transport University

The analysis of problems of driving minors to suicide via the Internet, and also the idea about eradication of baneful tendencies from the society leading to juvenile crimes in the Internet network. The author presents statistical data regarding underage crime victims in the Russian Federation in 2009–2015, including information on crimes that are within the jurisdiction of the Investigative Committee of Russia. An attempt to disclose the content of activities for victimological prevention of crimes against sexual integrity of minors, including cross-border features of this type of crimes is made.

Keywords: criminal code, minors, suicide, death's groups, committee of inquiry, justice, law, sentence, right, the Internet, crimes against minors; sexual abuse, victimological prevention.

Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемые с использованием сети Интернет, становятся наиболее популярными

и, следовательно, наиболее опасными. Как известно, подростки проводят большую часть своего времени в Интернете, в частности на таких сайтах, как «ВКонтакте»,

«Instagram», «Twitter» и др., которые дают возможность обмениваться различного рода информацией. Именно там порой преступники и находят своих жертв, например, несовершеннолетних, которые легко поддаются чужому влиянию и становятся легкой добычей для преступника. В интерактивном мире дети могут быть также беззащитны, как и в реальном. Согласно исследованию «Дети России онлайн», проведенного Фондом развития Интернет и факультетом психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, средний возраст начала пользования сетью Интернет составляет 9–10 лет [1, с. 6]. Практически каждый десятый школьник в возрасте 11–16 лет сталкивался с самым экстремальным типом контента — порнографией с насилием (9%). Мальчики чаще, чем девочки, признаются в том, что видели подобное в Интернете (12% против 6%). Родители более чем в два раза недооценивают риск столкновения с сексуальным контентом в Интернете. Каждый пятый ребенок лично встречается с теми, с кем познакомился в сети (21%) [1, с. 7].

Чеботарева Т.В. в своей статье «Интернет безопасность несовершеннолетних: миф или реальность» [2] описала следующий пример, приведенный Информационным Агентством РИА-НОВОСТИ. Злоумышленник часто общается в Интернете с подростком, выдавая себя за ровесника или лицо, которое немного старше ребенка [3]. Он знакомится в социальной сети с жертвой, например, на сайте знакомств, к одному из которых относится Torface, где зарегистрировано наибольшее число несовершеннолетних. Далее преступник пытается установить с ребенком дружеские отношения и перейти на личную переписку, в результате которой он входит в доверие к нему, пытается узнать номер мобильного и договориться о встрече. И уже на самой встрече происходит преступление, которое наносит непоправимый вред психическому и физическому здоровью подростка. С данным примером трудно не согласиться, ведь в реальности именно так все и происходит.

В Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (Лансароте, 25 октября 2007 г.), ратифицированной Федеральным законом РФ от 07.05.2013 № 76-ФЗ [1], в главе VI под названием «Материальное уголовное право» включен такой состав преступления, как «Домогательство в отношении детей с сексуальными целями» (статья 23 Конвенции). В уголовном законодательстве Российской Федерации, в частности в Уголовном Кодексе, подобный состав преступления отсутствует, а описанные действия могут быть квалифицированы как приготовление к совершению преступлений, предусмотренных статьями 131–135 УК РФ.

В 2009 г. потерпевшими от преступлений было признано 108718 несовершеннолетних, в 2010 г. их число составило 100227, в 2011 г. — 92912, в 2012 г. — 89183, в 2013 г. — 89053, в 2014 г. — 102698. В 2015 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 102698 несовершеннолетних жертв преступлений [12]. Таким образом, после некоторого снижения количества несовершеннолетних потерпевших в период с 2009 по 2013 г.

с 2014 г. наблюдается тенденция к увеличению их числа. Год за годом растет количество детей, гибнущих в результате преступлений: 1684 чел. в 2010 г., 1731 — в 2011 г., 2139 — в 2012 г., 2174 — в 2013 г., 2553 — в 2014 г., 2727 — в 2015 г.

Таким образом, необходимо делать все возможное, чтобы оградить данную категорию лиц — несовершеннолетних — от посягательства злоумышленников совершить преступление половой направленности с использованием всемирной сети Интернет.

Наиболее эффективным средством является виктимологическая профилактика, ведь начинать всегда следует с потенциальной жертвы, разъяснив ей, как можно избежать столкновения с такими кибер-преступниками, какие меры следует предпринять, чтобы не стать жертвой таких преступлений.

Одной из самых обсуждаемых сегодня тем становится проблема детских и подростковых суицидов. По данным Росстата, число несовершеннолетних, погибших в результате самоубийств, в 2011 г. составило 728 чел., в 2012 г. — 653, в 2013 г. — 567, в 2014 г. — 591, в 2015 г. — 460 чел. В 2016 г. в результате суицидов в России погибло 720 подростков, при этом количество детских самоубийств за это время увеличилось сразу в 40 регионах РФ. Причем речь идет уже не только о тех мотивах, которые традиционно считались причиной суицидов (несчастливая любовь, проблемы в семье, в общении со сверстниками, неуспеваемость в школе), но и о психологической обработке подростков в так называемых группах смерти.

В настоящее время Следственный комитет РФ вместе с межведомственной группой разработал законопроект о привлечении к уголовной ответственности лиц, в Интернете склоняющих детей и подростков к суициду. Существующая на сегодняшний день формулировка ст. 110 УК РФ («Доведение до самоубийства»), которая дает возможность привлекать лиц, склоняющих других к самоубийству или попытке самоубийства, построена таким образом, что размещение определенного контента в Интернете, разговоры и беседы не подпадают под ее действие. Однако, не дожидаясь изменений в УК РФ, стоит поставить вопрос о том, что по характеру общественной опасности деяния организаторов таких сообществ в социальной сети «ВКонтакте» являются не только преступлениями против личности. В данном случае представляется важным обозначить иной объект посягательства. Исходя из того, что воздействие осуществляется не только на конкретную жертву, но и на индивидуально не определенный круг пользователей (идеи суицидальных пабликов через соответствующий контент распространяются подобно вирусу), можно с уверенностью сказать, что мы имеем дело с преступлением, объект которого — здоровье населения и общественная нравственность.

Характерными чертами «групп смерти», позволяющими говорить о них как об объединении, являются:

— общая идеология обесценивания жизни, бессмысленности человеческого существования, а также идея о

том, что в Интернете присутствует «Уровень А», где якобы есть «пик Интернета», так называемый тихий дом. Согласно утверждениям лиц, склоняющих к суицидам, это не сайт, а точка невозврата в реальный мир: попадая в «тихий дом», человек переживает «информационное перерождение» и навеки сливается с Сетью;

— наличие специфического содержания (контента): «группы смерти» воздействуют на подростков посредством постоянного размещения картинок («пикчей»), аудио и видео с суицидальной тематикой;

— специальный суицидальный сленг: «выпиливаться» — совершать самоубийство, «самовыпил» — суицид, «шаверма» — изуродованные трупы и т. д.;

— стандартные способы объявления о «суицидальном квесте». Так называемые хештеги (#) позволяют как заявить о своем желании присоединиться к «игре», так и предложить пользователям вступить в нее. После этого пользователь получает приглашение либо в личных сообщениях, либо (полагаем, что для вовлечения большего числа участников) прямо в комментариях под своим объявлением¹⁰;

Наиболее распространенной мерой любой профилактики является информационно-разъяснительная работа [5, с. 42], которую в данном случае также можно и нужно применять. В настоящее время такая работа проводится, но, к сожалению, она не так распространена, как хотелось бы, говорят о таком не часто и не так широко. Данную информационно-разъяснительную работу должны проводить образовательные учреждения с участием правоохранительных органов, подробно рассказывая о том, что не следует начинать общение с незнакомыми людьми посредством сети Интернет, и о том, какие последствия могут быть, если дети пренебрегут данными правилами. При проведении такой беседы с несовершеннолетними, следует учитывать их возраст, уровень умственного развития, особенности их психики, ведь очень важным элементом является то, чтобы они поняли суть, которую до них хотели донести.

Все вышеизложенное демонстрирует, что речь идет именно об объединении — незарегистрированном, но преследующем определенные антисоциальные цели, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами (в данном случае можно говорить о психическом насилии — суггестивном воздействии на психику с помощью отработанных методов) или иным причинением вреда их здоровью (начиная с побуждения к нанесению шрамов и заканчивая самоубийствами), что охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 239 УК РФ [6]. Изменение точки зрения на объект данных преступлений в перспективе позволит задействовать максимальные ресурсы в установлении всех причастных к подобным деяниям: как организаторов (ч. 1 ст. 239 УК РФ), так и ис-

полнителей, так называемых кураторов (ч. 3 ст. 239 УК РФ) — и, что также немаловажно, выявить производителей суицидального контента, создаваемого по заказу организаторов этого «суицидального квеста», действия которых могут быть квалифицированы как действия пособников в совершении указанного преступления (ч. 5 ст. 33, ч. 1, 3 ст. 239 УК РФ).

Важным элементом в борьбе с преступлениями такого рода является защита несовершеннолетних интернет-пользователей различными средствами от посторонних лиц и от доступа к запретного рода информации [10, с. 42]. Например, на некоторых сайтах, в частности Torface, существует функция блокировки фотографий, порнографического содержания, что ограждает подростка от доступа к информации, имеющая возрастное ограничение. Аналогичным средством можно назвать такую известную всем функцию, как «Родительский контроль», что включает в себя установление запретов на переходы по различным сайтам, где находится информация для лиц, старше 18 лет. Также родители на свой выбор могут включить в этот перечень иные сайты, на которые доступ детям будет ограничен. Восстановить доступ на переходы по таким сайтам возможно только путем введения пароля, который установят родители. К сожалению, новые сайты появляются с невероятной скоростью, и не факт, что чадо не зайдет на него и не познакомится там с потенциальным преступником.

Именно поэтому важно не только родителям и операторам поставки сети Интернет следить за ограничением доступа к различным сайтам, но и объяснить самим детям, как ограничить доступ к своей информации посторонним лицам [9]. Но если, к сожалению, все вышеперечисленные меры виктимологической профилактики не сработали по различным причинам, то остается только консультация, оказываемая несовершеннолетним, их родителям и не только.

В настоящее время огромной популярностью пользуется телефон доверия для детей, подростков и их родителей, где психологи оказывают консультационную помощь по различным родам вопросов, в частности, как лучше объяснить ребенку, что не стоит знакомиться с людьми посредством сети Интернет [1].

Бесплатность и анонимность — два главных принципа работы такой службы психологической помощи. Таким образом, данные виктимологические профилактические меры, направленные на несовершеннолетних, позволяют снизить уровень контакта с педофилами как в сети Интернет, так и в реальной жизни, а равно снизить число преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет.

Литература:

1. Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://detionline.com/>

2. Чеботарева, Т. В. Интернет безопасность несовершеннолетних: миф или реальность. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kafinfi.ssla.ru>
3. Комаров, А. А. Краткий анализ государственных мер по декриминализации и девиктимизации несовершеннолетних пользователей Интернет / Сборник научных трудов кафедр уголовно-правовых дисциплин и уголовного процесса и криминалистики Юридического института МГПУ (г. Москва). — 2015. — с. 118–130.
4. Борзенков, Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика: учеб.-практ. пособие. М., 2008.
5. Градовская, О. А. Большинство подростковых самоубийств в России за полгода связаны с закрытыми группами «ВКонтакте» // URL: <http://www.pravmir.ru>.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 2015.
7. Крылова, Н. Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4.
8. Госдума ратифицировала международные договоры о защите детей // Информационное Агентство РИА — НОВОСТИ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ria.ru>
9. Смирнов, А. А. Виктимологическая профилактика преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети Интернет. — Актуальные вопросы публичного права. — № 11. — 2012. — с. 37–46.
10. Комаров, А. А. Проблема правового регулирования Интернет в целях пресечения правонарушений, совершаемых в отношении несовершеннолетних Вопросы безопасности. — 2015. — № 4. с. 28–48.
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.
12. Офиц. сайт Следственного комитета Российской Федерации: URL: <http://sledcom.ru>.

Субсидиарная ответственность контролирующих лиц. Новеллы законодательства

Карлаш Надежда Олеговна, студент магистратуры

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

Статья посвящена субсидиарной ответственности контролирующих лиц, особое внимание в статье уделено новеллам законодательства в сфере регулирования ответственности контролирующих лиц. Целью работы, является анализ теоретических положений, закрепленных в законе о несостоятельности.

Ключевые слова: контролирующие лица, субсидиарная ответственность, банкротство, убытки.

В конце 2016 года было принято несколько законов внесших существенные изменения в нормы об ответственности контролирующих лиц, в частности, изменения коснулись закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о несостоятельности), где на смену статье 10, ранее регулирующей ответственность должника и иных лиц в деле о банкротстве пришла целая глава III. 2, именуемая законодателем «ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве». Введение этой главы должно помочь расширить круг привлекаемых к субсидиарной ответственности лиц, тем или иным образом причастных к доведению должника до несостоятельности. В настоящей статье обозначим наиболее важные из внесенных изменений и дадим краткую характеристику.

В гражданском законодательстве существуют инструменты позволяющие привлечь контролирующее организацию к ответственности, при этом с него будут взысканы долги организации. Это так называемая «субсидиарная ответственность». Субсидиарная ответственность, иначе называемая дополнительной, возникает для третьего лица в случае, когда основной должник не способен исполнить собственные обязательства.

Контролирующее должника лицо, которое ненадлежащим образом исполняло свои обязанности, может быть привлечено к субсидиарной ответственности, это следует из системного толкования норм главы III. 2.

Определимся с понятием контролирующего лица. Контролирующим должника лицом является физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем

за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий (ст. 61 Закона о несостоятельности).

«Контролирующими лицами» могут быть:

- члены ликвидационной комиссии;
- лицо, которое имело полномочие совершать сделки от имени организации по доверенности;
- лицо, которое имело право распоряжаться более, чем половиной долей уставного капитала общества или более, чем половиной голосующих акций акционерного общества
- руководитель организации;
- иные лица.

Под иными лицами можно понимать любых физических лиц, юридически не связанных с юридическим лицом, но фактически им управляющие в последние 3 года перед банкротством.

Среди «теневых» владельцев бизнеса, существовало мнение, что привлечение к субсидиарной ответственности — это нечто маловероятное, т. к. прямых норм, указывающих на возможность привлечения фактических руководителей, в нашем законодательстве не было. Ранее доказать наличие у ответственных лиц вины в доведении общества до банкротства было практически невозможно. Однако на сегодняшний день рост случаев привлечения к субсидиарной ответственности собственников и руководителей компании доказывает обратное, действует презумпция виновности контролирующих лиц.

Лицо будет являться контролирующим (пока не доказано иное) в случае если:

- такое лицо имело право распоряжаться 50 и более % голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала ООО, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;
- извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени.

Субсидиарная ответственность контролирующего лица может наступать за:

- неподачу (несвоевременную подачу) заявления о банкротстве;
- непредставление уничтожение документов (отсутствие документов бухгалтерского учета);
- совершение сделок, причинивших вред кредиторам.

Обратимся к судебной практике, Межпромбанк был признан банкротом в конце 2010 года. Размер установленной задолженности перед кредиторами по состоянию на 1 апреля 2016 года — 81,2 млрд руб. Из них пока креди-

торам вернулся 1,9 млрд руб. Это банкротство стало крупнейшим в России. Фактический руководитель Межпромбанк банка С. В. Пугачев был привлечен к субсидиарной ответственности (дело № А40—119763/10). В результате разбирательства было установлено, что Пугачев согласовывал ключевые решения (с помощью штампа «Согласовано»), участвовал в переговорах от имени банка; проводил собеседования топ-менеджеров, определял вознаграждение, тем самым был подтвержден факт фактического руководства банком. В результате С. В. Пугачев как реальный владелец был привлечен судом к субсидиарной ответственности в размере 75642466311 рублей 39 копеек.

Арбитражный суд может признать лицо контролирующим не только по основаниям, указанным в законе, но и по иным. Следовательно, круг оснований расширяется (перечень открыт), и реальному контролирующему лицу будет сложнее уйти от ответственности. К иным основаниям могут относиться любые неформальные личные отношения (совместное проживание, «гражданский брак» или же длительная совместная деятельность, в том числе военная служба, совместное обучение и т. п.) [1].

Законодатель указывает, что контролирующим не может быть лицо, которое владеет менее чем десятью процентами уставного капитала юридического лица и получает обычный доход, от такого владения.

Введя в действие главу III. 2. закона «О несостоятельности (банкротстве)» законодатель сделал важный шаг на пути к выявлению реальных руководителей организаций (фактического бенефициара). А именно: теперь суд наделен правом уменьшить размер или же полностью освободить от субсидиарной ответственности лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, если это лицо докажет, что оно осуществляло функции органа управления номинально и если благодаря предоставленным этим лицом сведениям установлено фактически контролировавшее должника лицо, и (или) обнаружено скрывавшееся последним имущество должника и (или) контролирующего должника лица.

Теперь привлечение к субсидиарной ответственности контролирующего лица возможно не только в рамках процедуры банкротства (ст. 61.16 Закона о банкротстве), но и за рамками этой процедуры (ст. 61.19 Закона о банкротстве). Законодатель намеренно разрешил подавать заявления о привлечении к субсидиарной ответственности и в тех случаях, если банкротство завершено, прекращено из-за отсутствия средств на оплату расходов, и даже если суд возвратил заявление о признании должника банкротом. Фактически эта норма добавляет шансов «пострадавшему лицу» получить своё.

Законодатель ввел новый состав правонарушения, влекущего ответственность в форме возмещения убытков за нарушение законодательства о банкротстве. Если в деле о банкротстве, а также вне дела о банкротстве до или после его возбуждения должник не принял меры по оспариванию необоснованных требований заявителя или иных

кредиторов, то контролирующие должника лица будут нести за убытки.

Важной новеллой является и то, что заявление о привлечении к субсидиарной ответственности теперь может быть подано в ходе любой процедуры банкротства (наблюдении, реструктуризации, конкурсном управлении). Данное требование о возмещении должнику убытков может быть предъявлено как руководителем (учредителем, участником, директором) должника, так и по решению собрания кредиторов, комитета кредиторов, конкурсным кредитором,

арбитражным управляющим, представителем работников должника или уполномоченными органами.

Изменения, внесенные в закон о банкротстве, существенно отразятся на судебной практике, можно прогнозировать значительный рост дел по взысканию убытков с контролирующих должника лиц. Хочется надеяться, что со временем в отечественном правовом порядке деятельность любого юридического лица будет прозрачной, а между фактическими и юридическими выгодоприобретателями будет стоять знак равенства.

Литература:

1. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III. 2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ»

Функции следователя в современном уголовном судопроизводстве

Качабеков Камран Тельманович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Функциональный подход к структурированию уголовного судопроизводства получил официальное признание с принятием УПК РФ. Как следует из содержания ст. 15 Кодекса, законодатель связывает понятие функций с принципом состязательности сторон и говорит о наличии в уголовном судопроизводстве трех основных функций:

- 1) обвинения,
- 2) защиты,
- 3) разрешения уголовного дела.

Следователь отнесен законом к участникам процесса, осуществляющим функцию обвинения. Однако такое законодательное закрепление функции следователя не только не сняло дискуссионность данной проблемы, но, напротив, сделало ее еще более спорной.

В доктрине уголовного судопроизводства отнесение следователя к стороне обвинения имеет своих сторонников [1]. В то же время многие авторы считают, что такое представление о деятельности следователя ведет к ослаблению гарантий прав участников процесса, придает односторонний характер деятельности должностных лиц, осуществляющих расследование, создает объективные предпосылки для обвинительного уклона при осуществлении досудебного производства [2].

Анализируя сущность деятельности следователя, нельзя не видеть, что он действительно осуществляет уголовное преследование, которое в соответствии с п. 55 ст. 5 УПК РФ представляет собой процессуальную деятельность, осуществляемую в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Уголовное преследование в деятельности следователя находит свое выражение при возбуждении уголовного дела, при собирании доказательств виновности лица, при фор-

мулировании и обосновании вывода о совершении данным лицом преступления, при составлении обвинительного заключения.

Вместе с тем, следователь должен всесторонне, полно и объективно расследовать уголовное дело. Уголовно-процессуальный закон возложил на следователя обязанность устанавливать по каждому уголовному делу не только обстоятельства, подтверждающие виновность лица в совершении преступления, но и обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания (ст. 73 УПК РФ). Следует также отметить, что некоторые процессуальные действия следователя вообще лишены обвинительного уклона. К примеру, придя к выводу, что отсутствуют основания для предъявления обвинения, следователь прекращает уголовное дело.

Как справедливо отмечено, хотя УПК РФ отнес фигуру следователя к стороне обвинения, это не означает, что он должен собирать только доказательства вины подсудимого. Осуществляя уголовное преследование, следователь, в первую очередь, должен руководствоваться принципами уголовного судопроизводства, в том числе, принципом презумпции невиновности и необходимостью защиты личности от необоснованного обвинения и ограничения прав и свобод [3, 4, 5].

Однако не следует считать, что, устанавливая по делу факты, не только обвиняющие лицо в совершении преступления, но и оправдывающие его, следователь как бы осуществляет функцию защиты. Защита — это совокупность процессуальных действий, направленных на опровер-

жение обвинения, на установление невиновности обвиняемого. Следователь не может защищать обвиняемого от необоснованности им же предъявленного обвинения, которое он считает правильным. Защищать можно от чужих, а не от своих собственных действий. Поэтому следователь при выполнении возложенных на него полномочий должен руководствоваться правилом о всестороннем, полном и объективном установлении обстоятельств дела. Объективно правильное обвинение возможно только тогда, когда следователь тщательно проверит доводы обвиняемого, приводимые им в свою защиту.

Поэтому считаем наиболее верной точкой зрения тех авторов, которые полагают, что следователь в уголовном процессе выполняет свою собственную функцию — функцию предварительного расследования, составными частями которой являются обвинение и защита. Как отмечено в специальной литературе, понятие «расследование преступлений» включает в себя все виды деятельности следователя, это вся деятельность следователя в стадии предварительного расследования [6].

Следователь, получая доказательственную информацию, не всегда сразу может определить, является ли она обвинительной или оправдательной. Об этом можно судить лишь при оценке и сопоставлении с другими доказательствами. Деятельность следователя носит ярко выраженный исследовательский характер. Правильное разрешение уголовного дела невозможно без всестороннего, полного и объективного исследования его обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Исследовательский характер деятельности следователя обеспечивает реализацию уголовного преследования, защиты и отстаивания интересов, нарушенных преступлением, создает условия для последующего судебного разбирательства.

На исследовательский характер деятельности данного участника процесса указывает и Конституционный Суд РФ в постановлении от 29 июня 2004 года № 13-П, отметив, что должностные лица, выступающие на сто-

роне обвинения, должны подчиняться предусмотренному УПК РФ порядку уголовного судопроизводства, обязаны всеми имеющимися в их распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, исходить в своей профессиональной деятельности из презумпции невиновности, обеспечивать подозреваемому и обвиняемому право на защиту, принимать решения в соответствии с требованиями законности, обоснованности и мотивированности, в силу которых обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты [7].

Несмотря на законодательное указание на то, что функцией следователя является уголовное преследование, многие практикующие следователи иначе осознают свое предназначение. По опубликованным результатам исследований более половины опрошенных следователей считают, что они на предварительном следствии выполняют роль беспристрастного исследователя, и только 33 % склоняются к тому, что следователь — активный обвинитель [8]. По данным анкетирования, проведенного Н.И. Ревенко, 73,2 % следователей указали, что своей основной процессуальной функцией они считают именно расследование преступлений [9].

Таким образом, полагаем, что исходя из смысла деятельности следователя, заложенного в нормах УПК РФ, можно утверждать, что он является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу. Однозначное отнесение следователя к стороне обвинения не в полной мере соответствует полномочиям следователя, его функции, осуществляемой при производстве по уголовному делу. Следователь традиционно осуществляет не только уголовное преследование, обвинение, но, главным образом, — исследование всех обстоятельств совершенного преступления полно, всесторонне и объективно.

Литература:

1. Баев, О.Я. Сущность, формы и дефиниции института уголовного преследования // Вестник ВГУ. Серия право. 2008. № 1. с. 250–261.
2. Лупинская, П.А. Доказательственное право в УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной принятию нового УПК РФ. М., 2002. с. 80–81.
3. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.И. Радченко. М., 2004. с. 53; Дианов В.А. Следователь в системе субъектов обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009;
4. Бабич, А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012;
5. Шабунин, В.А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
6. Францифоров, Ю.В., Ванин Д.В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе. М., 2013. с. 85; Быков В.М. Следователь в уголовном процессе России. М., 2014. с. 43.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в

связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 4. с. 18.

8. Шейфер, С. А., Бобров А. А. Процессуальная самостоятельность следователя: мнения практиков // Законность. 2006. № 5. с. 31.
9. Ревенко, Н. И. Функция расследования преступлений как основное направление деятельности следователя // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 1 (18). с. 100.

Понятие и роль процессуальной самостоятельности следователя в его правовом статусе

Качабеков Камран Тельманович, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Вопросы процессуальной самостоятельности следователя до настоящего времени остаются одними из наиболее дискуссионных проблем современного досудебного производства, не нашедшим своего оптимального разрешения [1]. Около пятидесяти лет назад Г. М. Ясинский писал, что «процессуальная самостоятельность следователя заключается в его праве решать по своему внутреннему убеждению, основанному на материалах дела, и в соответствии с законом важнейшие вопросы следствия. Процессуальная самостоятельность в то же время обязывает следователя проявлять инициативу в деле обеспечения правильного направления следствия, своевременного производства необходимых следственных действий» [2].

Несколько позже похожее определение процессуальной самостоятельности следователя как важного элемента его статуса, состоящего в праве самостоятельно принимать все решения о направлении следствия и производстве следственных действий и полной ответственности за их законное и своевременное проведение, давал А. А. Клейн [3].

Некоторые авторы полагают, что процессуальная самостоятельность следователя, прежде всего, включает в себя возможность на базе внутреннего убеждения оценивать доказательства и принимать решения по основополагающим вопросам расследования [4]. Так, Б. Б. Степанов считал, что «процессуальная самостоятельность связана с решениями и действиями следователя по возбуждению уголовного дела, направлению хода расследования, окончанием производства по делу, с его правом принимать и осуществлять их по своему усмотрению, основанному на оценке доказательств, в целях достижения задач уголовного судопроизводства» [5].

Согласно позиции других авторов, основой процессуальной самостоятельности следователя является наличие у него возможности отстаивания своего решения на основании действующего закона и внутреннего убеждения. Поэтому важнейший элемент процессуальной самостоятельности следователя — это его право на обжалование

указаний руководителя следственного органа в случае, если следователь не согласен с ними [6].

В юридической литературе можно встретить и более категоричные позиции. Например, по мнению В. Ю. Рытьковой, процессуальная самостоятельность следователя — это, в первую очередь, неумолимость того мнения, к которому пришел следователь, осуществляя предварительное следствие по уголовному делу [7].

Существует и диаметрально противоположная точка зрения на данную проблему. Некоторые авторы полагают, что следователь не может обладать никакой процессуальной самостоятельностью. Это обусловлено постоянным ведомственным контролем со стороны руководителя следственного органа, прокурорским надзором и судебным контролем за деятельностью следователя [8].

При разнообразии авторских толкований понятия «процессуальная самостоятельность следователя» законодатель ограничивается лишь одним упоминанием о самостоятельности следователя в п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, не определяя и не раскрывая данное понятие. Исходя из положений действующего УПК РФ, процессуальная самостоятельность следователя — это его правомочия самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о проведении следственных и иных процессуальных действий (за исключением случаев, когда необходимо судебное решение или согласие руководителя следственного органа), а также ответственность за результаты расследования.

Следователь несет личную ответственность за своевременность, законность и обоснованность принимаемых им решений о возбуждении уголовного дела, о направлении хода расследования и производстве следственных и иных процессуальных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств, о применении мер процессуального принуждения и т. д.

Существенное влияние на процессуальную самостоятельность следователя оказало изменение правового статуса руководителя следственного органа, получившего практически все надзорные полномочия прокурора. В на-

стоящее время следователь не вправе без согласования с руководителем следственного органа принять решение о прекращении уголовного дела (п. 9 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); об обжаловании решения прокурора, с которым он не согласен (п. 5 ч. 2 ст. 38 УПК РФ); о направлении прокурору уголовного дела с обвинительным заключением (ч. 6 ст. 220 УПК РФ); о возбуждении перед судом ходатайства о даче согласия на проведение следственных действий (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ); о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения с обвиняемым, выразившим согласие о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ); о возбуждении перед судом ходатайства о применении к несовершеннолетнему обвиняемому принудительной меры воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 427 УПК РФ) и др.

По сути, следователь стал полностью зависим от руководителя следственного органа, полномочия которого значительно расширились и который в настоящее время соединяет в одном лице как процессуальные, так и административные полномочия по отношению к следователю. Между тем наличие административного характера отношений между следователем и руководителем следственного органа (прием на работу, перемещение, распределение отпусков, поощрения и взыскания и т. п.) ставит следователя в положение должностного лица, жестко подчиненного своему начальнику, со всеми вытекающими из этого последствиями.

В связи с этим представляется справедливым вывод С.Д. Игнатова о том, что следователя можно считать самостоятельным руководителем процесса расследования лишь до тех пор, пока принятые им решения по уголовному делу не будут изменены руководителем следственного органа. В результате процессуальная роль следователя при законодательно закреплённой коррекции его действий руководителем следственного органа, судом и прокурором сводится к простому техническому оформлению принятых указанными должностными лицами решений [9].

Как представляется, процессуальная самостоятельность следователя — это не полная свобода его действий и безнаказанность, а предусмотренная законом возможность

отстаивать свое мнение по ключевым вопросам уголовного дела в случае возникновения противоречий с позицией иных властных субъектов, наделенных контрольно-надзорными полномочиями в досудебном производстве.

Как компетентное должностное лицо, наделенное властными полномочиями, следователь должен быть независимым и самостоятельным в своих решениях и процессуальных действиях, при этом его основной обязанностью является обязанность действовать в строгих рамках уголовно-процессуального законодательства, не превышая своих полномочий и не злоупотребляя ими [10].

Никто не должен иметь возможности заставить следователя привлечь в качестве обвиняемого невиновного, квалифицировать совершенное преступление не по той статье (части, пункту), по которой он считает необходимым это сделать, вменить в вину обвиняемому те эпизоды преступной деятельности, вина в совершении которых, по мнению следователя, не доказана или, того хуже, доказана невиновность обвиняемого в совершении данных преступлений, избрать меру пресечения либо отменить или изменить меру пресечения, когда следователь убежден в отсутствии фактических оснований принятия такого решения, отказаться от обращения в суд с ходатайством об избрании меры пресечения или о производстве иных процессуальных действий, решение о производстве (избрании) которых может принять только суд, прекратить уголовное дело, когда вина обвиняемого в совершении преступления безусловна, и даже направить уголовное дело в суд с обвинительным заключением, когда следователь убежден в том, что обвиняемый не принимал участия в совершении общественно опасного деяния, которое от следователя потребовали вменить ему в вину.

Таким образом, процессуальная самостоятельность следователя может быть определена как гарантированные ему законом правомочия по самостоятельному принятию решений при производстве по уголовному делу, на основании внутреннего убеждения, сложившегося по итогам оценки собранных доказательств, с исключением вмешательства в это должностных лиц, осуществляющих контроль и надзор за процессуальной деятельностью следователя.

Литература:

1. Будников, В.Л., Волколупов Е.В. Проблема процессуальной самостоятельности следователя как субъекта доказывания по уголовному делу // Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания: сб. ст. Волгоград, 2015.
2. Ясинский, Г.М. О процессуальной самостоятельности следователя // Советское государство и право. 1964. № 9. с. 64.
3. Клейн, А.А. Правовые и организационные аспекты процессуальной самостоятельности и независимости следователя органов внутренних дел: дис.... канд. юрид. наук. М., 1992. с. 14.
4. Марфицин, П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект). Омск, 2014. с. 43.
5. Степанов, Б.Б. Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений: автореф. дис.... канд. наук. М., 2007. с. 74.
6. Гуляев, А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 2013. с. 192; Мухиддинов А.А. Уголовно-процессуальная самостоятельность следователя в свете требований нового УПК Республики Таджикистан // Российский следователь. 2016. № 4.

7. Рытькова, В. Ю. Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2017. с. 197.
8. Марфицин, П. Г., Пронин А. А. Основные направления оптимизации процессуальной самостоятельности следователя // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 5 (1). с. 242.
9. Игнатов, С. Д. Статус следователя как субъекта уголовно-процессуального доказывания // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 2. с. 101–106.
10. Мазюк, Р. В. Процессуальный интерес следователя по взглядам профессора В. И. Шиканова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. N 2 (8). с. 49.

Деятельность прокуратуры в сфере противодействия коррупции

Киселева Дарья Николаевна, студент магистратуры
Хабаровский государственный университет экономики и права

В данной статье автор, на основании анализа существующей практики, раскрывает существующие проблемы деятельности органов прокуратуры по противодействию коррупции, а также предлагает возможные пути совершенствования такой деятельности. Автором сделан особый акцент на борьбе с коррупционными проявлениями в правоохранительной системе России.

Ключевые слова: прокуратура, коррупция, государство, законодательство, закон, Российская Федерация.

Прокуратура, являясь важным государственно-правовым институтом по противодействию коррупции, обладает широким спектром надзорных полномочий. К компетенции прокуратуры отнесен надзор за соблюдением антикоррупционного законодательства, контроль исполнения требований, предъявляемых к поведению и действиям должностных лиц, при наличии конфликта интересов; надзор за полнотой и достоверностью сведений о доходах и расходах чиновников и членов их семей; за выполнением государственными служащими запретов и ограничений. Кроме того, у прокуратуры также наделены особыми полномочиями по применению способов административного принуждения, а также по осуществлению антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов.

Генеральная прокуратура в качестве приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов по борьбе с коррупцией определила следующие: повышение качества и эффективности следствия и дознания; усиление прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов следствия и дознания; повышение эффективности сотрудничества следователей, дознавателей, прокуроров при выявлении и расследовании коррупционных преступлений; согласованность деятельности всех правоохранительных органов.

На сегодняшний день прокуратурой РФ проводится системный анализ и мониторинг состояния законности, в том числе в сфере исполнения и соблюдения законодательства о государственной и муниципальной службе и антикоррупционного законодательства. Прокуратура на регулярной основе обобщает имеющиеся в ее распоряжении статистические данные, а также информационно-аналитические материалы в данной сфере, на основании которых

проводится активная разработка мер по усилению эффективности прокурорского надзора и координирования деятельности правоохранительных органов. Прокуратура занимает центральное место в системе противодействия коррупции, однако, на мой взгляд, представляется целесообразным наладить в этой сфере более тесное ее сотрудничество с другими правоохранительными органами, и в целом со всем государственно-правовым механизмом. Кроме того, повышению эффективности антикоррупционной деятельности прокуратуры будет способствовать привлечение к этой борьбе представителей общественности, создание общественных комиссий и советов, всесторонняя поддержка общественного контроля над деятельностью государственных органов [4].

По моему мнению, деятельность прокуратуры по противодействию коррупции можно условно разделить на несколько уровней. Квалифицирующим параметром для такого деления могут выступать методы противодействия коррупции.

Так, 1-й уровень заключается в деятельности прокуроры по противодействию коррупции на этапе принятия нормативно-правовых актов. Ключевым звеном данного уровня является проводимая прокуратурой антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов. Посредством этого этапа реализуется превентивная функция прокуратуры, осуществляется профилактика совершения коррупционных деяний.

2-й уровень — реагирование на непосредственные проявления коррупции. В рамках данного уровня прокуратура принимает и обрабатывает обращения граждан по фактам совершения правонарушений коррупционной направленности, применяет меры прокурорского реагирования, проводит проверки, обращается в компетентные

органы и так далее. Кроме того, существенная функциональная нагрузка возложена на правоохранительные органы, осуществляющие оперативно-розыскные мероприятия, надзор за деятельностью которых является еще одной функцией прокуратуры на этой стадии.

3-й уровень — борьба с коррупцией на стадии проведения предварительного следствия и дознания по уголовным делам, коррупционной направленности. Надзор за исполнением законов Следственным комитетом РФ, который осуществляет следствие, в том числе и по делам коррупционной направленности, возложен на Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров на основании полномочий, предоставленных федеральным законодательством.

4-й уровень — поддержка государственного обвинения в суде в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, а также на основании закона «О прокуратуре РФ» [3].

Относительно борьбы с коррупцией непосредственно в правоохранительных органах, важно отметить, что причиной передачи полномочий по расследованию дел отдельному органу — следственному комитету — был тот факт, что ранее прокуратура, осуществляя функции следствия, самостоятельно осуществляла надзор за ним. Такая двойственная компетенция предоставляла возможность для существования протекционизма и попустительства. На сегодняшний день уголовное дело, при наличии соответствующих оснований, может быть возбуждено в отношении работника Следственного комитета РФ, равно как и в отношении прокурорского работника, при этом такое дело возбуждается и расследуется следователями СК РФ, а надзор за законностью следствия осуществляется прокуратурой.

Факты коррупции в правоохранительных органах, в том числе в органах прокуратуры, могут быть устранены исключительно путем принятия следующих мер: проведения оптимизации системы правоохранительных органов с целью устранения необоснованного дублирования функций и полномочий; соблюдение в правоохранительных органах принципа специализации, при этом необходимо стремиться к повышению уровня профессионализма сотрудников; установление достойного уровня оплаты труда работников правоохранительных органов, оптимизация их числа и усиление их ответственности.

Деятельность по искоренению коррупции в правоохранительной системе должна базироваться на принципах гласности и прозрачности работы правоохранительных органов. Однако важно отметить, что применение данных принципов должно находиться в прямой зависимости от критериев разумности и целесообразности, и ни в коем случае не иметь отрицательного влияния на исполнение функций правоохранительных органов. Кроме того, видится необходимым изменение идеологии работы правоохранительной системы с карательной на правозащитную [5].

Совершенствование технической оснащенности правоохранительных органов, внедрение в их работу новейших и эффективных информационных технологий также будет способствовать совершенствованию деятельности по противодействию коррупции. Кроме того, невозможно отрицать важность налаженного международного информационного обмена: заключение международных соглашений о проведении совместных оперативных мероприятий; о взаимной правовой помощи, в том числе связанной с выдачей лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование, получения информации о банковских счетах, доступа к ним и возможности наложения на них ареста.

На мой взгляд, положительного эффекта можно добиться путем проведения массовых стажировок российских специалистов в странах, успешно реализовавших программу борьбы с коррупцией. Ну и, конечно, весомую роль сыграет издание современной учебной и методической литературы по борьбе с коррупцией для студентов юридических специальностей. Процесс борьбы с коррупцией осложняется целым рядом причин различного характера: морально-нравственными, политическими, демографическими, финансовыми и, конечно, правовыми. Поскольку коррупция представляет собой системное явление, меры борьбы с ней, не могут ограничиваться только юридическими. На сегодняшний день приоритетной, на мой взгляд, задачей органов прокуратуры по противодействию коррупции становится правовое антикоррупционное просвещение. Очевидной представляется недостаточность исключительно законодательных запретов в деле борьбы с коррупцией как с глобальным явлением. Именно поэтому, задача по изменению отношения, как общества, так и самих чиновников к коррупционным процессам приобретает особую значимость.

Данный вопрос особо актуален в субъектах РФ в силу ряда особенностей национального и регионального характера, менталитета. Исходя из вышеизложенного, для эффективного противодействия коррупции и влияния на ее детерминанты требуется проведение длительной, последовательной работы, важнейшую роль в которой должна играть прокуратура. Кроме того, работа прокуратуры должна быть конструктивной, с продуманной позицией и стратегическим направлением, чтобы не воспроизвести опыт советской прокуратуры периода застоя, когда прокурорский надзор осуществлялся буквально за всем, включая вопросы расписания отправки и прибытия железнодорожных составов.

По данным Transparency International Россия по-прежнему занимает место в нижней части рейтинга восприятия коррупции, что крайне негативно сказывается, как на социально-экономическом развитии и повышении инвестиционной привлекательности нашей страны, так и на общем доверии граждан к серьезности усилий власти по противодействию коррупции.

Коррупционное бремя чрезмерно для российской экономики и ломает ей хребет, наносит вред интересам всего государства, подрывает авторитет власти и законов, а,

либерализация наказаний за коррупцию не работает должным образом. Об этом заявил Владимир Путин на заседании Совета по противодействию коррупции в октябре 2013 г. Президент отметил, что только 8% взяточников осуждены к реальным срокам лишения свободы.

Конкретные направления деятельности прокуратуры по предупреждению и борьбе с правонарушениями коррупционной направленности определены в программных документах и законодательных актах, принятых в последние годы. Закон о противодействии коррупции обязывает прокуроров в пределах своих полномочий координировать деятельность органов внутренних дел Российской Федерации, органов федеральной службы безопасности, таможенных органов Российской Федерации и других правоохранительных органов по борьбе с коррупцией. Реагирование на вскрытые правонарушения выглядит следующим образом: прокурор или его заместитель приносит протест на противоречащий закону правовой акт в орган или должностному лицу, которые издали этот акт, либо в вышестоящий орган или вышестоящему должностному лицу, либо обращается в суд; прокурор, исходя из характера нарушения закона должностным лицом, выносит мотивированное постановление о возбуждении производства об административном правонарушении; при выявлении в ходе проверок нарушений закона, не носящих уголовно- или административно-наказуемый характер, прокурор вносит представление об устранении нарушений закона в орган или должностному лицу полномочным устранить допущенные нарушения; в целях предупреждения правонарушений и при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях прокурор направляет в письменной форме должностным и иным лицам предостережение о недопустимости нарушения закона. В случае неисполнения требований, предусмотренных в предостережении, должностное лицо может быть привлечено к ответственности.

Прокурорам принадлежит организующая роль в координации деятельности правоохранительных органов, вменено осуществление надзора за исполнением законов участниками координационной деятельности, законностью ведения ими борьбы с коррупцией. Для достижения целей и задач координационной деятельности ее участники используют различные формы взаимосогласованных совместных действий, определенных Положением о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Наиболее значимыми и распространенными на наш взгляд являются организация и проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, создание и функционирование межведомственных рабочих групп. Следует заметить также, что на органы прокуратуры, наряду с координацией борьбы с преступностью, возлагаются и полномочия по профилактике и предупреждению преступности. Эти нормы закреплены в статьях 4 и 5 Закона о противодействии коррупции [2].

Осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. На эффективность поддержания государственного обвинения влияет ряд факторов, среди которых правильно организованное взаимодействие государственных обвинителей со следователями и эффективность назначенного наказания. Следует признать, что коррумпированные должностные лица часто скрывают свои активы под именами своих родственников, супругов и других лиц. В связи с этим в качестве дополнительного наказания к осужденным за коррупционное преступление предлагается применять конфискацию семейного имущества. Такой опыт использовался в Италии в борьбе с организованной преступностью и оказался весьма эффективным. Благодаря этому опыту удалось снизить политическое влияние мафии на севере и юге Италии. В 1999 г. Россия присоединилась к Конвенции ООН об уголовной ответственности за коррупцию, а в 2003 году подписала Конвенцию против транснациональной организованной преступности. Обе эти Конвенции предусматривают выявление, розыск, наложение ареста и конфискацию орудий, имущества, доходов полученных от коррупции. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции [1] России конфискация в УК должна быть. Следует ужесточать уголовное законодательство, конфисковывать семейное имущество коррупционеров, оставляя им при этом социальный минимум и применять в качестве наказания реальные сроки лишения свободы. Необходимо формировать в сознании общества, что воровать у общества и государства, это не только не престижно, но и позорно.

Государство и общество заинтересованы в наибольшей эффективности деятельности прокуратуры, которая приводила бы к реальным позитивным изменениям в сфере законности и правопорядка. На мой взгляд, такой эффективности будет способствовать появление специализированной прокуратуры, к компетенции которой будет отнесен вопрос противодействия коррупции, наряду с существующими специальными прокуратурами. Требования к кадровому составу в прокуратуре, специализирующейся на противодействии коррупции должен быть особо жестким, а контроль ее деятельности должен осуществляться исключительно генеральной прокуратурой, чтобы исключить возможность оказания давления на нее со стороны любых других органов, в том числе органов прокуратуры субъектов Российской Федерации. Эффективность деятельности такой прокуратуры должна обеспечиваться особым профессионализмом ее сотрудников, наличием у них богатого опыта работы в сфере борьбы с коррупцией и отличной, не омраченной никакими сомнительными фактами, репутации.

Вышеизложенные предложения, как представляется, должны дать возможность прокуратуре, совместно с другими правоохранительными органами в итоге более системно организовать противодействие коррупции по всем направлениям.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)//Собрание законодательства РФ, 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ // «Российская Газета», 2008. № 266. Ст. 1.
3. Федеральный закон от 17.01.1992 «О прокуратуре Российской Федерации» № 2202—1 // «Собрание законодательства РФ», 1995. № 47. Ст. 4472.
4. Григоров, К. А. Функции и направления деятельности прокуратуры Российской Федерации в современных условиях//«Черные дыры» в Российском законодательстве — М.: Компьютерный Аудит, 2016. 277 с.
5. Сатаров, Г. А. О коррупции в России // Известия — 2017, 113 с.

К вопросу несоблюдения поднадзорными лицами административных ограничений и невыполнения установленных обязанностей

Кишмирян Женья Рустамовна, студент
Тюменский государственный университет

В статье рассматриваются вопросы несоблюдения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, административных ограничений и невыполнения ими установленных при административном надзоре обязанностей. Представлены отдельные проблемы применения законодательно определенных предупредительных мер в этой сфере и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: административный надзор, лица, освобожденные из мест лишения свободы, поднадзорные лица, ограничения, территориальный орган внутренних дел, административная ответственность, уголовная ответственность.

Основным документом, регламентирующим процесс осуществления административного надзора за лицами, которые отбыли наказание в виде лишения свободы, является Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее — Закон № 64-ФЗ) [1].

Закон № 64-ФЗ устанавливает ряд ограничений при наличии оснований (перечислены в ст. 3 Закона № 64-ФЗ и ст. 173.1 УИК РФ [2]) в отношении совершеннолетних лиц, ранее совершивших преступления и отбывших наказание, но фактически не вставших на путь исправления. По сути, эти ограничения направлены на недопущение рецидива и на исправление таких лиц, а также на обеспечение общественного порядка и общественной безопасности [3, с. 368].

Так, обязательным ограничением является явка поднадзорных лиц для регистрации в территориальный орган внутренних дел с периодичностью от одного до четырех раз в месяц. Кроме того, к административным ограничениям законодателем отнесены следующие запрещения в отношении поднадзорных лиц: пребывание в определенных местах; посещение мест проведения массовых и иных мероприятий, а также участие в них; нахождение вне помещения — места жительства или пребывания поднадзор-

ного лица, в определенное время суток; выезд за пределы территории, определенной судом.

Инициатором назначения надзора за лицами, отбывшими наказание в местах лишения свободы, может быть исправительное учреждение либо территориальный орган внутренних дел. Надзор устанавливается, продлевается и досрочно прекращается только по решению суда в порядке, установленном главой 29 КАС РФ [4]. Следует отметить, что административный надзор устанавливается на срок от одного года (но не более срока погашения судимости). Статьями 5 и 7 Закона № 64-ФЗ предусмотрено продление срока административного надзора до 6 месяцев.

Существует ряд случаев, когда течение срока административного надзора прерывается, в том числе: при объявлении поднадзорного лица в розыск или заключении его под стражу, а также при объявлении поднадзорного лица безвестно отсутствующим.

Контроль за выполнением установленных судом ограничений в отношении поднадзорного лица осуществляется территориальным органом внутренних дел.

В силу ч. 1 ст. 9 Закона № 64-ФЗ по истечении срока надзора, при снятии судимости с поднадзорного или наоборот его осуждение к лишению свободы, а также объявлении поднадзорного умершим или его смерти административный надзор прекращается.

При условии соблюдения поднадзорным всех условий ограничения и иных обязанностей, установленных Законом № 64-ФЗ, а также при наличии положительных характеристик с места работы и (или) жительства или пребывания, судом может быть прекращен административный надзор досрочно. Для этого территориальный орган внутренних дел либо сам поднадзорный вправе обратиться в суд с соответствующим заявлением после истечения половины срока административного надзора. Однако досрочное прекращение срока надзора не осуществляется в отношении лиц, отбывших наказания за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего.

В то же время, при несоблюдении административных ограничений и невыполнении поднадзорным лицом установленных при административном надзоре обязанностей ч. 1 и 2 ст. 19.24 КоАП РФ предусматривается административная ответственность в виде предупреждения, штрафа в размере от 500 руб. до 1500 руб. или административного ареста на срок до пятнадцати суток. При повторном в течение одного года совершении административного правонарушения, которое указано в ч. 1 ст. 19.24 КоАП РФ поднадзорное лицо может быть привлечено к обязательным работам до сорока часов или административному аресту от десяти до пятнадцати суток [5].

Отметим, с одной стороны, меры административного принуждения применяются в целях предупреждения и пресечения административных правонарушений. С другой стороны, они выполняют карательную функцию [6, с. 586].

Однако если рассмотреть влияние мер административной ответственности, установленных ст. 19.24 КоАП РФ, с точки зрения их психологического воздействия, к примеру, на поднадзорных лиц, которые отбыли наказание в колонии особого режима в течение 10–15 лет, то они (меры), полагаем, ни в коей мере не достигают предупредительной и пресекающей цели. Достаточно слабым будет и их карательное воздействие на таких лиц.

Кроме того, недостаточной мерой является и продление срока административного надзора. Данная мера подлежит применению в случае совершения поднадзорным двух и более административных правонарушений в течение одного года. Причем здесь берется во внимание совершение административных правонарушений именно против порядка управления и (или) тех, которые посягают на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность (ст. 7 Закона № 64-ФЗ).

Эффективность данной меры может наблюдаться только в случае применения ее к тем поднадзорным лицам, которым срок административного надзора установлен меньше срока погашения судимости. При установлении срока надзора равного сроку погашения судимости, в силу ст. 5 и 9 Закона № 64-ФЗ, продление его не представляется возможным. Соответственно, данная мера не применима к лицам, представляющим большую опасность для

общества (например, к неоднократно судимым лицам при опасном или особо опасном рецидиве).

Вероятно, требуется некоторое ужесточение ответственности за нарушения в сфере административного надзора. В 2014 г. уже были внесены изменения в ст. 314.1 УК РФ [7], связанные с введением в нее ч. 2, содержащей уголовную ответственность за неоднократное несоблюдение поднадзорными лицами административных ограничений либо ограничений, которые установлены судом, связанное с совершением ими административного правонарушения против порядка управления (кроме правонарушения, установленного ст. 19.24 КоАП РФ), или административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность [8].

При совершении указанных деяний к поднадзорным лицам может быть применено уголовное наказание в виде штрафа до 60 тыс. руб. либо в размере заработной платы (иного дохода осужденного) за период до 6 месяцев, или обязательными работами от 100 до 180 часов, или принудительными работами на срок до одного года, или арестом до 6 месяцев, или лишением свободы на срок до одного года.

В силу ст. 314.1 УК РФ неоднократным несоблюдением поднадзорным лицом административных ограничений либо ограничений, которые установлены судом, будет считаться такое несоблюдение, когда данное лицо уже раньше было привлечено к административной ответственности за подобное деяние два раза в течение одного года.

В настоящее время также видится целесообразность включения в ст. 314.1 УК РФ дополнительной нормы, которая бы предусматривала ответственность за систематическое несоблюдение административных ограничений поднадзорным лицом.

При этом к систематическому несоблюдению административных ограничений поднадзорным лицом, полагаем, следует относить такое несоблюдение, за которое данное лицо уже раньше привлекалось к административной ответственности в течение одного года более двух раз.

Увеличение санкций за подобные деяния позволит в какой-то степени приблизиться к решению проблемы в сфере нарушения условий административного надзора. Однако не на всех поднадзорных лиц данная мера окажет должное влияние. Вероятно, более действенным было бы применение мер социальной направленности, связанных с адаптацией лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Основанием данного предположения является то, что лица, которые на протяжении долгого времени находятся в местах лишения свободы: во-первых, подвергаются влиянию тюремной субкультуры; во-вторых, зачастую теряют семью и жилье, отторгнуты прежним кругом общения; в-третьих, утрачивают социально полезные связи. К перечисленному следует дополнить еще и трудности, связанные с финансовым кризисом в стране. Все это при-

водит к тому, что такие лица, выходя из мест заключения, самостоятельно не имеют возможности решения обычных бытовых проблем, а, как следствие, идут на совершение правонарушений и преступлений, впоследствии возвращаясь в привычную для них тюремную среду.

Думается, что в настоящее время было бы целесообразно создание реабилитационных центров для поднадзорных лиц, где они бы находились под административным надзором территориальных органов внутренних дел. В то же время, поднадзорные на определенный период были бы обеспечены местом для проживания, получили бы помощь в трудоустройстве и социальном обеспечении, возможность получения необходимых профессиональных навыков.

Причем большую роль в достижении положительного эффекта от осуществления мероприятий по адаптации поднадзорных лиц сыграла бы именно помощь в их трудоустройстве. При решении вопросов трудоустройства территориальному органу внутренних дел следует и в дальнейшем (до окончания срока административного надзора) продолжать сотрудничество с администрацией-работодателем (например, производить взаимный обмен информацией, согласованность действий). Это поможет своевременно отреагировать на возникающие отклонения в поведении поднадзорных лиц от нормы и позволит принять необходимые меры для стабилизации ситуации.

Применение мер по социальной адаптации позволило бы смягчить переход таких лиц из тюремной среды в реальную действительность. Административный надзор в совокупности с пребыванием в таком центре помог бы им социально адаптироваться, отвлечь их от дальнейшего совершения правонарушений и преступлений, встать твердо на путь исправления.

Однако отметим, что на современном этапе отсутствует необходимая нормативно-правовая база, которая регулировала бы вопросы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Единственным законом, который содержит нормы, касающиеся оказания

помощи таким лицам, является УИК РФ. Этому вопросу посвящена глава 22, включающая всего 4 статьи, 3 из них — по вопросам оказания помощи. Данные статьи носят бланкетный характер. Так, ст. 181 УИК РФ отсылает нас к Постановлениям Правительства РФ от 24 октября 1997 г. № 1358 «О порядке обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда к месту жительства осужденных, освобождаемых от отбывания наказания» [9] и от 25 декабря 2006 г. № 800 «О размере единовременного денежного пособия, которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы» [10], а ст. 182 УИК РФ — к ТК РФ [11] и иным нормативным правовым актам.

Соответственно, УИК РФ не относит к предмету уголовно-исполнительного законодательства отношения по социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В нем также не содержатся нормы по социальной помощи, трудоустройству, бытовому устройству и получению другой социальной помощи в соответствии с федеральным законодательством.

Таким образом, в целях решения проблем, связанных с профилактикой нарушений условий административного надзора поднадзорными лицами, полагаем, было бы целесообразно: во-первых, включить в ст. 314.1 УК РФ дополнительную норму, предусматривающую уголовную ответственность за систематическое несоблюдение административных ограничений поднадзорными лицами; во-вторых, разработать нормативно-правовую базу по регулированию вопросов социальной адаптации таких лиц; в-третьих, создать социально-реабилитационные центры для оказания комплекса необходимой помощи поднадзорным лицам.

Для решения проблемных вопросов требуется сделать еще очень многое как в плане совершенствования нормативно-правового регулирования, так и в плане практического воплощения новых законодательных норм по адаптации освободившихся лиц.

Литература:

1. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (в ред. от 28 декабря 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
3. Васильев, В. П., Полежаев С. М. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы в России и зарубежных странах // Научные исследования: от теории к практике. — 2015. — № 2 (3) — Т. 2. — с. 367–372.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 13 апреля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 17 апреля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Россинский, Б. В. Административное право: учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. — 4-е изд., пересм. и доп. — М.: Норма, 2009. — 927 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ (в ред. от 17 апреля 2017 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 514-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1 (ч. 1). Ст. 67.
9. О порядке обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда к месту жительства осужденных, освобождаемых от отбывания наказания: Постановление Правительства РФ от 24 октября 1997 г. № 1358 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 44. Ст. 5074.
10. О размере единовременного денежного пособия, которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы: Постановление Правительства РФ от 25 декабря 2006 г. № 800 (в ред. от 3 ноября 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 2). Ст. 258.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Вопросы разграничения гражданско-правовой ответственности в случае авиакатастрофы

Котина Илона Дмитриевна, студент

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматривается современное состояние и основные проблемы разграничения гражданско-правовой ответственности авиаперевозчика в случае авиакатастрофы. В работе представлен анализ существующих механизмов компенсации жертвам авиакатастроф, возмещения убытков за утрату багажа и груза. По мнению автора, ожидаемым результатом публикации статьи является оптимизация базовых подходов законодателя к практике разграничения гражданско-правовой ответственности авиаперевозчика.

Ключевые слова: правовая ответственность, моральный вред, авиационное происшествие, перевозчик, Российская Федерация, случай авиакатастрофы, повышенная опасность, воздушный транспорт, ГК РФ.

Российская Федерация проявляет наибольшую заинтересованность в удовлетворении разнообразных потребностей граждан, в том числе потребностей в услугах. Развитие транспортной инфраструктуры, являясь одной из главных задач экономики страны, способствует росту и продвижению сферы услуг.

Воздушный транспорт считается одним из самых востребованных видов транспорта и имеет ряд значительных преимуществ. Основным преимуществом является, несомненно, скорость передвижения, позволяющая пересекать огромные расстояния без значительной траты времени. Также он имеет неограниченный радиус действия, что проявляется в возможности выбора маршрута до любой точки мира, куда не всегда можно добраться иным видом транспорта.

Как правовое государство, Российская Федерация определяет приоритетным направлением своей деятельности обеспечение безопасности воздушных перевозок. Это связано с тем, что Конституция РФ устанавливает высшей ценностью право на жизнь, здоровье и достоинство человека и гражданина [5]. Как известно, авиакатастрофы, в большинстве случаев, приводят к серьезным последствиям, таким как смертельные травмы пассажиров и экипажа, причинение тяжкого вреда здоровью, а также значительный ущерб имуществу. Именно поэтому

государство обязано обеспечивать эффективную охрану и защиту авиаперевозок.

В настоящее время складывается сложная ситуация с обеспечением безопасности воздушных перевозок, что напрямую связано с общим состоянием авиатранспорта, которое оставляет желать лучшего.

Авиационный транспорт занимает лидирующие позиции по количеству жертв и пострадавших. С каждым годом в Российской Федерации увеличивается объем воздушных перевозок примерно на 10 %, и при этом у многих российских авиакомпаний случаи крушения в течение многих лет работы не зафиксированы. Однако по статистическим данным России в гражданской авиации все же зафиксировано достаточное количество авиакатастроф. Несмотря на сделанные выводы на начало 2018 года о том, что «число авиакатастроф в России за год сократилось на 53 %, а гибель людей в результате авиакатастроф — на 81,1 %» [8], авиационные происшествия имеют место быть. Поэтому сложившаяся ситуация заставляет ученых и специалистов различных областей знаний заниматься исследованием причин авиакатастроф, чтобы сократить их количество до минимума.

Проблема гражданско-правовой ответственности является дискуссионным и одним из самых сложных вопросов в отрасли гражданского права. Большинство

ученых — цивилистов подходят к определению понятия гражданско-правовой ответственности по — разному и, как правило, сужают его смысл в рамках определенного объекта исследования в области гражданского права. Например, О.С. Иоффе считал, что гражданско-правовая ответственность — это санкция за нарушение гражданских прав, обеспеченная убеждением и государственным принуждением или его возможностью [4, с. 17]. Гражданско-правовая ответственность в широком смысле — это вид юридической ответственности, которая состоит в обязанности субъекта иметь неблагоприятные последствия имущественного характера, направленные на восстановление нарушенных имущественных и связанных с ними личных неимущественных прав потерпевшего.

Для наступления гражданско-правовой ответственности необходимо наличие ряда условий:

1. Наличие ущерба у потерпевшего;
2. Совершенное деяние должно быть противоправным;
3. Причинно-следственная связь между деянием и последствиями;
4. Наличие вины.

Вина при совершении противоправного деяния может проявляться в форме умысла или неосторожности. Стоит отметить, что гражданско-правовая ответственность может наступить без наличия вины. Так, при причинении вреда источником повышенной опасности установление вины не требуется. Если же вред причинен несколькими источниками повышенной опасности, но наличие вины уже будет являться необходимым условием для наступления гражданско-правовой ответственности. Например, при авиакатастрофе двух воздушных судов путем их столкновения, ответственность будет распределена между владельцами с учетом степени их вины и, следовательно, возмещение убытков будет рассчитано по такой же системе. Если степень вины установить невозможно, то владельцы воздушных судов несут ответственность, которая разделена поровну [2].

Под источником повышенной опасности следует понимать не только объект деятельности, т. е. вещь, но и саму деятельность — действие или бездействие владельца источника повышенной опасности. Ответственность за вред, причиненный одним источником повышенной опасности, является особым случаем внедоговорной (деликтной) ответственности. Владелец данного источника обязан в полной мере возместить вред, причиненный жизни и здоровью лица в соответствии с гражданским законодательством РФ [3].

Стоит также затронуть вопрос самого понятия «авиакатастрофа». Что же это такое? Легальное понятие авиакатастрофы отсутствует. Поэтому необходимо рассмотреть такие смежные понятия, как «катастрофа», «авария», «авиационное происшествие», которые указаны в воздушном законодательстве Российской Федерации.

Авария (от итал. *avaria* — повреждение, ущерб) — это «выход чего-либо из строя, нарушение нормального ритма работы» [1, с. 8]. В Постановление Правительства РФ

от 02.12.1999 № 1329 «Об утверждении правил расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами Российской Федерации» говорится, что катастрофа — это авиационное происшествие с человеческими жертвами [7]. Под авиационным происшествием понимается определенное событие, которое непосредственно связано с воздушным судном и которое приводит к одному из следующих последствий:

— Хотя бы один человек на борту воздушного судна погиб или получил серьезный вред здоровью, который в течение 30 суток привел к смерти;

— Воздушное судно было повреждено и совершило посадку на местность, где данное действие является технически нецелесообразным;

— Хотя бы один человек на борту пропал без вести, а в последствии был признан умершим [7].

Кроме того, стоит обратить внимание, что временные рамки авиационного происшествия, которые указаны в Постановлении, отсчитываются с момента, когда лицо вступило на борт с целью совершения полета, до момента, когда все лица, находившиеся на борту, покинули авиатранспорт [7].

Таким образом, на основе вышеизложенного можно прийти к выводу, что авиакатастрофой признается юридический факт, произошедший с воздушным транспортом во время полета, повлекший причинение вреда жизни и здоровья пассажиров и летного экипажа, признание их безвестно отсутствующими при разрушении, утрате или повреждении транспорта.

Порядок установления ответственности перевозчика перед пассажиром установлен в законодательстве РФ, международных договорах РФ, а также в договоре о воздушной перевозке пассажира, груза или почты. Вопросы разграничения пределов гражданско-правовой ответственности воздушного перевозчика в Российской Федерации установлены Воздушным кодексом Российской Федерации (далее — ВК РФ). Стоит отметить, что в случае противоречия между международным договором РФ и ВК РФ, применяются правила международного договора РФ.

В соответствии с ВК РФ имущественную ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью пассажира, а также за вред, причиненный имуществу третьих лиц, несет владелец воздушного судна. Ст. 117 ВК РФ подробно раскрывает сущность воздушной перевозки, которая включает в себя «период нахождения пассажира на борту судна, период посадки пассажира на борт воздушного судна и период высадки пассажира с борта воздушного судна» [2].

Немаловажным способом защиты прав человека и гражданина является компенсация морального вреда. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ), в частности, ст. 151, определяет моральный вред как физические и нравственные страдания, которые причиняют потерпевшему лицу.

Согласно ст. 1100 ГК РФ одним из оснований компенсации морального вреда является причинение вреда жизни и здоровью гражданина источником повышенной опасности, к которому, как уже было сказано, относится воздушное судно. При наличии данного основания компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя. В случае авиакатастрофы гибель людей происходит в момент осуществления воздушной перевозки, поэтому компенсация морального вреда будет взыскиваться с владельца воздушного судна.

На практике часто бывают случаи, когда судьи отказывают гражданам в исках, которые были поданы на авиакомпанию, аргументируя это тем, что согласно ст. 151 ГК РФ суд может возложить обязанность компенсации морального вреда на пилота или на иного нарушителя, если его вина будет доказана. А с юридического лица, т. е. авиакомпании — владелицы воздушного судна, можно требовать компенсацию морального вреда только в случае, если это предусмотрено трудовым договором, заключенным между пилотом и владельцем судна.

Чтобы в судебной практике было меньше спорных моментов относительно подобных ситуаций, разумным решением будет внести поправку в ст. 117 ВК РФ, в которой бы говорилось о наличии права обратного требования (регресса) у владельца воздушного судна. Данная поправка поможет избежать трудностей, связанных с поиском виновного, с проверкой его платежеспособности и т. п.

Причинение серьезного вреда жизни и здоровью, утрата близких людей влекут за собой душевных переживания и психологические расстройства, которые и являются моральным вредом. Размер компенсации морального вреда определяется степенью физических и нравственных страданий потерпевшего или родственников потерпевшего (в случае летального исхода авиакатастрофы). Принцип справедливости и разумности является основным звеном в определении степени страданий. При вынесении решения суд должен учитывать тот факт, что речь идет не об определении стоимости человека, а только о денежной компенсации морального вреда, который был нанесен истцу. Кроме того, в ст. 1101 ГК РФ говорится о том, что фактические обстоятельства произошедшей авиакатастрофы и индивидуальные особенности потерпевшего также влияют на определение степени физических и нравственных страданий.

Также необходимо выделить следующий важный момент: размер компенсации морального вреда является частью общего счета возмещения вреда, который составляет два миллиона рублей (ст. 117 ВК РФ). Как правило, исходя из судебной практики, при авиакатастрофах, повлекших гибель людей, размер компенсации морального вреда составляет большую часть общей суммы возмещения.

Таким образом, компенсация морального вреда является важной частью гражданско-правовой ответственности в случае авиакатастрофы и предназначена для защиты личных неимущественных благ граждан.

Существует еще ряд случаев, часто возникающих на авиационном транспорте и приводящих к гражданско-правовой ответственности в случае авиакатастрофы. К ним относятся: утрата, недостача или повреждение багажа, груза, а также ручной клади; совершение акта терроризма на воздушном судне; авиакатастрофа, произошедшая с участием иностранных граждан на территории Российской Федерации и т. д.

Стоит остановиться более подробно на гражданско-правовой ответственности в случае утраты или повреждения багажа и рассмотреть наиболее спорные моменты, которые могут встречаться на практике.

В соответствии с п. ст. 118 ВК РФ ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа или груза несет перевозчик после принятия их к воздушной перевозке и до выдачи грузополучателю или до передачи их согласно установленным правилам другому гражданину или юридическому лицу в случае, если не докажет, что им были приняты все необходимые меры по предотвращению причинения вреда или такие меры невозможно было принять [2]. Кроме того, перевозчик несет ответственность за сохранность вещей, которые находятся при пассажире, если не докажет невозможность предотвращения независимых от него обстоятельств, которые привели в данному последствию. Также перевозчик может доказать факт утраты или повреждения багажа за пределами воздушного судна, что автоматически освободит его от ответственности. Однако нельзя не обратить внимания на достаточно тонкий момент разграничения гражданско-правовой ответственности, указанный в п. 3 ст. 118 ВК РФ, из текста которого можно предположить, что если владелец воздушного судна докажет, что утрата или повреждение груза произошли неумышленно, то это может снять с него ответственность. Но гражданское законодательство РФ требует от перевозчика принятия всех необходимых мер для обеспечения сохранности груза. Таким образом, отсутствие умысла у владельца не является основанием освобождения его от ответственности.

На современном этапе, на наш взгляд, законодатель при создании нормативных правовых актов допускает некоторые упущения. Качественная характеристика и юридическая техника создаваемых актов оставляет желать лучшего, поскольку наблюдается их несоответствие друг другу.

Транспортные уставы и кодексы идут в противовес Гражданскому кодексу РФ, что приводит к значительному количеству коллизий и споров в практической деятельности судебной власти. А также они перегружены отсылочными нормами к правилам перевозок и иным подзаконным нормативным актам [6, с. 14].

В связи с этим, п. 3 ст. 118 ВК РФ следовало бы иметь более корректную формулировку: «Перевозчик несёт ответственность за утрату, недостачу или повреждение (порчу) багажа или груза, если не докажет, что они явились результатом действий, которые перевозчик не мог предотвратить и устранить либо произошли за пределами воздушного судна»

Непосредственно в случае авиакатастрофы перевозчик несёт гражданско-правовую ответственность за утрату или повреждение груза в следующих размерах, установленных в ст. 119 ВК РФ:

— Если установлена ценность утраченных вещей, то в размере соответствующей ценности

— Если ценность утраченных вещей не установлена, то в размере их стоимости, которая, однако, не должна превышать шестисот рублей за один килограмм багажа

— За утрату ручной клади устанавливает возмещение в размере их стоимости; если оно не представляется возможным, то возмещение не должно превышать одиннадцати тысяч рублей

Следует также упомянуть о способе определения стоимости утраченного или повреждённого груза. При наличии чека или соответствующего договора стоимость устанавливается на их основе. Если же подтверждающие доку-

менты отсутствуют, то стоимость определяется по аналогии с вещью той же категории в местности, где должны были выдать груз или багаж.

Таким образом, обобщая все вышесказанное, стоит отметить, что основной целью совершенствования воздушного законодательства является устранение как несоответствий внутренних норм между собой, так и противоречия последних международным нормам. Это позволит на практике избежать трудностей, связанных с разграничением гражданско-правовой ответственности в случае авиакатастрофы.

И наконец, развитие института гражданско-правовой ответственности связано, в первую очередь, с необходимостью обеспечения безопасности перевозок на воздушном транспорте гражданской авиации в Российской Федерации.

Литература:

1. Барихин, А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь / А. Б. Барихин. — М., 2. Воздушный кодекс Российской Федерации [Принят Гос. Думой 19.03.1997 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.08.2018] // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 12. Ст. 1383.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая — четвертая: [Принят Гос. Думой 23 апреля 1994 года, с изменениями и дополнениями по состоянию на 10 апреля 2009 г.] // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 22. Ст. 2457.
3. 2003. — 719 с.
4. Иоффе, О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. — Л., 1955. — 533 с.
5. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 15. Ст. 1691
6. Молчанов, В. В. Нормативно-правовое регулирование воздушных перевозок / В. В. Молчанов // Законодательство. — 2006. — N 4. — с. 14
7. Постановление Правительства РФ от 2 декабря 1999 г. N 1329 «Об утверждении Правил расследования авиационных происшествий и авиационных инцидентов с государственными воздушными судами в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. N 50. Ст. 6218.
8. Число авиакатастроф в России сократилось более чем вдвое // РИА Новости, 03.01.2018. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/incidents/20180103/1512104829.html> (дата обращения 21.11.2018)

Юридическое лицо как субъект преступления: перспективы развития в современном уголовном праве России

Кристалова Анастасия Александровна, студент
Иркутский государственный университет

Ключевые слова: юридическое лицо, субъект преступления, уголовное право.

В современном уголовном праве возникают многочисленные противоречия в области правоприменения его норм в отношении юридических лиц. С начала 90-х годов прошлого столетия дискуссии о целесообразности введения в российское уголовное право ответственности

юридических лиц ведутся в среде ученых-правоведов в области уголовного права.

В ныне действующий Уголовный кодекс Российской Федерации пытались внедрить ряд проектов вышеназванного института. Но в итоге было решено не включать такие

нормы в Уголовный кодекс РФ и данный вопрос до настоящего времени не урегулирован законодательно и остается предметом спора.

В соответствии со статьей 8 Уголовного кодекса РФ, основанием для привлечения к уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, которые предусмотрены уголовным законодательством. Статья 19 Уголовного кодекса РФ говорит нам, что к уголовной ответственности можно привлечь только вменяемое физическое лицо, достигшее определенной возрастной категории, которая устанавливается к моменту совершения преступления. Так субъект преступления является одним из обязательных составляющих элементов состава преступления. В настоящий момент юридические лица, согласно установленному законодательству, несут только административную и гражданско-правовую ответственность.

На сегодняшний день в доктрине уголовного права выделяются 2 подхода к решению достаточно дискуссионного вопроса о признании юридического лица субъектом преступления: «за» и «против» признания.

Н.А. Лопашенко является противником включения юридического лица как субъекта уголовного права. Ученый аргументирует свое мнение, тем, что согласно отечественному уголовному праву обоснованную личную и виновную ответственность может понести только физическое лицо. Так же еще одним аргументом, выступает, то, что, привлекая юридическое лицо к уголовной ответственности в обязательном порядке, следует установить его психическое состояние и его непосредственное психическое отношение к общественно опасному деянию и его последствиям (как мы видим, данное обязательное правовое действие с юридическим лицом совершить невозможно). Соответственно понимание вины совершения преступления возможно только физическим лицом, определение его психического состояния на момент совершения преступления, из этого следует, что определить виновность юридического лица по данным критериям невозможно. Поэтому признание уголовной ответственности юридических лиц тесным образом связано в уголовном праве с принципом личной ответственности физического лица. Признание юридических лиц субъектами преступления приведет к образованию в уголовном законодательстве 2-х системных принципов и оснований уголовной ответственности; усилить материальную ответственность за незаконную деятельность юридического лица можно в рамках других отраслей права. [1; с. 135].

Ученые деятели, которые допускают привлечение юридических лиц к уголовной ответственности юридическое лицо, считают:

1) политико-экономические и социальное реформирование жизни общества в Российской Федерации не могли не сказаться на деятельности законно зарегистрированных юридических лиц, которая носит криминальный характер;

2) также сторонники данной позиции предлагают заменить их на английские понятия отождествления или идентификацию, отсюда вытекает второй аргумент, он за-

ключается в следующем: что сложная структура управления предприятием затрудняет идентификацию физических лиц, причастных к совершению преступления;

3) юридические лица имеют механизмы сокрытия физических лиц, причастных к совершению преступления;

4) очень часто под уголовную ответственность попадают обычные рядовые служащие, а главные нарушители закона — высокопоставленные должностные лица остаются безнаказанными, и руководят дальше юридическими лицами, в результате развивается преступная деятельность такого предприятия;

5) в связи с отсутствием норм о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц, латентная преступность растет. [5; с. 57]

В связи с большим ростом техногенных аварий на предприятиях, просто невозможно не согласиться с мнением сторонников о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц. Возьмем, к примеру Чернобыльскую катастрофу АЭС. В результате данной аварии материальная ответственность других отраслей права не достигает цели возмещения причиненного ущерба в полном объеме. Просто нереально расценить материальный вред, который причинен гражданам, окружающей среде и экономическим интересам общества. Можно сказать, что данная ответственность малоэффективна. Если привлекать к ответственности только физических лиц, то нет гарантий, что данное юридическое лицо не будет совершать преступления с участием новых физических лиц.

В целях повышения безопасности государства и общества в целом, следует ввести уголовную ответственность для юридических лиц.

Основной функцией введения уголовной ответственности для юридических лиц будет являться исполнение части 2 статьи 43 Уголовного Кодекса РФ, это предупреждение преступлений.

Поскольку преступления, совершаемые юридическими лицами, являются преступлениями против общественной безопасности, соответственно опасность их совершения намного выше, чем общественная опасность административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов.

В случае, если уголовное деяние юридического лица повлекло за собой существенный вред здоровью общества, окружающей среде, смерть человека, или массовую гибель животных, ответственность должна быть реализована в уголовно-правовом порядке.

Штрафы, налагаемые в санкциях уголовного права, в разы больше, чем в других отраслях права.

Во многих зарубежных странах закреплена уголовная ответственность юридических лиц. Уголовная ответственность юридических лиц успешно закреплена в Уголовном кодексе Франции, Испании. Проводя анализ практического применения уголовного права в зарубежных странах, можно выявить определенные закономерности. Отметим, что нормы о привлечении к уголовной ответственности в зарубежных странах закреплены в уголовных законах. Так же в зарубежных странах, применя-

ются специальные нормы права, в которых содержатся основные характеристики уголовной ответственности юридических лиц. [3; с. 105]

На основании вышеизложенного напрашиваются вопросы в доктрине уголовного права Российской Федерации. Возможно ли применение уголовной ответственности к юридическим лицам? Как можно решить проблему с привлечением к уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации?

По мнению Е. А. Антоновой, существует необходимость внести изменения в статью 19 Уголовного кодекса Российской Федерации. В указанную статью следует добавить уголовную ответственность юридических лиц, а также разработать и внести специальную главу о назначении наказаний юридическим лицам.

С. Г. Келина считает, что уголовную ответственность для юридических лиц нужно предусмотреть за преступления, совершаемые против общественной безопасности и человечества. [4; с. 53]

Мнение автора Б. В. Волженкина, заключается в том, что физические лица должны привлекаться к уголовной ответственности, поскольку преступления, совершенные ими всегда осознаны. Юридических лиц тоже следует привлекать к уголовной ответственности, но путем разделения данных субъектов в уголовном праве. [2; с. 199]

Множество мнений различных ученых и правоведов существует о привлечении юридических лиц к уголовной ответственности, а именно вопрос о доказывании вины юридического лица. Основными вопросами привлечения юридических лиц являются следующие: Какое наказание применимо для юридического лица в случае совершения им преступления? За какие именно преступления юридическое лицо будет нести уголовную ответственность? Отвечая на данные вопросы, на наш взгляд, необходимо ввести в уголовное право институт уголовной ответственности юридических лиц. Считаю, что нужно внести изменения в статью 19 Уголовного Кодекса РФ и признать юридическое лицо субъектом преступления.

Одним из мнений специалистов в уголовном праве, является внесение в Уголовный кодекс РФ специального раздела, где будут содержаться нормы и виды преступлений, а также санкции за совершение данных преступлений, предусмотренные для привлечения к уголовной ответственности и наказания юридического лица.

К категориям преступлений, отнесенным к юридическим лицам, можно выделить преступления в экономической сфере, преступления против общественной безопасности, экологические преступления и преступления против жизни и здоровья человека.

Из уголовных наказаний, применяемых к юридическим лицам в Российской Федерации, можно выделить следу-

ющие: конфискация имущества, ликвидация юридического лица, лишение права заниматься основным видом деятельности или иным видом деятельности, штраф, помещение под судебный контроль; приостановление деятельности юридического лица.

Таким образом, в настоящее время данная проблема остается актуальной. Она требует незамедлительного решения со стороны органов законодательной власти. Только путем усовершенствования и реформирования уголовного законодательства, возможно применение уголовного права к юридическим лицам. Я думаю, что внедрение в уголовное право Российской Федерации института уголовной ответственности юридических лиц будет целесообразным и эффективным.

В 2011 году был принят законопроект, который был внесен на рассмотрение Государственной Следственной Комитетом об установлении уголовно-правового воздействия юридических лиц. Указанный законопроект был недостаточно проработан со стороны Следственного комитета, соответственно и не был утвержден. После в законопроект были внесены существенные изменения и дополнения. Судя по содержанию видоизмененного законопроекта, перед его разработчиками были поставлены непростые задачи: 1) закон должен стать эффективной уголовно-правовой мерой противодействия общественно опасной деятельности корпораций; 2) его положения должны быть органично вписаны в конструкцию действующего Уголовного Кодекса РФ, не посягая на концептуальные основы его построения и принципы уголовного законодательства страны и, прежде всего, на принцип индивидуальной и виновной ответственности. Указанный проект можно расценить как бесперспективный, без надлежащих качественных проработок. Сама идея внесения указанного законопроекта была полезным опытом для дальнейших проработок законодательных норм в области привлечения юридических лиц к уголовной ответственности. Безусловно, в будущем следует иметь в виду ранее имеющийся опыт, поскольку в связи с интеграцией России в мировое экономическое пространство она рано или поздно вынуждена будет ввести уголовную ответственность юридических лиц. Следует отметить, что авторы обсуждаемого здесь законопроекта избрали один из возможных вариантов внедрения уголовной ответственности юридических лиц — вариант включения норм об ответственности юридических лиц в уголовное законодательство.

Следует также при введении данного института использовать опыт зарубежных стран в сфере преступления, связанных с коррупцией и разработанные международно-правовые меры является наилучшим примером для нашей страны.

Литература:

1. Бобкина, Н. В. Юридическое лицо как субъект преступления // Межд. Научный журнал «Молодой ученый» ч. 2. — № 52. — 2017. — с. 135

2. Волженкин, Б. В. Юридические лица и их ответственность. М., 2003. с. 199.
3. Демин, С. Г. // О необходимости уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве России. - Журнал общество и право. - № 2. - 2014. - с. 105.
4. Келина, С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте УК РФ // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. с. 53.
5. Тарасов, Ю. В. Может ли юридическое лицо стать субъектом преступления. // Юридический консультат. — 2007. — с. 57

Роль Центрального банка в банковской системе РФ

Крылова Ольга Сергеевна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В экономике под банковской системой понимается совокупность различных банков, кредитно-денежных учреждений и некоторых экономических организаций, исполняющие различные банковские операции.

Экономическая система каждого государства не может существовать без банковской системы, так как ее основная функция — это накопление капитала и перераспределение свободных средств в экономике, и Россия не является исключением. Банки выступают связующим элементом между сельским хозяйством, промышленностью, торговлей и населением. И в этом проявляется значимость банковской системы для граждан, бизнеса и экономики государства в целом.

Ключевым элементом современной банковской системы является Центральный банк это и обусловило актуальность темы статьи. Потребность в центральных банках появилась в связи с развитием товарно-денежных отношений около трехсот лет назад (в 1668 году в Швеции был основан один из первых центральных банков под названием Риксбанк). К 20 веку значение роли центрального банка ещё больше увеличилось абсолютно для всех стран мира. В 1920 году в Брюсселе состоялась Международная финансовая конференция, где было сказано, что «в странах, где не существует центрального банка, его следует создать».

Ключевые слова: банковская система, Центральный Банк, функции Центрального банка.

The role of the central bank in the banking system of the Russian Federation

In Economics, the banking system is understood as a set of different banks, monetary institutions and some economic organizations that perform various banking operations.

The economic system of each state cannot exist without the banking system, as its main function is the accumulation of capital and redistribution of free funds in the economy, and Russia is no exception. Banks act as a link between agriculture, industry, trade and the population. And this shows the importance of the banking system for citizens, business and the economy of the state as a whole.

A key element of the modern banking system is the Central Bank and this has led to the relevance of the topic. The need for Central banks appeared in connection with the development of commodity-money relations about three hundred years ago (in 1668 in Sweden was founded one of the first Central banks called Riksbank). By the 20th century, the role of the Central Bank had become even more important for all countries of the world. In 1920, an international financial conference was held in Brussels, where it was said that «in countries where there is no Central Bank, it should be established».

Key words: banking system, Central Bank, functions of the Central Bank.

Банковская деятельность так многообразна, что её реальную сущность тяжело определить. Банки в современном мире выполняют очень разнообразные виды операций. Кроме организации денежного оборота и кредитно-денежных отношений, с их помощью осуществляется финансирование сельского хозяйства и промышленности, купля-продажа ценных бумаг, и многое другое.

В финансовой и экономической системе нашей страны ведущая роль принадлежит ЦБ РФ. Полномочия Центрального банка устанавливаются Конституцией РФ, Федеральными законами «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [1] и «О банках и банковской деятельности» [2].

В банковской системе РФ ЦБ РФ — важнейший банк государства и кредитор последней инстанции. Цен-

тральный банк РФ является монополистом по выполнению функции всеобщего регулирования деятельности всех коммерческих банков в условиях функционирования единой денежно-кредитной системы России.

Сам Центральный банк РФ обязан обеспечить успешное функционирование коммерческих банков России согласно принятой экономической программой. Также ЦБ РФ выступает в качестве основного элемента государственной денежно-кредитной политики нашей страны.

Центральный банк РФ использует экономические методы управления (нормативные, корректирующие, налоговые) и только в отдельных случаях — административные (прямые запреты или ограничения в отношении определенных параметров работы банков).

Основными целями ЦБ РФ являются:

- развитие и укрепление банковской системы РФ,
- защита и обеспечение устойчивости российского рубля,
- организация эффективного развития платежной системы РФ.

Одной из основных функций Центрального банка РФ является разработка и претворение в жизнь денежно-кредитной политики, представляющей собой часть государственной экономической политики, которая направлена на повышение благосостояния населения России.

ЦБ РФ денежно-кредитную политику реализует в рамках режима таргетирования инфляции. Приоритетом деятельности ЦБ РФ является обеспечение ценовой стабильности — стабильно низкого уровня инфляции — около 4 % ежегодно.

Денежно-кредитная политика, проводимая ЦБ РФ, целенаправленно воздействует на экономику страны посредством процентных ставок.

Основной параметр денежно-кредитной политики — ключевая ставка ЦБ РФ. Центральный банк регулирует экономику не напрямую, а через денежно-кредитную систему. Он воздействует на кредитные институты, создавая при этом определённые условия для их функционирования, от данных условий будет зависеть направление деятельности коммерческих банков и других финансовых организаций, что в итоге и оказывает влияние на экономическое развитие страны [3, с. 258–259].

Литература:

1. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.
2. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395–1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
3. Карабаш, И. С., Усеинов Д. Р. Роль Центрального Банка в банковской системе РФ // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. Крымский инженерно-педагогический университет. 2017. с. 258–259.
4. Чекрыжова, В. В. Роль Банка России в обеспечении стабильности денежной системы // Инновационные технологии в машиностроении, образовании и экономике. 2018. Т. 14. № 1–2 (7). с. 634–637.

ЦБ РФ проводит активную информационную политику, разъясняет причины и результаты принятых решений в области денежно-кредитной политики, понимание которых обществом имеет огромное значение в целях повышения действенности мер ЦБ РФ [4, с. 634–647].

Центральному банку РФ также присуще полномочия по государственному контролю и надзору. Так, в рамках своей деятельности он осуществляет банковский надзор, контроль и надзор за деятельностью кредитных организаций и банковских групп и т. д. При этом в своей деятельности Центральный банк не должен подменять собой правоохранительные органы, например, целью банковского надзора является поддержание стабильности банковской системы, а не карательная функция за нарушение действующего законодательства.

Банк России устанавливает обязательные для кредитных организаций правила проведения банковских операций, ведения бухгалтерского учета, составления и представления бухгалтерской и статистической отчетности.

В целях обеспечения устойчивости кредитных организаций Банк России устанавливает им обязательные нормативы (Инструкция № 110). В случае нарушения кредитной организацией федеральных законов, нормативных актов и предписаний Банка России, непредставления информации, предоставления неполной или недостоверной информации Банк России имеет право требовать от кредитной организации устранения выявленных нарушений, взыскивать штраф в размере до 0,1 % от размера минимального уставного капитала либо ограничивать проведение отдельных операций на срок до шести месяцев.

Взаимоотношения Банка России с коммерческими банками определены в гл. 11 ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». Так предусматривается, что Банк России взаимодействует с кредитными организациями, их ассоциациями и союзами, проводит консультации с ними перед принятием наиболее важных решений нормативного характера, предоставляет необходимые разъяснения, рассматривает предложения по вопросам регулирования банковской деятельности.

Центральный банк играет ключевую роль во всей экономике государства в целом, в зависимости от того примет ли правильный курс в своей политике центральный банк будет зависеть дальнейшее развитие экономики страны.

Проблема выделения форм и видов соучастия в преступлении

Кузьмина Екатерина Сергеевна, студент магистратуры
(г. Тюмень)

Актуальность темы. Проблеме выделения форм и видов соучастия, их разграничению и соотношению в современных условиях придается важное научно-практическое значение. Наличие многообразных способов группового совершения преступления, отсутствие ясности и конкретности уголовных норм в отношении его форм и видов, а также неоднозначная судебная практика, затрудняют квалификацию групповых преступлений, индивидуализацию и дифференциацию ответственности их участников. Практика настоятельно требует совершенствования квалификации преступлений, совершенных при различных формах и видах соучастия.

Цель настоящей статьи заключается в выработке авторского подхода к выделению форм и видов соучастия в преступлении.

Задачи работы включают:

- выявление особенностей соотношения понятий «форма соучастия» и «вид соучастия»;
- исследование существующих в литературе классификаций форм и видов соучастия в преступлении;
- разработка авторского подхода к выделению форм и видов соучастия.

Отсутствие общепринятого определения понятия «форма соучастия» позволяет выработать его авторскую трактовку: это предусмотренные Общей частью УК РФ варианты соучастия, различающиеся по способам взаимодействия соучастников и внутренней структуре группы, имеющие основополагающий характер, являясь базовыми технико-юридическими конструкциями, используемыми законодателем для создания уголовно-правовых норм Особенной части УК, служащие индикатором степени общественной опасности конкретного преступления, характеризующиеся специальными правилами квалификации и оказывающие влияние на индивидуализацию наказания.

В отношении видов соучастия, выделяемых в рамках одной формы, полагаем, что им присущи как общие признаки (отраженные в понятии соответствующей формы), так и отличительные признаки (из которых складывается понятие конкретного вида соучастия, предусмотренного нормой Особенной части УК РФ). Другими словами, категории «форма» и «вид» соотносятся как род и вид.

Проанализируем некоторые встречающиеся в доктрине уголовного права классификации соучастия. Так, общие черты присущи классификациям соучастия Ф.М. Абубакирова, Р.Р. Галиакбарова, Л.Д. Гаухмана и Л.Д. Ермаковой. Среди форм соучастия авторы выделяют: соучастие с распределением ролей (сложное соучастие); соисполнительство (которое охватывает группу лиц и группу лиц по предварительному сговору); организованная группа; преступное сообщество [1].

Соисполнительство как форма соучастия также выделял М.И. Ковалев (под названием «совиновничество») [2].

Представляется, что предлагаемое данными учеными объединение группы лиц и группы лиц по предварительному сговору в одну форму соучастия («соисполнительство») не представляется возможным, т. к. между ними имеется существенное юридическое отличие — их преступная деятельность предполагает различную квалификацию. Например, грабеж, совершенный группой лиц без предварительного сговора, квалифицируется по ч. 1 ст. 161 УК РФ, по предварительному сговору — по п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Очевидно, что научная классификация призвана подчеркнуть, а не нивелировать существенные различия между преступными объединениями, предусмотренными УК РФ. В противном случае не достигается одна из главных задач уголовно-правовой теории — помощь в дачи точной юридической оценки преступлений.

В научном сообществе широко признана классификация соучастия В.С. Комиссарова. По характеру выполнения объективной стороны преступления автор подразделяет соучастие на два вида — простое (соисполнительство) и сложное (соучастие с распределением ролей). По степени согласованности — на четыре формы: группу лиц, группу лиц по предварительному сговору, организованную группу, преступное сообщество [3].

Считаем, что данная классификация оставляет без должного внимания тот факт, что соучастие с распределением ролей (называемое автором сложным), может выступать в двух ипостасях — и в качестве самостоятельной конструкции соучастия, и как особая характеристика распределения ролей в рамках организованной группы и преступного сообщества. Таким образом, соучастие с распределением ролей выступает в двух совершенно разных качествах. В первом случае оно представляет одну из типовых конструкций соучастия, отражающейся на квалификации, а значит, «равноправной» с формами соучастия, указанными в ст. 35 УК РФ. Во втором случае выступает как один из вариантов взаимодействия соучастников в рамках таких форм, как организованная группа и преступное сообщество (преступная организация), и не оказывает влияния на квалификацию. Помимо этого, соучастие с выполнением различных ролей сосуществует с другими формами — группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом.

Таким образом, соучастие с распределением ролей не следует считать только лишь видом соучастия, оно заслуживает статуса формы соучастия.

Также заслуживает внимания классификация соучастия, предложенная С. В. Петровым [4]. К числу видов соучастия автор относит: простое (без распределения ролей); сложное (с распределением ролей); соучастие особого рода (преступное сообщество); с предварительным сговором; без предварительного сговора. С. В. Петров выделяет четыре формы соучастия: группу лиц; группу лиц по предварительному сговору; организованную группу; преступное сообщество.

Полагаем, что данная классификация также не лишена недостатков, к числу которых относится логическая противоречивость и пересечение классификационных рядов. Причиной противоречивости выступает то обстоятельство, что научная категория сама по себе (вид соучастия) не может составлять предмет классификации, им может быть только явление — соучастие в преступлении.

Нельзя не отметить еще одну фактическую неточность — соучастие с распределением ролей, которое рассматривается как не обладающее самостоятельным существованием (вид соучастия), в судебной практике существует вполне самостоятельно, например, в виде группы из исполнителя и организатора, совершившей единичное преступление.

Также, возникает вопрос, почему преступное сообщество автор относит и к формам соучастия, и к его видам? Получается, что одно и то же явление входит одновременно в две классификационные группы, что противоречит правилам научной классификации (пересечение классифика-

ционных рядов). По данным причинам рассматриваемую классификацию невозможно использовать ни для практического применения норм уголовного закона, ни для теоретического их познания.

Таким образом, для устранения недостатков, свойственных проанализированным выше концепциям, считаем необходимым разработку иной классификации соучастия по формам и видам.

Так, в зависимости от свойственных преступным объединениям внутренних связей, особенностей уголовно-правовой оценки содеянного их членами и уровня общественной опасности мы разделяем соучастие на пять форм (располагая в порядке возрастания опасности): соучастие с распределением ролей (сложное соучастие); группа лиц; группа лиц по предварительному сговору; организованная группа; преступное сообщество (преступная организация).

Виды соучастия следует выделять в рамках одной формы, т. е. категории «форма» и «вид» соотносятся как род и вид. Уголовно-правовое значение приобретают лишь те виды соучастия, которые предусмотрены отдельными нормами Особенной части УК РФ как признаки того или иного состава преступления. Так, видами организованной группы являются: террористическая организация (ст. 205.5 УК РФ), незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ), банда (ст. 209 УК РФ), некоммерческая организация, посягающая на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), экстремистская организация (ст. 282.2 УК РФ).

Литература:

1. Абубакиров, Ф. М. Актуальные проблемы применения Общей части уголовного права. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2005. с. 141–142; Галиакбаров Р. Р. Формы соучастия // Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. с. 248–311; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М.: Контракт, Инфра-М, 2008. с. 272 (автор главы — Л. Д. Ермакова); Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова. М.: Юриспруденция, 2009. с. 183.
2. Ковалев, М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999. с. 190–191.
3. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. А. И. Рарога. М.: Дашков и Ко, 2010. с. 217–218 (автор главы — В. С. Комиссаров); Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. А. В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. с. 111; Шатов С. А. Соучастие в преступлении. СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. с. 112.
4. Петров, С. В. Преступное сообщество как форма соучастия: проблемы теории и практики. Н. Новгород: НИУ РАНХиГС, 2013. с. 80.

Соотношение понятий «земля» и «земельный участок» в России и Украине

Войнова Елена Петровна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Бондаренко Сергей Сергеевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что эффективность правового регулирования, обеспечение правопорядка и законности в земельных отношениях зависит от того, как в законодательстве сформулированы понятия и насколько раскрываются их юридические признаки. Чёткие определения понятия позволяют избегать коллизий, противоречий и пробелов в земельном законодательстве. А это напрямую влияет на эффективность правоприменения в сфере регулирования земельных правоотношений. Действующее законодательство как России, так и Украины оперирует терминами «земля» и «земельный участок», которые являются разными по своей правовой нагрузке, что может приводить к неоднозначным выводам как в теоретическом, так и практическом плане.

Тоточенко Д. А. считает, что определение понятия земельного участка и разграничение его от иных смежных терминов, применяющихся в земельном законодательстве, имеют важное практическое значение. Оно проявляется прежде всего в том, что налогообложение, совершение сделок, связанных с переходом прав, а также возможность пользоваться судебной защитой при возникновении споров в полной мере могут быть реализованы лишь в отношении земельного участка, отвечающего требованиям, содержащимся в законодательстве [1, с.152–159].

Признаки понятия «земли» предложил А. Ю. Дрозд, по мнению которого «земля характеризуется тем, что она: а) неотъемлемая часть окружающей природной среды; б) территориально-пространственная основа ландшафта; в) характеризуется особым почвенным слоем; г) является основой для размещения растительности, водных объектов, полезных ископаемых, других ресурсов и природных элементов» [2, с. 32–35].

Конституция Украины и Земельный кодекс Украины не закрепляют определение понятия «земли», что отрицательно влияет на регулирование земельных отношений.

Согласно ст.1 Закона Украины «Об охране земель» земля — поверхность суши с почвами, полезными ископаемыми и другими природными элементами, органично сочетаются и функционируют вместе с ней [3].

То есть, законодатель определяет понятие земля существенно с точки зрения её природных свойств, то есть земля — природный ресурс.

Определение земли можно найти в одном из ГОСТов, где земля определяется как важнейшая часть окружающей природной среды, характеризующаяся пространством, рельефом, климатом, почвенным покровом, рас-

тительностью, недрами, водами, являющаяся главным средством производства в сельском и лесном хозяйстве, а также пространственным базисом для размещения предприятий и организаций всех отраслей народного хозяйства [4].

Но для Украины это определение уже не актуально, так как ГОСТ 26640–85 (СТ СЭВ 4472–84) не применяется на территории Украины с 17.03.2017.

Понятие «земля» отлично от термина «земельный участок», который подлежит применению в российском земельном законодательстве [5, с.61–65].

Законодатель достаточно последовательно разграничивает данные понятия, хотя и не акцентирует внимание на критериях их разграничения [6, с.127–139].

В отличие от термина «земля» в Земельном Кодексе РФ раскрывается понятие «земельный участок». Согласно п. 3 ст. 6 Земельного кодекса РФ земельный участок является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи [7].

По мнению Н. Ю. Чаплина, земельный участок является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности в пределах замкнутого контура установленных в соответствии с законом границ (включая поверхностный (почвенный) слой, водные объекты, растения и все, что неразрывно связано с поверхностью участка, за исключением зданий, сооружений и иных построек), используемую по целевому назначению в соответствии с законом и иными правовыми актами». [8, с.155–161].

Согласно п. 1 ст. 79 Земельного кодекса Украины земельный участок — это часть земной поверхности с установленными границами, определенным местом расположения, с определенными относительно него правами [9].

Земельный участок в буквальном смысле означает, прежде всего, определенным образом выделенную среди других или обособленную от других часть земной поверхности.

По мнению Ф. Х. Адиханова, земельный участок — это часть поверхности земли, имеющая фиксированные границы, площадь, местоположение, правовой статус, другие характеристики, отраженные в государственном земельном кадастре и документах государственной регистрации прав на землю. [10, с.6].

В документах ООН земельный участок определяется как «отдельный замкнутый участок или многоугольник,

который географически определён границами, и включает землю, на которую распространяются однородные имущественные права и которая находится в одной и той же собственности» [11, с.9–10].

Таким образом, факт выделения среди других части пространства является основной причиной образования земельного участка, а признак её замкнутости среди других частей пространства является первым и главным признаком.

Земельные участки как объекты права собственности граждан на земельные участки определены в натуре на местности, имеют границы. При этом земельный участок является недвижимостью особого рода в силу закона, а сама земля как недвижимость означает, что она может быть индивидуализирована и описана по установленным правилам. В отличие от земли, только земельный участок является объектом гражданского права как индивидуально-определённое недвижимое имущество. Земельные доли в земельном участке, находящемся в общей долевой собственности, являются самостоятельным объектом права собственности, однако на местности не выделяются. Часть земельного участка не может быть объектом права собственности, но может быть объектом обязательственных отношений, не связанных с отчуждением (аренда, ипотека), если они были надлежащим образом выделены и оформлены на планах земельных участков, составными частями которых они являются. [12, с.40–46].

Как указывает В. Д. Сидор, земельный участок «отличается от других объектов земельных правоотношений тем, что представляет собой индивидуально-определённый объект» [13, с. 98].

В частях 2 и 3 ст. 79 Земельного Кодекса Украины предусмотрено, что право собственности на земельный участок распространяется в его пределах на поверхностный (почвенный) слой, а также на водные объекты, леса и многолетние насаждения, находящиеся на нем, если иное не установлено законом и не нарушает прав других человек. Право собственности на земельный участок распространяется на пространство, находящееся над и под поверхностью участка на высоту и на глубину, необходимые для возведения жилых, производственных и других зданий и сооружений [9].

По мнению П. Ф. Кулинича, «это законодательное положение нельзя трактовать буквально, то есть как распространение права собственника земельного участка на пространство под и над участком, поскольку пространство как таковое не является материальной субстанцией. В праве Украины понятие земель, лесов, вод и недр является узкоотраслевым. Поэтому земельно-правовое определение понятия земельного участка не может включать в себя как воздушный столб над её поверхностью, так и часть недр под её поверхностью, так как такое определение будет представлять собой выход за пределы сферы действия земельного права и вторжения в «компетенцию» другой отрасли права» [14, с. 215–216].

Российское законодательство определяет пространственные границы земельного участка более узко. Так, в соответствии с ч.2 и ч.3 ст. 261 Гражданского Кодекса РФ, если иное не установлено законом, право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах этого участка поверхностный (почвенный) слой и водные объекты, находящиеся на нем растения. Собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится над и под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о недрах, об использовании воздушного пространства, иными законами и не нарушает прав других лиц [15].

Таким образом, ст.261 ГК РФ не распространяет право собственности на земельный участок на все, что находится над и под поверхностью земельного участка, а лишь указывает, что собственник вправе использовать такие объекты, в случае если иное не установлено законом.

К. С. Калинин отмечает, что в современном законодательстве России наблюдается тенденция реструктуризации объектов недвижимости, которая приводит к увеличению сферы распространения права собственности на земельный участок. Российский законодатель постепенно расширяет границы земельного участка путем исключения определенных объектов из числа объектов недвижимости [16, с.135–146].

Понятие «земельный участок» носит чисто юридический, а точнее, частноправовой характер. Земля — это совокупность индивидуализированных земельных участков. Полагаем, что когда мы не индивидуализируем конкретный участок земли, можно употреблять понятие «земли» или «земля», также это понятие употребляется относительно земель, составляющих фонд природных ресурсов. Однако если возникают правовые отношения относительно определенного участка с указанием его характеристик, следует употреблять понятие «земельный участок» [17, с.27].

По мнению Е. А. Конюха, в Земельном Кодексе РФ обязательно должно быть дано понятие не только земельного участка, но и земли, для того чтобы имелась возможность однозначного толкования и единообразного применения норм земельного и гражданского права [18].

Нельзя не согласиться с мнением этого учёного, на мой взгляд, есть ещё одна проблема и заключается она в том, что в большинстве своём термин «земля» употребляется вместо понятия «земельный участок». Чаще мы можем встретить термин «аренда земли» (вместо «аренда земельного участка»), «купля-продажа земли» (вместо «купля-продажа земельного участка»).

А. П. Анисимов и А. Е. Черноморец полагают, что объектом земельных отношений всегда будет конкретный земельный участок, как бы мал или велик по размерам он ни был. Понятие «земля», как им представляется, является понятием «весьма абстрактным и характеризует лишь ее

связь с природой»; понятие «земельный участок» просто заменяется словом «земля», которое является «сокращенным и всем понятным обозначением земельного участка» [19, с.28–29].

Не могу согласиться с мнением этих учёных, ведь и земля, и земельный участок являются объектами земельных отношений, но при этом только земельный участок является объектом права собственности.

Литература:

1. Тоточенко Д. А. Понятие «земельный участок» и его соотношение со схожими терминами // Журнал российского права. 2016. N 11. С. 152–159.
2. Дрозд О. Ю. Визначення об'єкта земельних правовідносин / О. Ю. Дрозд // Адвокат. — 2011. — № 1(124). — С. 32–35.
3. Про охорону земель Закон України від 19.06.2003 № 962-IV [Электронный ресурс]. — Режим доступа <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/962-15>
4. ГОСТ 26640–85 (СТ СЭВ 4472–84). Государственный стандарт Союза ССР. Земли. Термины и определения (утв. и введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 28.10.1985 N 3453)
5. Фучко А. С. Юридические гарантии и особенности ограничения прав граждан на земельные участки // Современное право. 2015. N 12. С. 61–65
6. Козлов Д. В. Соотношение понятий «земля» и «земельный участок» в современном российском праве // Вопросы российского и международного права. 2016. № 2. С. 127–139.
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ в ред. от 03.08.2018 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2018).
8. Чаплин Н. Ю. Понятие и особенности земельного участка как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2018. N 8. С. 155–161.
9. Земельний кодекс України Кодекс України; Кодекс, Закон від 25.10.2001 № 2768-III; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2768-14>
10. Адиханов Ф. Х. Земельное право России: курс лекций. Барнаул, 1999. С. 6.
11. Guidelines on Real Property Units and Identifiers. — New York and Geneva: United Nations, 2004. -P.9–10.
12. Бочаров Н. Н. Правовой режим земельного участка как объекта права собственности граждан // Юрист. 2014. N 8. С. 40–46.
13. Сидор В. Д. Теоретичні підходи до визначення ознак земельної ділянки / В.Д Сидор // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія Право. — 2014. — Вип. 27. — Т. 2. — С. 97–100.
14. Кулинич П. Ф. Земельна ділянка як об'єкт правових відносин: поняття, ознаки, види / П. Ф. Кулинич // Часопис Київського університету права. — 2010. — № 3. — С. 215–219.
15. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ в ред. от 03.08.2018 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018)
16. Калиниченко К. С. Земельный участок и участок недр как объекты права по законодательству России и Германии // Арбитражные споры. 2015. N 4. С. 135–146.
17. Дамбиева Т. В. К вопросу о понятии земельного участка // Журнал российского права. № 2. 2013. С. 27
18. Конюх Е. А. Возмещение вреда, причиненного земельными правонарушениями: гражданско-правовой аспект: дис.... канд. юрид. наук. Омск, 2003
19. Анисимов, А. П. Некоторые вопросы теории земельного права в свете нового Земельного кодекса РФ / А. П. Анисимов, А. Е. Черноморец // Новая правовая мысль. — 2002. — № 1. — С.28–29.

Административно-правовой статус военнослужащего

Куценко Алексей Александрович, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются вопросы нормативно-правовых положений с военнослужащих граждан РФ.

Ключевые слова: военная служба, статус военнослужащего, Российская армия, административно-правовой статус, ВС РФ.

Происхождение статуса «военнослужащий» можно отнести к моменту создания воинских формирований. На законодательном уровне впервые определен Иваном III для содержания и развития войска, а также материального стимулирования военнослужащих. Самого высокого уровня статус достиг при Петре Великом и был закреплён в Табели о рангах от 24 января 1722 года.

Статус военнослужащего входит в общее понятие «специальный статус» и является отражением особенности положения определенного контингента граждан. Приобретают статус военнослужащих с началом военной службы и утрачивают его с окончанием военной службы. Из этого следует, что основным признаком понятия статуса «военнослужащий» является призыв, либо поступление на военную службу после окончания специального учебного заведения и уже как следствие зачисление в состав вооружённых сил РФ, органа, учреждения или организации, в котором законом предусмотрена военная служба.

В построении специального статуса военнослужащих можно выделить следующие части:

- общую, которую отнесем к правовому статусу гражданина вообще;
- специальную, в которую включим совокупность общих военно-служебных прав и обязанностей;
- особенную, куда включим комплекс специфических черт, отражающих правовой порядок категорий военнослужащих;
- единичную, включающую в себя особенности правового положения конкретного военнослужащего.

Административно-правовой статус военнослужащего — это сложный механизм по своему построению, а также законодательной структуре. Гражданин РФ призванный в ряды Российской армии — став военнослужащим, автоматически приобретает общие, специальные, должностные обязанности и соответствующие им права.

Административно-правовой статус военнослужащего состоит:

- прав военнослужащего;
- обязанностей военнослужащего;
- гарантий военнослужащего в процессе военной службы;
- ограничений и запретов во время военной службы;
- ответственности военнослужащих.

Если говорить о правах военнослужащих, то они являются законодательно установленными в РФ правовыми

возможностями эффективно осуществлять обязанности по замещаемым должностям военной службы.

Что касается обязанностей военнослужащих, то они установлены положениями таких НПА, как: ФЗ «О статусе военнослужащих» [1], Устав внутренней службы ВС РФ, Дисциплинарный устав ВС РФ, а также Устав гарнизонной и караульной служб ВС РФ [2]. Положениями перечисленных НПА все обязанности граждан на военной службе можно разделить на общие, должностные и специальные.

Относительно гарантий на военной службе можно сказать, что они являются совокупностью административно-правовых мер, которые призваны обеспечивать такие виды защищенности военнослужащих, как правовая и социальная.

Если говорить об ограничениях и запретах на военной службе, то можно сделать вывод о том, что они включают в себя императивный перечень деяний, которые признаются несовместимыми со статусом военнослужащего и могут нанести значительный ущерб интересам, как военной службы, так и государства, и общества в целом.

Относительно ответственности военнослужащего необходимо отметить, что тот гражданин, который проходит военную службу либо призван на военные сборы, в зависимости от того, каков характер и тяжесть правонарушения, которое он совершил, может быть привлечен к таким видам ответственности, как административная, материальная и уголовная, а также и к другим видам юридической ответственности.

Административно-правовой статус военнослужащих можно определить также с помощью воинской должности, т. к. все должностные обязанности включают в себя права, обязанности и ответственность. Кроме того, исходя из специфики военной службы к составляющим административно-правового статуса военнослужащего можно отнести и воинские звания, которые присваиваются в соответствии с занимаемой должностью, и полномочия, которыми наделяются все служащие в рядах Российской Армии, в том числе при выполнении боевых задач, и государственные гарантии, призванные обеспечить правовую и социальную защищенность военнослужащих.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что статус военнослужащего не только результат слияния общего и специального правового статуса, а именно в силу такого взаимодействия конституционные права, свободы

и обязанности прописываются и конкретизируются в их реализации в условиях Вооруженных Сил, что влечет за собой некоторые ограничения в правах и свободах.

Литература:

1. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ: по сост. на 01.07.2017 // СЗ РФ. — 01.06.1998. — № 22. — Ст. 2331.
2. Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»): Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495: по сост. на 16.05.2017 // СЗ РФ. — 19.11.2007. — № 47 (1 ч.). — Ст. 5749.
3. Военное право (Учебник 2004) В. Г. Стрекозова, А. В. Кудашкина.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Искаков Р. М.
Кайгородов И. Б.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кошербаева А. Н.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Федорова М. С.

Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Искаков Р. М. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Кошербаева А. Н. (Казахстан)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Кыят Э. Л. (Турция)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Федорова М. С. (Россия)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственный редактор: Осянина Е. И.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 12.12.2018. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25